

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР

ПОД СТЯГОМ
ПОБЕДНЫМ

The Big Book. Исторический роман

Сесил Скотт Форестер

**Капитан Хорнблауэр.
Под стягом победным**

«Азбука-Аттикус»

1937, 1938, 1941

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Форестер С.

Капитан Хорнблауэр. Под стягом победным / С. Форестер —
«Азбука-Аттикус», 1937, 1938, 1941 — (The Big Book.
Исторический роман)

ISBN 978-5-389-20988-6

Сага об офицере Королевского флота Великобритании Горацио Хорнблауэре, прошедшем славный и трудный путь от простого мичмана до лорда и адмирала, – уникальное явление в мировой историко-авантюрной литературе. Миллионный круг почитателей, бесконечные тиражи, поистине мировое признание, выведшее писателя в классики жанра, кино- и телеверсии с участием таких известных актеров, как Грегори Пек, Кристофер Ли, и других звезд мирового кинематографа. Автор саги Сесил Скотт Форестер говорил о своем герое: «Он доставил мне бесчисленных друзей по всему миру. Таможенники читают мою фамилию и пропускают мой багаж, не досматривая. Он свел меня с адмиралами и принцессами, и я благодарен ему, честное слово, хотя и думаю часто, что лучше б ему этого не делать». Не каждому писателю настолько повезло с персонажем. Сага о Горацио Хорнблауэре оставила заметный литературный след. Книжный сериал Бернарда Корнуэлла о стрелке Шарпе создавался под влиянием Форестера. Патрик О'Брайен, отталкиваясь от книг знаменитой саги, написал многотомную эпопею о капитане Обри. Даже Гарри Гаррисон спародировал по-доброму образ героя Форестера в одном из своих рассказов («Капитан Гонарио Харпплейер»). В этой книге продолжена морская одиссея Хорнблауэра, здесь он уже капитан, закаленный и потрепанный в битвах, но не оставивший того молодого задора, с которым он пришел в Королевский флот.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20988-6

© Форестер С., 1937, 1938, 1941

© Азбука-Аттикус, 1937, 1938, 1941

Содержание

Все по местам!	7
I	7
II	13
III	16
IV	22
V	29
VI	34
VII	38
VIII	47
IX	52
X	56
XI	59
XII	63
XIII	67
XIV	72
XV	75
XVI	78
XVII	82
XVIII	95
XIX	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сесил Скотт Форестер
Капитан Хорнблауэр. Под стягом победным
Пятый, шестой, седьмой романы и
рассказ из цикла «Горацио Хорнблауэр»

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, послесловие, 1994, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Все по местам!

Роман

I

Только что рассвело, когда капитан Хорнблауэр вышел на шканцы «Лидии». Буш, первый лейтенант, нес вахту. Он козырнул, но не заговорил – за семь месяцев в море он неплохо изучил привычки своего капитана. В первые утренние часы с ним нельзя заговаривать, нельзя прерывать ход его мыслей.

В соответствии с постоянно действующим приказом – подкрепленным уже и традицией (вполне естественно, что за столь невероятно долгое плавание сложились свои традиции) – Браун, рулевой капитанской шлюпки, проследил, чтобы матросы чуть свет выдраили и присыпали песком подветренную сторону шканцев. Буш с вахтенным мичманом при первом появлении капитана отошли на наветренную сторону, и Хорнблауэр немедленно начал расхаживать взад-вперед, взад-вперед по двадцати одному футу палубы, посыпанной для него песком. С одной стороны его прогулку ограничивали платформы шканцевых каронад, с другой – ряд рымболтов для крепления орудийных талей. Участок палубы, по которому Хорнблауэр прогуливался каждое утро в течение часа, имел пять футов в ширину и двадцать один в длину.

Взад-вперед, взад-вперед шагал капитан Хорнблауэр. Хотя он с головой ушел в свои мысли, подчиненные по опыту знали – его моряцкое чутье все время настороже. Не отдавая себе отчета, он следил за тенью грот-вант на палубе, за ветром, холодившим его щеку, и, стояло рулевому хоть немного оплошать, отпускал замечание, тем более резкое, что его потревожили в этот, самый значительный из дневных часов. Так же неосознанно он примечал и все остальное. Проснувшись на койке, он сразу увидел по указателю компаса над головой, что курс – норд-ост, тот же, что и предыдущие три дня. Выйдя на палубу, он машинально отметил, что ветер с запада слабый и корабль под всеми парусами до бом-брамселей идет со скоростью, едва достаточной для управления рулем, что небо – вечно-голубое, как всегда в этих широтах, а море – почти совсем гладкое, и лишь долгие пологие валы монотонно вздымают и опускают «Лидию».

Первой осознанной мыслью капитана Хорнблауэра была такая: Тихий океан по утрам, синий вблизи и светлеющий к горизонту, похож на геральдический лазурно-серебряный щит. Он едва не улыбнулся: вот уже две недели он каждое утро ловил себя на этом сравнении. И сразу мозг его заработал четко и быстро. Он посмотрел на шкафут, увидел, что матросы драят палубу, прошел вперед – на главной палубе та же картина. Матросы переговаривались обычными голосами. Дважды он слышал смех. Это хорошо. Люди, которые так говорят и смеются, вряд ли замышляют мятеж – а капитан Хорнблауэр в последнее время постоянно держал в голове такую возможность. За семь месяцев в море корабельные запасы почти истощились. Неделию назад он срезал выдачу воды до трех пинт в день – маловато на десяти градусах северной широты при рационе из солонины и сухарей, особенно если вода эта семь месяцев простояла в бочках и кишит зеленой живностью.

Тогда же, неделю назад, последний раз давали лимонный сок. Уже в этом месяце надо ждать цингу, а доктора на борту нет. Хэнки, корабельный врач, скончался у мыса Горн от сифилиса и алкоголизма. Весь последний месяц табак выдавали по пол-унции в неделю – хорошо, что Хорнблауэр взял весь табак под свой личный контроль, иначе безмозглые матросы уже сжевали бы весь запас, а на людей, лишенных табака, полагаться нельзя. Он знал, что нехватка

табака тревожит матросов больше, чем недостаток дров, из-за которого им ежедневно дают солонину, едва доведенную до кипения в морской воде.

Нехватка табака, воды и дров была тем не менее пустяком в сравнении с неминуемой нехваткой рома. Хорнблауэр еще не решился срезать дневную раздачу, и рома на корабле оставалось всего на десять дней. Лучшая в мире команда, если ее лишить рома, станет ненадежной. Они сейчас в Южном море¹, на две тысячи миль вокруг нет ни одного британского корабля. Не так далеко к западу лежат сказочные острова, там живут красивые женщины, а пища достается без труда. До счастливой, беспечной жизни рукой подать. Какой-нибудь негодяй, осведомленный лучше других, может бросить намек. Сейчас его оставят без внимания, но позже, лишенные блаженного перерыва на грог, матросы начнут прислушиваться. С тех пор как соблазненная чарами Тихого океана взбунтовалась команда «Баунти»², каждый капитан корабля его британского величества, заброшенный в эти воды велением службы, неизбежно мучился страхами.

Хорнблауэр, шагая по палубе, вновь пристально взгляделся в матросов. Семь месяцев в море без единого захода в порт дали ему блестящую возможность превратить шайку завербованных или собранных по тюрьмам людей в настоящих моряков, но они слишком долго не видели никакого разнообразия. Чем скорее корабль достигнет побережья Никарагуа, тем лучше. Поездка на берег развлечет людей, можно будет раздобыть воду, свежую пищу, табак и спиртное. Хорнблауэр мысленно вернулся к недавним расчетам местоположения. В широте он был уверен, а проведенные прошлой ночью наблюдения Луны вроде бы подтвердили хронометрические определения долготы – хотя трудно поверить, что на хронометры можно полагаться после семи месяцев в море. Менее чем в ста милях впереди, самое большое – в трехстах лежит тихоокеанское побережье Испанской Америки. Кристел, штурман, видя уверенность Хорнблауэра, только качал головой, но Кристел – старый дурак и никудышный навигатор. Ладно, ближайшие два-три дня покажут, кто был прав.

И тут же в голове у Хорнблауэра заворочались новые проблемы: как провести эти два или три дня. Людей нужно занять. Ничто так не способствует мятежу, как длительное безделье, – те десять отчаянных недель, пока огибали мыс Горн, Хорнблауэр мятежа не боялся. В предполуденную вахту он объявит учебную тревогу и потренирует матросов в стрельбе – по пять выстрелов из каждой пушки. Отдача на время замедлит продвижение судна, но тут ничего не попишешь. Быть может, это последнее учение перед тем, как пушкам придется стрелять всерьез.

Мысль о предстоящих учениях дала Хорнблауэру новую пищу для размышлений. Пять выстрелов из каждой пушки – это примерно тонна пороха и ядер. Осадка «Лидии» и так уменьшилась, поскольку припасы на исходе. Хорнблауэр мысленно представил трюм фрегата и взаимное расположение кладовых. Пора вновь обратить внимание на дифферент. После того как матросы пообедают, он прикажет спустить шлюпку и обойдет вокруг корабля на веслах. Он ожидал, что увидит легкий дифферент на корму. Завтра, возможно, надо будет передвинуть каронады № 1 на полубаке туда, где они стояли первоначально. Пока он будет осматривать корабль, придется убавить парусов. Значит, можно сделать все как следует и дать Бушу погонять команду наверху. Буш, как и пристало первому лейтенанту, питает слабость к такого рода учениям. Сегодня команда сможет побить свой прежний рекорд – одиннадцать минут пятьдесят одна секунда на постановку стеньг и двадцать четыре минуты семь секунд, считая с момента установки стеньг, чтобы поднять все паруса. И тот и другой результат – в этом Хорнблауэр

¹ Так с XVI по XVIII в. называли южную часть Тихого океана. – *Здесь и далее – примеч. перев.*

² Мятеж на британском корабле «Баунти», отправленном на Таити за саженцами хлебного дерева, произошел весной 1789 г. Матросы под предводительством первого помощника высадили капитана с немногими оставшимися верными ему членами команды в шлюпку, а сами вернулись на острова, где основали собственную колонию.

был с Бушем солидарен – далеко не предел: многие команды управляются быстрее, по крайней мере, если верить их капитанам.

Такелаж тихонько зашептал. Значит, ветер крепчает. Судя по холодку на шее и щеке – еще и отошел на румб или два. Едва отметив эти изменения и начав гадать, скоро ли заметит их Буш, Хорнблауэр услышал, как зовут вахту. Мичман Клэй громогласно сзывал ютовую команду. Когда они покидали Англию, у мальчика ломался голос; с тех пор он научился им владеть, а не взвизгивать и хрипеть попеременно. Все так же не обращая видимого внимания на происходящее, не прерывая прогулки, Хорнблауэр вслушивался в привычную последовательность звуков. Вахта с топотом бежала к брасам на корму. Хлопок и вскрик сообщили Хорнблауэру, что боцман Гаррисон саданул тростью какого-то неповоротливого или просто незадачливого матроса. Гаррисон – отличный моряк, но у него есть одна слабость: обожает припечатать тростью хороший округлый зад. Всякий, на ком штаны сидят в обтяжку, вполне мог заработать рубец на задуге единственно по этой причине, особенно если ему по обязанности случилось нагнуться в тот момент, когда Гаррисон проходит мимо.

Размышления о слабости Гаррисона занимали Хорнблауэра почти все время, что паруса брасопили по ветру; они оборвались в тот момент, когда Гаррисон выкрикнул: «Стой!» – и вахта побрела к своим прежним делам. Дин-дон, дин-дон, дин-дон, динь – пробил колокол. Семь склянок утренней вахты. Хорнблауэр уже перегулял свой установленный час и с удовлетворением чувствовал под рубашкой капельки пота. Он подошел к стоящему подле штурвала Бушу.

– Доброе утро, мистер Буш, – сказал капитан Хорнблауэр.

– Доброе утро, сэр, – сказал Буш, в точности как если бы капитан Хорнблауэр не прохаживался час с четвертью в четырех ярдах от него.

Хорнблауэр посмотрел на доску, где записаны показания лага за последние двадцать четыре часа. Ничего особенно примечательного – три узла, четыре узла с четвертью, четыре узла и так далее. Курсовая доска свидетельствовала, что все сутки корабль шел на северо-восток. Капитан чувствовал на себе пытливый взгляд первого лейтенанта и знал, что тот изнывает от желания задать вопрос. Лишь один человек на борту знал, куда направляется «Лидия», – сам Хорнблауэр. Он вышел в море с запечатанными приказами и, вскрыв их, согласно указаниям, на 30° N 20° W, не счел нужным ознакомить первого лейтенанта с их содержанием. Семь месяцев лейтенант Буш успешно перебарывал искушение спросить, но напряжение уже заметно на нем сказывалось.

– Кхе-хм, – Хорнблауэр прочистил горло. Ни слова не говоря, он повесил доску на место, спустился по трапу и вошел в спальную каюту.

Бушу не повезло. Хорнблауэр не опасался, что тот разболтает содержание приказов, и оставлял его в неведении совсем по иной причине. Хорнблауэр боялся собственной болтливости. Пять лет назад, впервые выйдя в море капитаном, он не сдерживал природной общительности, а тогдашний первый лейтенант, злоупотребляя капитанской слабостью, дошел до того, что обсуждал чуть ли не каждый его приказ. В прошлом плавании Хорнблауэр постарался ограничить общение с первым лейтенантом рамками обычной вежливости, но обнаружил, что постоянно за них выходит. Стоило ему открыть рот, он, к своему последующему огорчению, успевал наговорить лишнего. На сей раз он вышел в море с твердым намерением (подобно зарекшемуся пить пьянице) ничего без необходимости не говорить, а приказы, настаивавшие на соблюдении строжайшей секретности, только укрепили его решимость. Семь месяцев он держал зарок, делаясь молчаливее день ото дня, пока противоестественная сдержанность не стала второй натурой. В Атлантическом океане он еще иногда беседовал с мистером Бушем о погоде. В Тихом он снисходил лишь до того, чтобы прочистить горло.

Крохотная спальня была отгорожена от главной каюты переборкой. Одну ее половину занимала восемнадцатифунтовая пушка, на другой еле-еле помещались койка, письменный

стол и сундук. Вестовой Полвил положил бритву и кожаную чашку на кронштейн под зеркальцем в переборке и вжался в письменный стол, давая капитану войти, – два человека с трудом помещались в тесной каюте. Полвил ничего не сказал. За эту-то немногословность Хорнблауэр его и выбрал – даже в общении со слугами он вынужден был постоянно оставаться начеку, чтобы не впасть в навязчивый грех болтливости.

Хорнблауэр стянул мокрую рубашку и штаны, побрился, стоя нагишом перед зеркалом. Лицо, которое там отражалось, не было ни красивым, ни уродливым, ни молодым, ни старым.

Печальные карие глаза, довольно высокий лоб, довольно прямой нос; рот, сжатый с твердостью, приобретенной за двадцать лет морской службы. Непослушные каштановые кудри уже начали редеть, отчего лоб казался еще более высоким. Это раздражало капитана Хорнблауэра, он с отвращением сознавал, что лысеет. Заметив это, он вспомнил и о другом источнике своих огорчений. Он посмотрел вниз на свое нагое тело. Он строен и мускулист – вполне приятная фигура, когда он распрямляется на все свои шесть футов. Но там, где кончались ребра, неопровержимо присутствовал округлый животик, уже выдававшийся за линию ребер и подвздошной кости. Хорнблауэр с редкой в его поколении силой не желал толстеть. Мерзко было думать, что его стройное гладкое тело обезобразит неприглядная выпуклость; вот почему он, человек, в общем-то, ленивый и внутренне чуждый распорядку, принуждал себя каждое утро прогуливаться по шканцам.

Он закончил бриться, отложил бритву и кисточку Полвилу для мытья и подождал, пока тот накинёт ему на плечи ветхий саржевый халат. Вместе они вышли на палубу и подошли к баковой помпе. Там Полвил снял с него халат и принялся качать помпой соленую забортную воду, пока капитан сосредоточенно поворачивался под струей. Когда душ был окончен, Полвил накинул халат на мокрые плечи капитана и следом за ним спустился в каюту. Чистая льняная рубашка (ветхая, но тщательно заштопанная) и белые штаны лежали на койке. Хорнблауэр оделся. Полвил подал ему потертый синий сюртук с потускневшим галуном и шляпу. Все это без единого слова, так Хорнблауэр вышколил себя, подчиняясь добровольному обету молчания. Ненавистник рутины, он, избавляясь от необходимости говорить, настолько закоснел в рутине, что, как обычно, вышел на палубу в точности с первым ударом восьми склянок.

– Все наверх экзекуцию смотреть? – спросил Буш, козыряя.

Хорнблауэр кивнул. Боцманматы засвистели в дудки.

– Все наверх экзекуцию смотреть! – орал Гаррисон с главной палубы, и вскоре матросы выстроились в ряды на предписанных местах.

Хорнблауэр с каменным лицом застыл у шканцевых поручней. Он стыдился, что считает экзекуцию зверством, что назначает ее против воли и смотрит через силу. Две или три тысячи порок, виденные им за последние двадцать лет, ничуть его не ожесточили; напротив, он горестно сознавал, что теперь переносит их гораздо болезненнее, чем семнадцатилетним мичманом. Но сегодняшней порки было не избежать. Некий валлиец по имени Оуэн никак не мог отучиться плевать на палубу. Буш, не советуясь с капитаном, поклялся, что будет пороть его за каждый плевок, и Хорнблауэр, дисциплины ради, вынужден был своей властью скрепить это решение, даже сознавая, что обещанное наказание вряд ли пойдет впредь идиоту, которого не остановила угроза порки.

К счастью, все кончилось быстро. Боцманматы привязали обнаженного по пояс Оуэна к грот-вантам и под барабанный бой выпороли его. Оуэн, вопреки обыкновению других матросов, орал от боли всякий раз, как девятихвостая кошка впивалась ему в спину, и дергался, молотя по палубе босыми ступнями, пока под конец назначенных ему двух дюжин не обвис на привязанных руках тихий и недвижимый. Его окатили водой и отнесли вниз.

– Матросам завтракать, мистер Буш, – бросил Хорнблауэр. Он надеялся, что тропический загар скрыл от окружающих его бледность. Истязать несчастного полудурка – не лучший способ скоротать время до завтрака, а что особенно мерзко, он сам во всем виноват: не нашел в

себе ни решимости, чтобы прекратить порку, ни изворотливости, чтобы выбраться из тупика, в который загнал его своим решением Буш.

Шеренга офицеров на шканцах рассыпалась. Джерард, второй лейтенант, принял у Буша вахту. Корабль – словно волшебная мозаика: кто-то встряхнул ее, перемешал кусочки, а они тут же выстроились в новом, закономерном порядке.

Хорнблауэр спустился в каюту. Полвил уже накрыл к завтраку.

– Кофе, сэр, – сказал Полвил. – Рагу.

Хорнблауэр сел. За семь месяцев в море все деликатесы давным-давно кончились. «Кофе» представлял собой черный отвар пережаренного хлеба, и единственное, что можно было сказать в его пользу, так это что он сладкий и горячий. Словом «рагу» именовалась неопишимого вида мешанина толченой сухарной крошки и рубленой солонины. Хорнблауэр ел рассеянно. Левой рукой он постукивал по столу галетой, чтобы жучки успели вылезти к тому времени, когда он dokonчит рагу.

Он ел, а до него беспрестанно доносились корабельные звуки. Всякий раз, как «Лидия» приподнималась на гребне волны, все ее деревянные части поскрипывали в унисон. Над головой стучали башмаки расхаживающего по шканцам Джерарда и временами раздавалась быстрая поступь мозолистых матросских ног. Ближе к носу монотонно лязгали помпы, выкачивая воду из внутренностей судна. Но все эти звуки были преходящи, и лишь один не смолкал никогда, так что ухо привыкало к нему и не различало, пока специально не обратишь внимание, – шелест ветра в бесчисленных тросах такелажа. То было еле слышное пение, гармония тысяч высоких тонов и полутонов, но оно звенело по всему судну, передаваемое по древесине от русленей вместе с медленным, размеренным скрипом.

Хорнблауэр доел рагу и обратился взором к галете, которой прежде постукивал по столу. Он созерцал ее со спокойным отвращением – неважная пища, к тому же без масла (последний бочонок прогорк месяц тому назад), и сухие крошки придется запивать кофе из пережаренного хлеба. Но прежде, чем он успел откусить, с мачты раздался дикий крик. Хорнблауэр замер, не донесся до рта сухарь.

– Земля! – услышал он. – Эй, на палубе! Земля в двух румбах слева по курсу, сэр!

Это впередсмотрящий с фор-салинга окликал палубу. Хорнблауэр, по-прежнему держа руку с сухарем на весу, услышал на палубе шум и беготню – офицерам и матросам, равно не ведающим, куда они плывут, страстно хотелось увидеть землю – первую за три месяца. Он и сам был взволнован.

Сейчас выяснится, правильно ли он выбрал курс; мало того, возможно, в ближайшие двадцать четыре часа он приступит к исполнению опасной и трудной миссии, возложенной на него их сиятельствами лордами Адмиралтейства. Сердце учащенно забилося. Он страстно желал, подчиняясь первому порыву, броситься на палубу, но сдержался. Еще больше он хотел предстать в глазах команды абсолютно невозмутимым и уверенным в себе человеком – и не из одного тщеславия. Чем больше уважения к капитану, тем лучше для корабля. С видом полного самообладания он закинул ногу на ногу и безучастно попил кофе, когда в дверь, постучавшись, влетел мичман Сэвидж.

– Мистер Джерард послал меня сказать, что слева по курсу видна земля, сэр, – выговорил Сэвидж.

Общее волнение было так заразительно, что он с трудом стоял на месте. Хорнблауэр заставил себя еще раз отхлебнуть кофе и лишь потом заговорил очень медленно и спокойно.

– Скажите мистеру Джерарду, я поднимаюсь на палубу, как только закончу завтракать, – сказал он.

– Есть, сэр.

Сэвидж стремглав вылетел из каюты; его большие неуклюжие ноги застучали по трапу.

– Мистер Сэвидж! Мистер Сэвидж! – заорал Хорнблауэр.

Широкое лицо мичмана вновь появилось в двери.

– Вы забыли закрыть дверь, – сказал Хорнблауэр холодно. – И пожалуйста, не шумите так, поднимаясь по трапу.

– Есть, сэр, – отвечал совершенно уничтоженный Сэвидж.

Хорнблауэр удовлетворенно потянул себя за подбородок. Он вновь отхлебнул кофе, но силы откусить сухарь уже не нашел. Подгоняя время, он забарабанил пальцами по столу.

С салинга долетел голос Клэя, – очевидно, Джерард велел мичману взять подзорную трубу и подняться туда.

– Похоже на огнедышащую гору, сэр. Две огнедышащие горы. Вулканы, сэр.

В ту же секунду Хорнблауэр начал припоминать карту, которую столько раз изучал, уединившись в своей каюте. Все побережье усеяно вулканами; присутствие двух слева по курсу отнюдь не позволяет точно определить положение судна. И все же... все же... Вход в залив Фонсека отмечен именно двумя вулканами слева по курсу. Вполне возможно, что он вывел корабль в точности к цели – через одиннадцать недель после того, как в последний раз видел землю. Дольше ждать было свыше его сил. Он поднялся из-за стола и, в последний момент вспомнив, что должен идти степенно и с видом полного безразличия, вышел на палубу.

II

На шканцах толпились офицеры: все четыре лейтенанта, штурман Кристел, лейтенант морской пехоты Симмондс, баталер Вуд, вахтенные мичманы. Старшины и унтер-офицеры облепили ванты, и все подзорные трубы на корабле были пущены в ход. Хорнблауэр осознал, что строгий ревнитель дисциплины возмущился бы этим вполне естественным поведением, и посему отреагировал соответственно.

– Что такое? – рявкнул он. – Неужели вам нечем заняться? Мистер Вуд, я побеспокою вас просьбой послать за купором и вместе с ним приготовить бочки для воды. Уберите бомбрамсели и лисели, мистер Джерард.

Засвистели дудки, Гаррисон заорал: «Все наверх, паруса убирать!» Джерард со шканцев отдавал команды. На корабле вновь воцарилась деловитая суета. Под обычными парусами «Лидия» ритмично качалась на мелкой зыби.

– Мне кажется, сэр, сейчас я вижу с палубы дымок. – Джерард чуть виновато напоминал капитану, что они приближаются к земле. Он протянул подзорную трубу и указал вперед. У самого горизонта под белым облачком что-то серело, возможно что и дым.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр по привычке.

Он прошел вперед и полез на фока-ванты с наветренной стороны. Он не был силачом, и предстоящая задача отнюдь его не радовала, но деваться было некуда, надо было лезть. Именно поэтому он считал для себя недопустимым, несмотря на сильно мешавшую ему подзорную трубу, пролезть в собачью дыру, и вместо этого проделал сложный обходной путь по путенс-вантам. Не мог он и остановиться передохнуть, зная, что служащие под его началом мичманы играючи пробегали без остановки от трюма до клотика грот-бом-брам-стенги.

Путь по фор-брам-стенг-вантам серьезно его утомил. Тяжело дыша, он выбрался на фор-брам-стенги-салинг и попытался направить подзорную трубу прямо. Он никак не мог отдышаться, мешала и внезапно накотившая нервозность. Клэй беспечно восседал верхом на ноке рея футах в пятнадцати от него, но Хорнблауэр как будто не замечал мичмана. Легкое штопоробразное качание судна заставляло Хорнблауэра вместе с верхушкой стеньги описывать большие круги: вверх, вперед, вбок, вниз. Сперва он видел далекие горы лишь мельком, но через некоторое время поймал их в поле зрения трубы. Ему представился странный пейзаж. Острые пики нескольких вулканов: два очень высоких слева, россыпь конусов поменьше слева и справа. Пока Хорнблауэр глядел, из одного вулкана вырвалась струйка серого дыма – не из вершины, а из побочного жерла – и лениво поползла к висящему над ним белому облачку. За вулканическими конусами виднелся хребет, отрогами которого они и были; но и сам хребет представлялся цепочкой потухших вулканов, размытых и выветрелых с течением столетий, – можно представить, что за адскую кухню являл собой этот берег, когда все они извергались разом. Вершины гор были тепловато-серыми – серыми с розовым оттенком. Ниже Хорнблауэр видел как бы зеленые прожилки – очевидно, растительность вдоль промоин и ручьев. Он отметил относительные высоты и взаимное расположение вулканов, на основании этих данных мысленно нарисовал карту и сравнил с той, которую хранил в памяти. Сходство было несомненное.

– Мне кажется, сэр, я только что видел прибой, – сказал Клэй.

Хорнблауэр перенес взгляд с вершин к подножиям.

Здесь располагалась широкая зеленая полоса, лишь изредка нарушаемая одинокими вулканами. Хорнблауэр провел по ней подзорной трубой, до самого горизонта и обратно. Ему показалось, что он видит слабый белый отблеск. Он вновь поймал это место в поле зрения, засомневался: белое пятнышко то появлялось, то исчезало.

– Совершенно верно, это действительно прибой, – сказал он и тут же пожалел о сказанном. Решительно незачем было отвечать Клэю. Пусть ненамного, но он уронил свою репутацию человека абсолютно невозмутимого.

«Лидия» двигалась прямо к берегу. Глядя вниз, Хорнблауэр видел забавно укороченные фигурки людей на полубаке в ста футах под собой, а возле носа – намек на бурун, означавший, что корабль делает около четырех узлов. Они подойдут к берегу до темноты, особенно если к концу дня бриз усилится. Хорнблауэр встал поудобнее и вновь посмотрел на берег. Временами он уже отчетливо видел полоску прибоя по обе стороны от того места, где заметил ее впервые. Здесь, должно быть, набегающая волна разбивается о вертикальные скалы и взлетает вверх белой пеной. Он все больше утверждался во мнении, что вывел корабль точно к намеченному месту. По обе стороны от полосы прибоя вода была совершенно ровной, а дальше располагались – опять-таки по обе стороны – два средних размеров вулкана. Широкий залив, остров посередине входа и два вулкана по бокам. Именно так выглядел на карте залив Фонсека, но Хорнблауэр с мучительной определенностью знал: даже небольшая погрешность в расчетах могла увести его миль за двести от того места, где, как он полагал, они сейчас находятся, а в этом вулканическом краю разные отрезки побережья весьма схожи. Может быть не один такой залив и не один остров. Мало того, карты ненадежны. Это – копии с карт, которые Ансон³ захватил шестьдесят лет назад в этих самых водах. Всем известно, что карты, составленные даго, – а тем более карты, составленные даго и переснятые безмозглыми адмиралтейскими клерками, – немилосердно врут.

Но пока он смотрел, сомнения его понемногу рассеивались. Открывающийся перед ним залив был непомерно велик, – если б на побережье был еще один такой, его не пропустили бы даже картографы-даго. Хорнблауэр на глаз прикинул ширину входа в залив: что-то около десяти миль. Чуть дальше виднелся еще один типичный для местного ландшафта остров – круто встающий из воды правильный конус. Дальний берег залива Хорнблауэр не различал даже сейчас, хотя за то время, что он пробыл на мачте, корабль прошел около десяти миль.

– Мистер Клэй, – сказал Хорнблауэр, не снисходя до того, чтобы оторваться от подозрительной трубы. – Спускайтесь на палубу. Передайте мистеру Джерарду мои приветствия и попросите его любезно отправить матросов на обед.

– Есть, сэр, – сказал Клэй.

Сейчас на корабле поймут, что предстоит нечто необычное, раз обед сдвинули на полчаса вперед. Британские флотские офицеры всегда старались досыта накормить матросов перед особо трудной операцией.

Хорнблауэр на верхушке мачты подвел итог увиденному. Не приходится сомневаться, что «Лидия» держит курс на залив Фонсека. Он показал незаурядное навигационное мастерство, каким всякий мог бы законно гордиться, – спустя одиннадцать недель после того, как они последний раз видели землю, вывел корабль прямо к намеченной цели. Тем не менее он не испытывал восторга. Такова была его натура: он не радовался уже достигнутому. Честолюбие постоянно требовало от него недостижимого: казаться сильным, молчаливым, недоступным для обычных переживаний и слабостей.

Пока в заливе незаметно было никаких признаков жизни, ни лодок, ни человеческого дыма. Казалось, Хорнблауэр, как второй Колумб, приближается к необитаемому берегу. Можно было рассчитывать, что ближайший час не потребует от него решительных действий. Он сложил подозрительную трубу, спустился на палубу и степенно прошествовал на шканцы.

³ *Джордж Ансон*, 1-й барон Ансон (1697–1762) – британский адмирал, знаменитый своим кругосветным плаванием. В 1740 г. был послан в Южную Америку командующим эскадрой для атаки на испанцев в конфликте, известном как Война за ухо Дженкинса.

Кристел и Джерард оживленно беседовали у поручней. Очевидно, они нарочно отошли от рулевого и отослали подальше мичмана; очевидно также, судя по взглядам, которыми они встретили приближающегося капитана, говорили о нем. Вполне естественно, они взволнованны: «Лидия» – первый со времен Ансона английский корабль, проникший на тихоокеанское побережье Испанской Америки. Эти воды бороздит знаменитый акапулькский галеон, ежегодно доставляющий в Испанию сокровищ на миллион стерлингов; вдоль этого берега каботажные суда везут серебро из Потоси в Панаму. Получалось, что благосостояние каждого человека на борту обеспечено, если только это позволяют неведомые адмиралтейские приказы. Всех волновало, что же предпримет капитан.

– Пошлите надежного матроса с хорошей подзорной трубой на фор-брам-стенги-салинг, мистер Джерард. – И с этими словами Хорнблауэр пошел вниз.

III

Полвил ждал в каюте с обедом. Секунду Хорнблауэр раздумывал, насколько уместно в полдень, в тропиках, подавать на обед жирную жареную свинину. Есть не хотелось, но желание выглядеть героем в глазах собственного слуги взяло верх. Он сел и десять минут быстро ел, через силу проглатывая невкусную пищу. Полвил с живейшим интересом следил за всеми его движениями. Под любопытным взглядом вестового Хорнблауэр встал, пригнувшись под низким подолом, прошел в спальную каюту и отпер письменный стол.

– Полвил! – позвал он.

– Сэр! – откликнулся Полвил, тут же появляясь в дверях.

– Достань мой лучший сюртук и пришей на него новые эполеты. Чистые белые штаны – нет, панталоны – и лучшие белые шелковые чулки. Туфли с пряжками, и чтобы пряжки сверкали. И шпагу с золотой рукоятью.

– Есть, сэр, – отвечал Полвил.

Вернувшись в главную каюту, Хорнблауэр устроился на рундуке под кормовым окном и в который раз достал из пакета секретные адмиралтейские приказы. Он читал их так часто, что давно выучил назубок, но счел благоразумным лишний раз убедиться, что понимает в них каждое слово. Впрочем, они были достаточно недвусмысленны. Некий адмиралтейский клерк, составляя их, дал полную волю воображению. Первые десять абзацев касались плавания до сего момента. Прежде всего надлежало «елико возможно» соблюдать секретность, дабы в Испании не проведали, что к тихоокеанскому побережью их заморских владений направляется британский фрегат. «Засим предписывалось» по всему пути следования как можно реже приближаться к берегу и «строжайше воспрещалось» подходить к земле на расстояние видимости по пути от мыса Горн до места назначения, то есть до залива Фонсека. Хорнблауэр выполнил предписания буквально, хотя очень немногие капитаны поступили бы так на его месте. Он привел корабль из Англии, лишь раз – у мыса Горн – подойдя к берегу на расстояние видимости. Доверься он неделю назад Кристелу, «Лидия» входила бы сейчас в Панамский залив, и тогда – прощай всякая секретность.

Хорнблауэр мысленно оторвался от спора о компасных поправках и принудил себя сосредоточиться на дальнейшем изучении приказов. «Засим предписывалось» сразу по прибытии в залив Фонсека вступить в союз с доном Хулианом Альварадо, крупным землевладельцем, чьи поместья лежат к западу от залива. Дон Хулиан намерен с помощью британцев поднять мятеж против испанской монархии. Хорнблауэр должен передать ему пятьсот ружей и штыков, пятьсот патронных сумок, один миллион ружейных патронов – все это он загрузил в Портсмуте – и далее «по собственному разумению всячески способствовать успеху мятежа». В случае если он сочтет это необходимым, он может передать мятежникам одну или несколько корабельных пушек, но доверенные ему пятьдесят тысяч золотых гиней под страхом трибунала запрещалось тратить до последней крайности – то есть не иначе как если без того мятежникам будет грозить неминуемое поражение. Хорнблауэру предписывалось «елико возможно» поддерживать мятежников, вплоть до признания суверенитета дона Хулиана Альварадо над любой территорией, которую тот сможет захватить, если в благодарность дон Хулиан заключит с его британским величеством торговый союз.

Упоминание о торговом союзе, очевидно, разбудило воображение адмиралтейского клерка, ибо следующие десять абзацев были расцвечены подробностями, доказывавшими, сколь необходимо открыть испанские владения для британской торговли. Перуанский бальзамический тополь и кампешевое дерево, кошениль и золото ждут обмена на британские товары. Перо клерка, выводившее красивым округлым почерком эти строки, так и источало волнение. От залива Фонсека, писал клерк, отходит бухта, именуемая, как полагают, Эстерио-Реаль

и близко подходящая к озеру Манагуа. Последнее, по некоторым сведениям, сообщается с озером Никарагуа, из которого вытекает впадающая в Карибское море река Сан-Хуан. Капитану Хорнблауэру предписывалось «со всевозможным тщанием» исследовать возможность для открытия торгового пути через перешеек и направить к тому усилия дон Хулиана.

Лишь после того, как мятеж дон Хулиана увенчается успехом и будут выполнены все остальные предписания, капитану Хорнблауэру позволялось атаковать корабли с сокровищами, буде он обнаружит таковые в Тихом океане. Мало того, не следовало нападать на корабли, «если таковые действия будут во вред местному населению, кое вышеупомянутых мятежников поддерживает». Для сведения капитана Хорнблауэра отмечалось, что, согласно имеющимся донесениям, в этих водах курсирует двухпалубный пятидесятипушечный испанский корабль «Нативидад». Капитану Хорнблауэру предписывалось при первой же возможности «захватить, потопить, сжечь или иным способом уничтожить» вышеупомянутое судно.

Наконец, капитану Хорнблауэру предписывалось, когда он сочтет это уместным, снестись с контр-адмиралом Наветренных островов для получения дальнейших указаний.

Капитан Хорнблауэр сложил хрустящие листки и погрузился в тягостное раздумье. Приказы являли собой обычное смешение маловероятного с абсолютно фантастическим – такие приказы обычно и получал отправляющийся в дальнейшее плавание капитан. Только человек сухопутный мог потребовать, чтобы «Лидия» достигла залива Фонсека, ни разу не приближаясь к берегу, и только последовательность чудес (Хорнблауэр не отдавал должного своему опыту и основательным расчетам) позволила это требование исполнить.

Британское правительство давно спало и видело, как бы разжечь мятеж в Испанской Америке. Однако для британских офицеров, призванных претворить эту мечту в жизнь, она оборачивалась страшным сном. Адмирал Пофам и адмирал Стерлинг, генерал Бересфорд и генерал Уайтлок за последние три года лишились чести и репутации в безуспешных попытках поднять восстание на реке Ла-Плата⁴.

Подобно тому и открытие торгового пути через Дарьенский перешеек⁵ было излюбленной мечтой адмиралтейских клерков, вооруженных мелкомасштабными картами и с полнейшим отсутствием практического опыта. Тридцать лет назад сам Нельсон, тогда еще молодой капитан, чуть не погиб, руководя экспедицией по той самой реке Сан-Хуан, которую Хорнблауэру предписывалось пройти от истоков.

Венцом же всего было небрежное упоминание о пятидесятипушечном неприятельском судне. Вполне в духе Уайтхолла с такой легкостью отправить тридцатишестипушечный фрегат сражаться с почти вдвое более мощным противником. Британский флот в последних войнах столь успешно выигрывал одиночные бои, что теперь от каждого капитана ждали победы вне зависимости от реального соотношения сил. Если «Нативидад» возьмет верх над «Лидией», никто не станет слушать оправданий. Если даже неминуемый трибунал и не осудит Хорнблауэра, ему до скончания дней придется бедствовать на половинном жалованье. Если он не уничтожит «Нативидад», если не поднимет и не приведет к победе мятеж, если не откроет торговый путь через перешеек – любое из этих вполне вероятных «не» означало, что он лишится доброго имени, службы и вернется к жене униженный в глазах собратьев.

Перебрав все эти печальные варианты, Хорнблауэр отбросил их с деланным оптимизмом. Прежде всего надо увидеться с доном Хулианом Альварадо – это, похоже, будет несложно и не особо интересно. После будут корабли с сокровищами и призовые деньги. Об отдаленном будущем лучше не тревожиться. Он поднялся с рундука и прошел в спальную каюту.

⁴ В 1806–1807 гг., когда Испания была в союзе с Францией, британцы дважды пытались завладеть испанскими колониями в Южной Америке. В 1806 г. адмирал Хоум Риггс Пофам (1762–1820) и генерал Уильям Карр Бересфорд (1768–1854) захватили Буэнос-Айрес и удерживали его 46 дней, но вынуждены были отступить. Второй попыткой вторжения в 1807 г. руководили адмирал сэр Чарльз Стерлинг (1760–1833) и генерал Джон Уайтлок (1757–1833); она тоже закончилась провалом.

⁵ *Дарьенский перешеек* – историческое название Панамского перешейка.

Десять минут спустя капитан вышел на шканцы. С мрачным удовольствием он отметил, как безуспешно его офицеры притворяются, будто не замечают великолепный новый сюртук с эполетами, шелковые чулки, туфли со стальными пряжками, треуголку и шпагу с золотой рукоятью. Хорнблауэр посмотрел на быстро приближающийся берег.

– Свистать всех по местам, мистер Буш, – сказал он. – Корабль к бою.

Загремели барабаны, подвахтенные с топотом высыпали наверх. Понуждаемая криками и ударами унтер-офицеров команда принялась готовить корабль к бою. Палубы окатили водой и присыпали песком, переборки убрали, пожарные отряды заняли места у помп, запыхавшиеся юнги бегали с картузами для пушек; в кокпите вестовой баталера, назначенный исполнять обязанности врача, сдвигал мичманские рундуки, составляя из них операционный стол.

– Я попрошу вас зарядить и выдвинуть пушки, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр.

Вполне разумная предосторожность, учитывая, что корабль с полным ветром входит в испанские владения. Канониры сбросили с орудий найтовы, могучим усилием выбрали направляющие тали, втащили пушки внутрь, забили порох и ядра, опустили дула и, налегая на орудинные тали, выдвинули их в открытые порты.

– Корабль к бою готов. Десять минут двадцать одна секунда, сэр, – доложил Буш, когда стих скрежет катков. Хоть убей, он не мог бы сейчас сказать, учение это или подготовка к настоящему бою, и Хорнблауэр получал суетное удовольствие, оставляя его в неведении.

– Очень хорошо, мистер Буш. Пошлите надежного матроса с лотом на грот-руслень и приготовьтесь к отдаче якоря.

Морской бриз с каждой минутой усиливался, и «Лидия» шла все быстрее. В подозрную трубу Хорнблауэр видел со шканцев мельчайшие подробности входа в залив. Широкий западный проход между островом Кончагуита и западным мысом, согласно карте, имеет глубину двадцать саженей на пять миль вперед. Но испанским картам доверять не приходится.

– Что на руслене? – крикнул Хорнблауэр.

– Дна нет, сэр.

– Сколько саженей пронесло? Передайте глубоководный лот.

– Есть, сэр.

На судне воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь несмолкаемым пением такелажа да журчанием воды за кормой.

– Дна нет, сэр. Сто саженей пронесло.

Значит, берег очень крутой, обрывистый, ведь до него меньше двух миль. Однако незачем подвергаться риску под всеми парусами налететь на мель.

– Уберите нижние прямые паруса, – приказал Хорнблауэр – Не переставайте бросать лот.

Под одними марсельями «Лидия» медленно приближалась к берегу. Вскоре крик с русленя известил, что лот на глубине ста саженей коснулся дна, и с каждым последующим броском глубина все убывала. Хорнблауэру хотелось бы знать, в какой сейчас стадии приливно-отливное течение – если ему суждено сесть на мель, лучше, чтобы это произошло во время прилива, чем во время отлива, – но не было никакой возможности рассчитать. Он поднялся до середины бизань-вант, чтобы лучше видеть. Все остальные, кроме матроса на руслене, замерли под палящим солнцем. Корабль был почти у входа в пролив. Хорнблауэр заметил на воде несколько бревен и, направив на них подозрную трубу, убедился, что они плывут к заливу. Значит, сейчас прилив. Все лучше и лучше.

– Глубже девяти, – прокричал лотовый.

Неплохо для испанской карты: она показывала десять.

– И восемь с половиной.

Пока глубина достаточная. Хорнблауэр крикнул рулевому, и «Лидия» повернула вправо, огибая плавный изгиб мыса.

– И восемь с половиной.

Все еще неплохо. «Лидия» шла новым курсом.

– Отметка семь.

Хорнблауэр внимательно осматривал пролив, ища фарватер.

– Отметка семь.

По приказу Хорнблауэра «Лидия» свернула чуть ближе к другому берегу. Буш тихонько послал матросов соответственно обросопить паруса.

– И восемь с половиной.

Так-то лучше.

– Глубже девяти.

Еще лучше. «Лидия» вошла в залив, и Хорнблауэр видел, что прилив продолжается. Они ползли по стеклянной глади залива, лотовый монотонно выкрикивал глубину, крутая коническая гора посреди залива неуклонно приближалась.

– Четверть до восьми, – крикнул лотовый.

– Якоря чисты? – спросил Хорнблауэр.

– Все чисты, сэр.

– Отметка семь.

Дальше идти незачем.

– Отдать якорь.

Канат заскрежетал в клюзе, вахта бросилась убирать паруса. Ветер и прилив развернули «Лидию», Хорнблауэр спустился на шканцы.

Буш смотрел на него, как на кудесника. Через одиннадцать недель после того, как они видели мыс Горн, Хорнблауэр вывел «Лидию» в точности к назначенному месту, мало того, прибыл вечером, когда морской бриз и прилив помогли им войти в залив; если же там окажется опасно, ночь принесет с собой отлив и береговой бриз, они легко выйдут в открытое море. Что здесь везение и что – расчет, Буш не знал, но, поскольку оценивал профессионализм Хорнблауэра куда выше, чем сам Хорнблауэр, склонен был значительно преувеличивать его заслуги.

– Вахтенные пусть остаются на местах, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Подвахтенным прикажите разойтись.

Корабль в миле от любой возможной опасности и подготовлен к бою – незачем держать всех матросов на боевых постах. С радостным гулом подвахтенные прилипли к фальшборту, жадно вглядываясь в зеленые джунгли и серые скалы. Хорнблауэр с некоторым замешательством думал, что делать дальше. Он так волновался, проводя корабль в совершенно незнакомый залив, что не успел продумать следующий шаг. Его сомнения разрешил впередсмотрящий, прокричав с салюта:

– Эй, на палубе! От берега отвалила лодка. Два румба позади правого траверза.

К ним ползло сдвоенное белое пятнышко: в подзорную трубу Хорнблауэр различил лодку под двумя крохотными латинскими парусами. Когда она приблизилась, он смог рассмотреть и команду: полдюжины смуглых людей в широкополых соломенных шляпах. Лодка легла в дрейф в пятидесяти ярдах от «Лидии»; кто-то, встав на кормовую банку и сложив руки рупором, прокричал по-испански:

– Это английский корабль?

– Да. Поднимитесь на борт, – отвечал Хорнблауэр. Два года испанского плена дали ему случай выучить язык – он давно решил, что за такое свое достижение и был назначен в теперешнюю экспедицию.

Лодка подошла к борту, и тот, кто их окликал, легко взобрался по трапу на палубу. Он с любопытством озирался по сторонам, дивясь на безупречную чистоту и царящий повсюду строгий порядок. На госте был черный, расшитый золотом жилет, из-под которого виднелась грязная серая рубаша, а грязные белые штаны оканчивались лохмотьями чуть ниже колен. Он был бос. Из-за красного кушака торчали два пистолета и короткая тяжелая сабля. Он говорил

на испанском, как на родном, но не походил на испанца. Его длинные черные волосы были прямые и матовые; смуглое лицо отливало красным, а в белках глаз проглядывала желтизна. С верхней губы свешивались длинные тонкие усы. Он тут же заметил капитана в парадном мундире и треуголке и двинулся к нему. В ожидании подобной встречи Хорнблауэр и постарался одеться. Теперь он радовался своей предусмотрительности.

– Вы капитан, сударь? – спросил гость.

– Да. Капитан Горацио Хорнблауэр фрегата его британского величества «Лидия», к вашим услугам. Кого имею честь приветствовать?

– Мануэль Эрнандес, генерал-лейтенант, заместитель Эль-Супremo.

– Эль-Супremo? – переспросил Хорнблауэр удивленно. Это имя нелегко было перевести на английский. Получалось что-то вроде «Всевышний».

– Да, Эль-Супremo. Вас ждали здесь четыре месяца, шесть месяцев назад.

Хорнблауэр быстро соображал. Он не может открыть причины своего здесь пребывания первому встречному, но раз тот знает, что Хорнблауэра ждут, значит он посвящен в заговор Альварадо.

– Мне поручено обратиться не к Эль-Супremo, – сказал он, оттягивая время.

Эрнандес нетерпеливо махнул рукой.

– Наш повелитель Эль-Супremo был до последнего времени известен как его превосходительство дон Хулиан Мария де Хесус де Альварадо и Монтесума.

– Ага! – сказал Хорнблауэр. – Дона Хулиана-то я и желал бы видеть.

Эрнандеса явно смутило столь небрежное упоминание имени дона Хулиана.

– Эль-Супremo, – сказал он с ударением, – послал меня, чтобы отвезти вас к нему.

– А где же он?

– У себя дома.

– А где его дом?

– Вполне довольно, капитан, что вам сообщили о желании Эль-Супremo вас видеть.

– Вы так полагаете? Вам следовало бы знать, сеньор, что капитан корабля его британского величества – не мальчик на побегушках. Если хотите, отправляйтесь к дону Хулиану и передайте ему это.

Хорнблауэр ясно дал понять, что разговор окончен. Эрнандес колебался, но перспектива явиться пред лицо Эль-Супremo без капитана его явно не прельщала.

– Его дом – вон там, – сказал он нехотя, показывая рукой через залив. – На склоне горы. Чтобы попасть туда, мы должны проехать через город, который сейчас за мысом.

– Тогда я поеду. Прошу вас ненадолго извинить меня, генерал.

Хорнблауэр повернулся к Бушу – у того было наполовину озадаченное, наполовину восхищенное выражение лица простого человека, который слышит, как его соотечественник бойко говорит на непонятном языке.

– Мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Я отправляюсь на берег и рассчитываю скоро вернуться. Если нет, если я не вернусь или не пришлю записку до полуночи, вы предпримете меры к тому, чтобы обеспечить безопасность кораблю. Вот ключ от моего письменного стола. Я приказываю вам в полночь прочесть адресованные мне секретные правительственные инструкции и действовать по своему усмотрению.

– Есть, сэр, – отвечал Буш. На лице его ясно читалась тревога. Хорнблауэр с внезапной радостью понял, что Буш и впрямь обеспокоен судьбой своего капитана. – Вы думаете... вам безопасно отправляться на берег одному?

– Не знаю, – с искренним безразличием ответил Хорнблауэр. – Я должен идти, и это все.

– Если тут какой подвох, мы вас вызволим, сэр, в целости и сохранности.

– Прежде позаботьтесь о безопасности корабля, – отвечал Хорнблауэр. Перед его мысленным взором возникла ужасная картина: Буш с десантом из незаменимых матросов блуж-

дает в малярийных джунглях Центральной Америки. Он повернулся к Эрнандесу: – Я к вашим услугам, сеньор.

IV

Лодка мягко проехала днищем по золотистому песку за мысом, смуглые гребцы выскочили и втащили ее на берег, чтобы Хорнблауэр с Эрнандесом вышли, не замочив ног. Хорнблауэр внимательно огляделся. Город подходил к самой береговой отмели. Это было скопище нескольких сот лачуг из пальмовых листьев, лишь немногие были крыты черепицей. Эрнандес повел Хорнблауэра к домам.

– *Aqua, aqua*, – слышали они, приблизившись, хриплый голос. – Воды, бога ради, воды.

Возле дороги стоял шестифутовый столб, к нему был привязан человек. Руки его оставались свободными и судорожно двигались. Глаза были выкачены, язык, казалось, не помещался во рту, как у идиота. Вокруг столба вились стервятники.

– Кто это? – спросил Хорнблауэр, пораженный.

– Человек, которого Эль-Супremo повелел уморить жаждой, – сказал Эрнандес. – Один из непросвещенных.

– Он умрет?

– Это его второй день. Он умрет, когда завтра над ним засияет полуденное солнце, – безучастно ответил Эрнандес. – Так бывает всегда.

– Но в чем он провинился?

– Он – один из непросвещенных, я уже сказал, капитан.

Хорнблауэра подмывало спросить, в чем же состоит просвещение, но он сдержался. Из того, что Альварадо повелел именовать себя Эль-Супremo, это можно примерно заключить самому. И капитан без всяких возражений позволил Эрнандесу провести себя мимо несчастного. Он считал, что все его протесты будут бессильны отменить отданный Эль-Супremo приказ, а негодую понапрасну, он только уронит свой авторитет. Он отложит действия до той поры, пока увидится с самым главным.

Маленькие улочки, грязные и зловонные, вились между пальмовыми хижинами. Стервятники сидели на крышах и в переулках дрались из-за добычи с ободранными дворнягами. Населяющие город индейцы занимались своими делами, не обращая внимания на человека, умирающего от жажды в пятидесяти ярдах от них. Все они, как и Эрнандес, были смуглые с красноватым отливом, дети бегали нагишом, женщины были либо в черных, либо в грязных белых платьях, редкие мужчины – голые по пояс, в белых штанах до колен. В половине домов, по-видимому, были лавки: одна стена отсутствовала, открывая взору выложенный на продажу товар – два-три яйца или горстку фруктов. Возле одной такой лавки торговалась покупательница в черном платье.

На маленькой площади в центре города стояли у коновязи низкорослые лошадки, облепленные мухами. Спутники Эрнандеса поспешно отвязали двух и держали их под уздцы, чтобы Хорнблауэр и Эрнандес сели в седла. Хорнблауэр смутился. Он знал, что плохо сидит в седле, что при шпаге и в треуголке будет выглядеть на лошади нелепо, к тому же жалел лучшие шелковые чулки, но деваться было некуда. От него настолько очевидно ждали, что он сядет верхом и поскачет, что отступить было нельзя. Он поставил ногу в стремя и плюхнулся в седло, обнаружив, к своему успокоению, что неказистая лошадка покладиста и спокойна. Неуклюже подпрыгивая, он рысью тронулся за Эрнандесом. Пот заливал лицо, треуголку приходилось ежеминутно поправлять. Дорога от города круто поднималась в гору, временами по ней едва мог проехать только один всадник, и тогда Эрнандес с вежливым поклоном проезжал вперед. Остальные следовали ярдах в пятидесяти позади.

На узкой дорожке, окаймленной по обеим сторонам деревьями и кустарником, было одуряюще жарко. Насекомые жужжали и больно кусались. Примерно в полумиле от города им встретились отдыхавшие часовые, которые при появлении всадников неловко вытянулись

во фрунт. И начиная с этого места, они постоянно проезжали мимо людей, привязанных к столбу и умирающих от жажды. Некоторые были уже мертвы – ужасные разложившиеся трупы, окруженные жужжащим облаком мух; когда лошади проезжали мимо, жужжание становилось громче. Смерд стоял нестерпимый, объевшиеся стервятники с отвратительными голыми шеями били крыльями, не в силах взлететь, и убегали от лошадей в кусты.

Хорнблауэр чуть было не спросил: «Еще непросвещенные, генерал?» – когда осознал бессмысленность подобного замечания. Лучше не говорить ничего, чем говорить попусту. Он молча ехал сквозь полчища мух и смерд, пытаясь представить себе внутренний мир человека, который оставляет трупы разлагаться, образно говоря, у самого своего порога.

Дорога вывела на водораздел, и Хорнблауэр ненадолго увидел внизу залив, синий, серебряный и золотой в лучах вечернего солнца, а посреди него – покачивающуюся на якоре «Лидию». Тут лес по обе стороны словно по волшебству сменили возделанные земли. Дорогу окаймляли апельсиновые деревья, за ними различались поля. Солнце, быстро клонившееся к закату, освещало золотые плоды и за поворотом ярко озарило большое белое строение, приземистое и длинное, прямо на пути всадников.

– Дом Эль-Супremo, – сказал Эрнандес.

Во дворике – патио – слуги взяли лошадей под уздцы.

Хорнблауэр неловко спешил и с горечью обозрел свои лучшие шелковые чулки – они были испорчены безвозвратно. Старшие слуги, которые провели их в дом, являли ту же смесь роскоши и нищеты, что и Эрнандес, – алые с золотом ливреи, драные штаны и босые ноги. Самый важный – его черты выдавали присутствие негритянской крови наряду с индейской и некоторую примесь европейской – вышел с озабоченным лицом.

– Эль-Супremo ждет, – сказал он. – Сюда, пожалуйста, и как можно быстрее.

Он почти бегом повел их по коридору к окованной бронзой двери, громко постучал, подождал немного, постучал еще раз и распахнул дверь, согнувшись при этом до земли. Хорнблауэр, повинувшись жесту Эрнандеса, вошел. Эрнандес прошел следом, и мажордом закрыл дверь. Это была длинная, чисто выбеленная комната. Потолок поддерживали толстые деревянные балки, резные и раскрашенные. В дальнем конце совершенно пустого помещения стоял одинокий помост, а на помосте в кресле под балдахином восседал человек, ради встречи с которым Хорнблауэра отправили вокруг половины земного шара.

Он не производил особого впечатления: маленький, смуглый, тщедушный человечек с пронзительными черными глазами и тусклыми черными волосами, уже немного тронутыми сединой. По виду его легко было догадаться о европейском происхождении с небольшой примесью индейской крови. Одет он был по-европейски, в алый, расшитый золотым позументом сюртук, белый галстук, белые панталоны, белые чулки, туфли с золотыми пряжками. Эрнандес склонился в раболепном поклоне.

– Вы отсутствовали долго, – сказал Альварадо. – За это время высекли одиннадцать человек.

– Супremo, – выдохнул Эрнандес (зубы его стучали от страха), – капитан выехал сразу же, как узнал, что вы его зовете.

Альварадо устремил пронзительные глаза на Хорнблауэра. Тот неловко поклонился. Он думал об одиннадцати незаслуженно выпоротых людях – они поплатились за то, что от берега до дома враз не доберешься.

– Капитан Горацио Хорнблауэр фрегата его британского величества «Лидия» к вашим услугам, сударь, – сказал он.

– Вы привезли мне оружие и порох?

– Они на корабле.

– Очень хорошо. Договоритесь с генералом Эрнандесом о выгрузке.

Хорнблауэр вспомнил почти пустые кладовые фрегата – а ему надо кормить триста восемьдесят человек. Мало того – как любого капитана, его раздражала зависимость от берега. Он не успокоится, пока не загрузит «Лидию» водой, провиантом, дровами и всем необходимым в количестве, чтобы в крайнем случае обогнуть мыс Горн и добраться если не до Англии, то хотя бы до Вест-Индии или острова Святой Елены.

– Я не смогу сгрузить ничего, сударь, пока не будут удовлетворены нужды моего корабля, – сказал он.

Эрнандес, слыша, как он кощунственно перечит Эль-Супремо, с шумом втянул воздух. Брови Альварадо сошлись; на мгновение показалось, что сейчас он поставит на место строптивного капитана, но тут же его лицо разгладилось – он понял, как глупо ссориться с новым союзником.

– Конечно, – сказал он. – Пожалуйста, скажите генералу Эрнандесу, что вам нужно, – он все обеспечит.

Хорнблауэру приходилось иметь дело с испанскими офицерами. Он прекрасно знал их способность обещать, но не делать, тянуть, ловчить и обманывать. Он догадывался, что повстанческие офицеры в Испанской Америке, соответственно, во много раз ненадежнее. Лучше изложить свои требования сейчас, пока есть слабая надежда, что хотя бы часть их будет удовлетворена в ближайшем будущем.

– Завтра мне надо заполнить бочки водой, – сказал он.

Эрнандес кивнул:

– Неподалеку от того места, где мы высадились, есть ручей. Если хотите, я пришлю людей вам на подмогу.

– Спасибо, но этого не потребуется. Этим займется моя команда. Кроме воды, мне нужно...

Хорнблауэр в уме перебирал бесчисленные нужды фрегата, прошедшего семь месяцев в море.

– Да, сеньор?

– Мне нужно двести быков. Двести пятьдесят, если они тощие и низкорослые. Пятьсот свиней. Сто квинталов⁶ соли. Сорок тонн корабельного хлеба, а если невозможно достать сухарей, то соответственное количество муки, печи и дрова для их изготовления. Сок сорока тысяч лимонов или апельсинов – бочки я предоставлю. Десять тонн сахара. Пять тонн табака. Тонна кофе. Вы ведь выращиваете картофель? Двадцать тонн картофеля.

По мере того как он перечислял, лицо Эрнандеса все вытягивалось и вытягивалось.

– Но, капитан... – осмелился вставить он, однако Хорнблауэр оборвал его.

– Теперь наши текущие нужды на то время, что мы в гавани, – продолжал он. – Мне потребуется пять быков в день, две дюжины кур, яйца, сколько сможете достать, и свежие овощи в количестве, достаточном для дневного потребления моей команды.

По природе Хорнблауэр был самым кротким из людей, но, когда дело касалось его корабля, страх потерпеть неудачу делал его неожиданно жестким и безрассудным.

– Двести быков! – повторил несчастный Эрнандес. – Пятьсот свиней!

– Именно, – неумолимо отвечал Хорнблауэр. – Двести тучных быков.

Тут вмешался Эль-Супремо.

– Проследите, чтобы нужды капитана были удовлетворены, – сказал он, нетерпеливо взмахнув рукой. – Приступайте немедленно.

Эрнандес колебался лишь долю секунды, потом вышел. Большая бронзовая дверь бесшумно затворилась за ним.

⁶ *Квинтал* – единица массы во многих странах Латинской Америки, в Испании и Португалии, равная 100 фунтам. В разных странах размер квинтала колеблется от 45 до 69 кг.

– С этими людишками иначе нельзя, – легко сказал Эль-Супremo. – Они хуже скотов. Совершенно напрасно было бы с ними миндальничать. Без сомнения, по дороге сюда вы видели подвергаемых наказанию преступников?

– Да.

– Мои земные предки, – сказал Эль-Супremo, – немало изощрались, придумывая новые казни. Они с различными церемониями сжигали людей на кострах. Они с музыкой и танцами вырезали им сердце или выставляли на солнцепек в свежеснятых шкурах животных. Я нашел, что это совершенно излишне. Довольно приказать, чтобы человека привязали к столбу и не давали ему воды. Человек умирает, и с ним покончено.

– Да, – сказал Хорнблауэр.

– Они неспособны усвоить даже простейшие понятия. Некоторые и до сего дня не поняли простейшего факта, что кровь Альварадо и Монтесумы божественна. Они до сих пор поклоняются своим нелепым Христам и Девам.

– Да? – сказал Хорнблауэр.

– Один из первых моих последователей так и не смог избавиться от внушенных ему в детстве предрассудков. Когда я объявил о своей божественной сущности, он, представьте, посмел предложить, чтобы в племена отправили миссионеров обращать их, словно я основал новую религию. Он так и не понял, что это не вопрос чьих-то мнений, это реальность. Разумеется, он умер от жажды в числе первых.

– Разумеется.

Хорнблауэр был изумлен до глубины души, но напоминал себе, что должен действовать заодно с этим безумцем. Пополнение запасов «Лидии» зависело от их согласия – а это было делом первой жизненной необходимости.

– Ваш король Георг, вероятно, в восторге, что я избрал его в союзники, – продолжал Эль-Супremo.

– Он поручил мне передать вам заверения в своей дружбе, – осторожно сказал Хорнблауэр.

– Конечно, – согласился Эль-Супremo, – на большее он не отважился. Кровь дома Гвельфов, естественно, не может сравниться с кровью Альварадо.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр. Он обнаружил, что этот ни к чему не обязывающий звук столь же полезен в разговоре с Эль-Супremo, как и в разговоре с лейтенантом Бушем.

Брови Эль-Супremo сдвинулись.

– Я полагаю, вам известна, – сказал он немного сурово, – история дома Альварадо? Вы знаете, кто из его представителей первым достиг этой страны?

– Он был одним из спутников Кортеса... – начал Хорнблауэр.

– Одним из спутников? Ничего подобного. Удивляюсь, что вы поверили в эту ложь. Он был вождем конкистадоров; историю извратили, утверждая, будто их вел Кортес. Альварадо завоевал Мексику, а из Мексики спустился на это побережье и завоевал его все, до перешейка. Он женился на дочери Монтесумы, последнего из императоров, и я, как прямой потомок этого союза, ношу имена Альварадо и Монтесумы. Но в Европе задолго до того, как глава нашего рода прибыл в Америку, имя Альварадо прослеживается вглубь веков, дальше Габсбургов и вестготов, дальше Рима и империи Александра, к самым истокам времен. И посему вполне естественно, что в этом поколении, в моем лице, наш род достиг божественного состояния. Я удовлетворен, что вы согласны со мной, капитан... капитан...

– Хорнблауэр.

– Спасибо. Теперь, капитан Хорнблауэр, я думаю, нам следует перейти к планам расширения моей империи.

– Как вам будет угодно, – ответил Хорнблауэр. Он чувствовал, что должен соглашаться с безумцем, по крайней мере пока «Лидия» не пополнит запасы, хотя и без того слабая надежда возглавить успешный мятеж стала еще слабее.

– Бурбон, именующий себя королем Испанским, – продолжал Эль-Супremo, – держит в этой стране человека, который называет себя главнокомандующим Никарагуа. Некоторое время назад я послал к этому господину гонца и повелел присягнуть мне на верность. Он не сделал этого и даже имел глупость публично повесить моего гонца в Манагуа. Те жалкие люди, которых он впоследствии послал, дабы взять под стражу мою божественную особу, частью были убиты по дороге, частью умерли у столбов, несколько же посчастливилось увидеть свет, и они вошли в мое войско. Насколько мне известно, сейчас главнокомандующий во главе армии в триста человек находится в городе Сан-Сальвадоре. Когда вы выгрузите предназначенное мне оружие, я предполагаю двинуться на этот город, который сожгу вместе с главнокомандующим и непросвещенными из числа его людей. Быть может, капитан, вы захотите меня сопровождать? Зрелище горящего города довольно занимательно.

– Прежде я должен пополнить запасы, – стойко отвечал Хорнблауэр.

– Я отдал соответствующий приказ, – с налетом нетерпения сказал Эль-Супremo.

– В дальнейшем, – продолжал Хорнблауэр, – моей обязанностью будет установить местонахождение испанского военного корабля «Нативидад» – насколько мне известно, он где-то в этих водах. Прежде, нежели я смогу участвовать в каких бы то ни было наземных операциях, я должен убедиться, что он не представляет угрозы для моего корабля. Я должен либо захватить его, либо удостовериться, что он далеко.

– Тогда вам лучше захватить его, капитан. Согласно полученным мной сведениям, он в любую минуту может войти в залив.

– В таком случае я должен немедленно вернуться на корабль, – взволнованно проговорил Хорнблауэр.

Мысль, что в его отсутствие фрегат подвергнется нападению пятидесятипушечного корабля, повергла его в панику. Что скажут лорды Адмиралтейства, если «Лидию» захватят, пока ее капитан на берегу?

– Сейчас принесут обед. Вот! – сказал Эль-Супremo.

При этих словах дверь распахнулась. Толпой вошли служители. Они несли большой стол, на котором стояли серебряные блюда и четыре канделябра, каждый с пятью горящими свечами.

– Простите, но я не могу ждать, – сказал Хорнблауэр.

– Как хотите, – безразлично отвечал Эль-Супremo. – Альфонсо!

Мулат-мажордом с поклоном приблизился.

– Проводите капитана Хорнблауэра.

Произнеся эти слова, Эль-Супremo сразу принял вид сосредоточенной задумчивости, как будто не замечал суеты вносящих угощение слуг. Он ни разу не взглянул на Хорнблауэра. Тот стоял, обуреваемый противоречивыми чувствами. Он сожалел о поспешности, с которой изъявил желание вернуться на корабль, тревожился о припасах для «Лидии», беспокоился, не обидел ли хозяина, и в то же время ощущал, что стоять в растерянности перед человеком, который не обращает на тебя внимания, – глупо и недостойно.

– Сюда, сеньор, – сказал Альфонсо, трогая его за локоть.

Эль-Супremo невидящими глазами смотрел поверх его головы. Хорнблауэр покорился и пошел за мажордомом в патио.

Здесь в полумраке его ждали два человека с тремя лошадьми. Молча, обескураженный внезапным поворотом событий, Хорнблауэр поставил ногу в сцепленные ладони полуголого слуги, вставшего рядом с лошадью на колени, и сел в седло. Эскорт выехал в ворота, Хорнблауэр последовал за ними. Быстро сгустилась ночь.

За поворотом дороги перед ними открылся залив. На небе быстро проступал молодой месяц. Неясный силуэт посреди серебристых вод указывал местоположение «Лидии» – она, по крайней мере, была чем-то прочным и обыденным в этом безумном мире. Горные вершины на востоке внезапно окрасились багрянцем, озаряя висящие над ними облака, и тут же погрузились во тьму.

Они ехали быстрой рысью по крутой дороге, мимо стонущих людей у столбов, мимо смердящих трупов, в маленький городишко. Там не было ни света, ни движения; Хорнблауэру пришлось отпустить поводья и доверить лошади самой следовать за провожатыми. Стук лошадиных копыт затих на мягком прибрежном песке. Хорнблауэр одновременно услышал душераздирающие стоны первого человека, которого увидел привязанным к столбу, и заметил слабо фосфоресцирующую кромку воды.

В темноте он прошел к поджидавшей лодке и сел на банку. Под аккомпанемент целого потока проклятий невидимые гребцы оттолкнулись от берега. Стоял полный штиль – морской бриз с закатом улегся, а береговой еще не задул. Невидимая команда налегала на весла, и перед взорами возникала вода – едва заметная пена, след пробуждающего фосфоресценцию гребка. Под ритмичный плеск весел они медленно двигались по заливу. Вдалеке Хорнблауэр увидел неясные очертания «Лидии» и через минуту услышал долгожданный голос Буша:

– Эй, на лодке!

Хорнблауэр сложил ладони рупором и крикнул:

– «Лидия»!

Капитан королевского корабля, находясь в лодке, называет себя именем этого корабля.

Теперь Хорнблауэр слышал то, что ожидал услышать, видел то, что ожидал увидеть: топот бегущих по шкафуту боцманматов и фалрепных, размеренный шаг морских пехотинцев, мелькание фонарей. Лодка подошла к борту, и он вспрыгнул на трап. Как хорошо было снова ощутить под ногами прочные дубовые доски. Боцманматы хором свистели в дудки, морские пехотинцы взяли ружья на караул, на шкафуте Буш приветствовал Хорнблауэра со всей торжественностью, какая пристала капитану.

В свете фонарей Хорнблауэр прочел облегчение на честном лице Буша. Он оглядел палубу: одна вахта, завернувшись в одеяла, лежала на голых палубных досках, другая сидела на корточках возле подготовленных к бою пушек. Буш надлежащим образом принял все меры предосторожности на время стоянки в предположительно враждебном порту.

– Очень хорошо, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр.

Теперь он заметил, что белые панталоны испачканы грязным седлом, а лучшие шелковые чулки продрались на икрах. Он стыдился и своего неприглядного вида, и своей безрезультатной поездки. Он злился на себя и боялся, что Буш, узнав тот, как обстоят дела, стал бы его презирать. Щеки его горели от стыда, и он, прибежав к всегашнему средству – загадочной немногословности.

– Кхе-хм. Позовите меня, если будет надобность.

И не проронив больше ни слова, двинулся в каюту, где вместо убранных переборок теперь висели парусиновые занавески.

Буш смотрел ему вслед. По всему заливу мерцали тлеющие вулканы. Команда, взволнованная прибытием в незнакомые места и с нетерпением ждавшая вестей о будущем, обнаружила, что обманулась в своих ожиданиях. Офицеры с отпавшими челюстями провожали капитана взглядом.

На какую-то секунду Хорнблауэр почувствовал, что его драматическое появление и исчезновение перевешивают горечь неудачи, но только на секунду. Сев на койку и отослав Полвила, он вновь упал духом. Удастся ли завтра получить припасы? Удастся ли поднять мятеж, который удовлетворил бы Адмиралтейство? Как пройдет бой с «Нативидадом»?

И, думая обо всем этом, он то и дело краснел, вспоминая, как отослал его Эль-Супremo. Очень немногие капитаны на службе его британского величества стерпели бы подобную бесцеремонность.

«Но что я мог, черт возьми, поделоть?» – жалобно спрашивал он себя.

Не гася фонарь, Хорнблауэр лег на койку. Так он и лежал, обливаясь потом в жаркой тропической ночи, вновь и вновь переносясь мыслями из прошлого в будущее и обратно.

И тут парусиновые занавески захлопали. По палубе пробежал легкий порыв ветра. «Лидия» разворачивалась на якоре. Хорнблауэр чувствовал, как натянулся якорный канат и по кораблю пробежала легкая дрожь. Береговой бриз наконец задул. Тут же стало прохладнее. Хорнблауэр перевернулся на бок и заснул.

V

Сомнения и страхи, терзавшие Хорнблауэра, пока он пытался заснуть, рассеялись с наступлением дня. Проснувшись, он почувствовал прилив сил. Он пил кофе, который принес ему на заре Полвил. В голове роились новые планы, и, впервые за много недель, Хорнблауэр освободил себя от утренней прогулки по шканцам. На палубу он вышел с мыслью, что, по крайней мере, наполнит бочки водой и запасется дровами, и первым же приказом отправил матросов к талям, спускать баркас и дежурные шлюпки. Вскоре они отошли к берегу, нагруженные пустыми бочонками. Гребцы возбужденно переговаривались. На носу каждой шлюпки сидели два морских пехотинца, твердо помнящие напутствие своего сержанта: если дезертирует хотя бы один матрос, их всех до единого выпорют кошками.

Час спустя вернулся под всеми парусами баркас, осевший под тяжестью полных бочек. Пока бочки поднимали из шлюпки и спускали в трюм, мичман Хукер подбежал к Хорнблауэру и козырнул.

– На берег пригнали быков, сэр, – сказал он.

Хорнблауэру стоило некоторого труда сохранить невозмутимый вид и надлежащим образом принять новость.

– Как много? – выговорил он – вопрос показался ему уместным, чтобы протянуть время, но ответ удивил его еще более.

– Сотни, сэр. Главный даго много чего говорил, но ни один из наших по-ихнему не понимает.

– Пришлите его ко мне, когда следующий раз отправитесь на берег, – сказал Хорнблауэр.

За оставшееся время Хорнблауэр постарался все продумать. Он окликнул впередсмотрящего на грот-бом-брам-стеннге, желая убедиться, что тот внимательно следит за морем. Существует опасность, что со стороны океана подойдет «Нативидад». Тогда «Лидия» окажется застигнута врасплох в то время, как половина ее команды на берегу, не успеет выйти из залива и принуждена будет сражаться в замкнутых водах с многократно более сильным противником. С другой стороны, есть шанс укомплектовать запасы и не зависеть от берега. Исходя из всего виденного, Хорнблауэр опасался тянуть с независимостью: в любой момент мятеж дона Хулиана Альварадо может захлебнуться в крови.

Эрнандес прибыл все на той же лодке с двумя латинскими парусами, которая вчера доставила Хорнблауэра на берег. На шканцах они обменялись приветствиями.

– Четыреста бычков ожидают ваших приказов, капитан, – сказал Эрнандес. – Мои люди пригнали их на берег.

– Хорошо, – сказал Хорнблауэр. Он еще не принял окончательного решения.

– Боюсь, свиней придется подождать, – продолжал Эрнандес. – Мои люди собирают их по окрестностям, но свиней гнать долго.

– Да, – сказал Хорнблауэр.

– Касательно соли. Нелегко будет собрать сто квинталов, как вы просили. До того как наш повелитель объявил о своей божественности, соль была королевской монополией и потому редка, но я отправил отряд на соляные ямы Хикилисы в надежде раздобыть там.

– Да, – сказал Хорнблауэр. Он помнил, что потребовал соль, но не мог вспомнить, сколько именно запросил.

– Женщины собирают апельсины и лимоны, – продолжал Эрнандес, – но боюсь, нужное количество будет не раньше чем через два дня.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр.

– Сахар лежит на сахарном заводе Эль-Супремо. Что до табака, сеньор, у нас большой запас. Какой сорт вы предпочитаете? Последнее время мы скручивали сигары только для собственных нужд, но я могу вновь засадить женщин за работу, как только они соберут фрукты.

– Кхе-хм. – Хорнблауэр удержал восторженный возглас, который чуть не вырвался у него при этих словах – последнюю сигару он выкурил три месяца назад. Его матросы потребляют низкосортный виргинский табак из скрученных сухих листьев, но такого, понятно, на этом побережье не сыщешь. Правда, он часто видел, как британские моряки с удовольствием жуют полупросушенный туземный лист.

– Пришлите сигар, сколько сочтете возможным, – сказал Хорнблауэр. – Что до остального, можете прислать любой.

Эрнандес поклонился:

– Спасибо, сеньор. Кофе, овощи и яйца раздобыть будет, естественно, легко. Но вот что касается хлеба...

– Ну?

Эрнандес заметно нервничал.

– Да простит меня ваше превосходительство, но у нас растет только маис. Немного пшеницы растет на тьерра темплада⁷, но она все еще в руках непросвещенных. Подойдет ли маисовая мука?

Эрнандес с тревогой смотрел на Хорнблауэра. Только тут Хорнблауэр осознал, что тот дрожит за свою жизнь и что односложное одобрение реквизиций со стороны Эль-Супремо куда действеннее, чем снабженный печатями приказ одного испанского чиновника другому.

– Это очень серьезно, – сурово сказал Хорнблауэр. – Мои английские моряки не приучены к маисовой муке.

– Знаю, – пролепетал Эрнандес, судорожно перебирая сцепленными пальцами. – Но я должен заверить ваше превосходительство, что пшеничную муку я могу взять только с боем, и знаю, Эль-Супремо пока не хочет, чтобы мы сражались. Эль-Супремо разгневется.

Хорнблауэр вспомнил, с каким жалким страхом взирает вчера Эрнандес на Эль-Супремо. Несчастный трепещет, что его признают не справившимся с возложенными на него обязанностями. И тут Хорнблауэр неожиданно вспомнил то, о чем непростительно забыл. Это гораздо важнее, чем табак и фрукты, и уж неизмеримо важнее, чем разница между маисовой и пшеничной мукой.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я согласен на маисовую муку. Но в качестве компенсации я должен буду попросить кое-что еще.

– Конечно, капитан. Я предоставлю все, что вы попросите. Только назовите.

– Мне нужно питье для моих матросов, – сказал Хорнблауэр. – Есть у вас здесь вино? Спиртные напитки?

– У нас есть немного вина, ваше превосходительство. Очень немного. На этом побережье пьют спиртной напиток, вам, вероятно, неизвестный. Он хорош, когда хорошо приготовлен. Его гонят из отходов сахарного завода, из патоки, ваше превосходительство.

– Ром, клянусь Богом! – воскликнул Хорнблауэр.

– Да, сеньор, ром. Сгодится ли он вашему превосходительству?

– Раз нет ничего лучше, я возьму ром, – сурово ответил Хорнблауэр.

Сердце прыгало от радости. Его офицерам покажется чудом, что он раздобыл ром и табак на этом вулканическом побережье.

– Спасибо, капитан. Приступать ли нам к убою скота?

⁷ *Тьерра темплада* (Умеренные земли) – средний высотный лесной пояс в горах Центральной и Южной Америки; имеет умеренно теплую погоду на протяжении всего года.

Этот-то вопрос Хорнблауэр и пытался разрешить для себя с той минуты, когда услышал о бычках.

Он посмотрел на впередсмотрящего. Прикинул силу ветра. Посмотрел на море и только тогда решился окончательно.

– Очень хорошо, – сказал он наконец. – Мы начнем сейчас.

Морской бриз был слабее, чем вчера, а чем слабее ветер, тем меньше шансов, что появится «Нативидад». Так и случилось, что вся работа прошла без помех. Два дня шлюпки сновали между берегом и судном. Они возвращались, нагруженные разрубленными тушами; прибрежный песок покраснел от крови убитых животных, а потерявшие всякий страх стервятники объелись сваленной в груды требухой до коматозного состояния. На борту корабля баталер и его команда под безжалостным солнцем, как проклятые, солили мясо и расставляли бочки в кладовых. Купор и его помощники двое суток почти без продыху изготавливали и чинили бочки. Мешки с мукой, бочонки с ромом, тюки с табаком – матросы у талей, обливаясь потом, поднимали все это из шлюпок. «Лидия» набивала себе брюхо.

Не сомневаясь больше в повстанцах, Хорнблауэр приказал выгружать предназначенное для них оружие. Теперь шлюпки, возившие на корабль мясо и муку, возвращались, груженные ящиками с ружьями, бочонками с порохом и пулями. Хорнблауэр приказал спустить гичку и время от времени обходил на ней вокруг корабля, наблюдая за дифферентом. Он хотел, чтобы в любой момент можно было сняться с якоря и выйти в море для поединка с «Нативидадом».

Работа продолжалась и ночью. За пятнадцать лет в море – пятнадцать лет войны – Хорнблауэр нередко видел, как недостаток энергии, нежелание или неумение выжать из команды все оборачиваются потерями. Что далеко ходить – на него и сейчас временами накатывал стыд за упущенного возле Азорских островов капера. Боясь вновь уронить себя в собственных глазах, он загонял матросов до изнеможения.

Пока некогда было наслаждаться прелестями берега. Правда, береговые отряды готовили себе пищу на огромных кострах и после семи месяцев вареной солонины отъедались жареным мясом. Однако с характерным для британских моряков упрямством они брезгливо отворачивались от экзотических плодов – бананов и папайи, ананасов и гуаявы, усматривая заурядную скаредность в том, что фрукты им предлагали вместо законной порции вареного гороха.

И вот на второй вечер, когда Хорнблауэр прогуливался по шканцам, наслаждаясь свежайшим морским бризом, ликуя, что он еще на шесть месяцев независим от берега и с чистой радостью предвкушая жареную курицу на ужин, с берега донеслась пальба. Сперва редкая перестрелка, потом нестройный залп. Хорнблауэр забыл свой ужин, свое довольство, все. Любого рода неприятности на берегу означали, что его миссия под угрозой. Не помня себя от спешки, он приказал спустить гичку, и матросы, подгоняемые ругательствами старшины Брауна, гребли к берегу так, что гнулись весла.

То, что Хорнблауэр увидел, обогнув мыс, подтвердило его худшие опасения. Весь наземный десант плотной толпой сгрудился на берегу; десяток морских пехотинцев выстроились с фланга в шеренгу – они перезаряжали ружья. Матросы были вооружены чем попало. Дальше большим полукругом стояли туземцы, угрожающе размахивая саблями и ружьями, на ничейной полосе лежали два трупа. У кромки воды, позади моряков, лежал еще один матрос. Два товарища склонились над ним. Он опирался на локоть, его рвало кровью и водой.

Хорнблауэр выпрыгнул на мелководье. Не обращая внимания на раненого матроса, он протиснулся сквозь толпу. Когда он оказался на открытом месте, над полукругом поднялся дымок, и пуля просвистела у него над головой. На это он тоже не обратил внимания.

– Ну-ка опустить ружья! – заорал он на пехотинцев и повернулся к возбужденным туземцам, выставив вперед ладони в универсальном и инстинктивном примиряющем жесте. За себя он не боялся – злость, что кто-то поставил под удар его шансы на успех, вытеснила всякую мысль об опасности.

– Что все это значит? – спросил он.

Десантом командовал Гэлбрейт. Он собирался заговорить, но ему не дали. Один из матросов, державших умирающего, протиснулся вперед, позабыв о дисциплине в слепом порыве сентиментального возмущения – это свойственное обитателям нижней палубы чувство Хорнблауэр всегда почитал опасным и достойным презрения.

– Они тут мучили одного бедолагу, сэр, – сказал матрос. – Привязали к столбу и оставили умирать от жажды.

– Молчать! – прогремел Хорнблауэр, вне себя от ярости, не столько из-за нарушения дисциплины, сколько предвидя неизбежные трудности. – Мистер Гэлбрейт!

Гэлбрейт был несообразителен и не быстр на слова.

– Не знаю, с чего все началось, сэр. – Хотя он с детства служил на флоте, речь его сохранила легкий шотландский акцент. – Вон оттуда прибежал отряд. С ними был Смит, раненый.

– Он уже умер, – вставил кто-то.

– Молчать! – вновь прогремел Хорнблауэр.

– Я увидел, что они собираются на нас напасть, и приказал морским пехотинцам стрелять, сэр, – продолжал Гэлбрейт.

– С вами я поговорю позже, мистер Гэлбрейт, – рявкнул Хорнблауэр. – Ты, Дженкинс. И ты, Пул. Что вы там делали?

– Ну, сэр, дело было так, сэр... – начал Дженкинс. Теперь он был сконфужен и растерян. Хорнблауэр остудил его пыл, к тому же его публично уличили в дисциплинарном проступке.

– Вы знаете, что был приказ никому не заходить за ручей?

– Да-а, сэр.

– Завтра утром я вам покажу, что значит приказ. И вам тоже, Пул. Где сержант морской пехоты?

– Здесь, сэр.

– Хорошо вы сторожите, раз у вас люди разбегаются. Для чего все эти пикеты?

Сержанту нечего было ответить. Неопровержимые свидетельства недосмотра были налицо, оставалось только застыть по стойке «смирно».

– Мистер Симмондс поговорит с вами завтра утром, – продолжал Хорнблауэр. – Не думаю, что вам и дальше придется носить нашивки.

Хорнблауэр сурово обозрел десант. Яростный нагоняй заставил всех сникнуть и присмиреть. Он вдруг сообразил, что добился этого, ни единым словом не извинив латиноамериканское правосудие. Гнев его сразу пошел на убыль. Он повернулся к Эрнандесу, который галопом подскочил на низкорослой лошадке и вздыбил ее, столбом поднимая песок.

– Эль-Супremo приказал вам напасть на моих людей? – Хорнблауэр дал свой первый бортовой залп.

При имени Эль-Супremo Эрнандеса передернуло.

– Нет, капитан, – сказал он.

– Полагаю, Эль-Супremo будет недоволен, – продолжал Хорнблауэр.

– Ваши люди пытались освободить приговоренного к смерти преступника, – сказал Эрнандес наполовину упрямо, наполовину извиняясь. Он был явно не уверен в себе и не знал, как Альварадо отнесется к случившемуся.

Хорнблауэр, продолжая говорить, старался, чтобы в голосе по-прежнему звучала сталь. Насколько он знал, никто из англичан не понимает по-испански, и теперь, когда дисциплина восстановлена, полезно показать команде, что он полностью на ее стороне.

– Из этого не следует, что ваши люди могут убивать моих, – произнес он.

– Они злы. Их обобрали, чтобы раздобыть для вас провиант. Тот человек, которого ваши матросы пытались освободить, приговорен за попытку утаить своих свиней.

Эрнандес сказал это укоризненно и с некоторым даже гневом. Хорнблауэр хотел пойти на мировую, но так, чтобы не задеть чувства своих людей. Он намеревался отвести Эрнандеса в сторонку и заговорить помягче, однако не успел, потому что внимание его привлек всадник, во весь опор скачущий вдоль берега залива. Он махал широкополой соломенной шляпой. Все глаза обратились на него. По виду это был обычный пеон-индеец. Задыхаясь, он выкрикнул:

– Корабль... корабль приближается!

От волнения он перешел на индейскую речь, и дальнейшего Хорнблауэр не понял. Эрнандесу пришлось перевести:

– Этот человек дежурил на вершине горы. Он говорит, что видел паруса корабля, который идет к заливу.

Он быстро задал один за другим несколько вопросов. Дозорный отвечал кивками, жестами и потоком индейских слов.

– Он говорит, – продолжал Эрнандес, – что прежде часто видел «Нативидад» и уверен, что это тот корабль и что он, без сомнения, направляется сюда.

– Как он далеко? – спросил Хорнблауэр.

Эрнандес перевел:

– Далеко, лиг семь или даже больше. Он идет с юго-запада – от Панамы.

Хорнблауэр в глубокой задумчивости потянул себя за подбородок.

– До захода морской бриз будет подгонять его, – пробормотал он себе под нос и поглядел на солнце. – Это час. Еще через час задует береговой бриз. В крутой бейдевинд он сможет идти тем же курсом. В заливе он будет к полуночи.

Идеи и планы роились в его мозгу. Вряд ли корабль подойдет в темноте – Хорнблауэр знал обыкновение испанцев убирать на ночь паруса и нелюбовь к сложным маневрам, кроме как в наиболее благоприятных условиях. С другой стороны... Он пожалел, что ничего не знает об испанском капитане.

– Часто ли «Нативидад» заходил в залив? – спросил он.

– Да, капитан, часто.

– Его капитан – хороший моряк?

– О да, капитан, очень хороший.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр. Мнение человека сухопутного о том, насколько искусен капитан фрегата, немногого, конечно, стоит, но это хоть какие-то сведения.

Хорнблауэр вновь потянул себя за подбородок. Он участвовал в десяти одиночных морских боях. Если он выведет «Лидию» из залива и примет бой в открытом море, оба корабля, вполне вероятно, безнадежно друг друга изувечат. Рангоут, такелаж, паруса и корпус – все разнесет в куски. На «Лидии» будет множество убитых и раненых, которых здесь, в Тихом океане, нечем заменить. Она растратит свои бесценные боеприпасы. С другой стороны, если она останется в заливе, а задуманный Хорнблауэром план не сработает – если «Нативидад» останется в море до утра, – «Лидии» придется лавировать из залива против морского бриза. Испанцы получают все возможные преимущества еще до начала боя. «Нативидад» и так настолько мощнее «Лидии», что вступать с ним в поединок – дерзость. Идти на риск, зная, что в случае неудачи превосходство противника еще усилится? Но возможный выигрыш был так велик, что Хорнблауэр все-таки решил рискнуть.

VI

Призрачная в лунном свете, подгоняемая первыми порывами берегового бриза, скользила «Лидия» по заливу. Хорнблауэр не поставил паруса, дабы с далекого корабля в море не приметили их отблеска. Баркас и тендер буксировали корабль, промеряя по пути дно, в приглубые воды за островом у входа в залив, – Эрнандес, когда Хорнблауэр набросал ему свой план, сказал, что остров называется Меангуера. Час потели на веслах матросы, хотя Хорнблауэр, как мог, помогал им, стоя подле штурвала и по возможности используя ветровой снос, вызываемый давлением бриза на рангоут «Лидии». Наконец они достигли новой стоянки, и якорь плеснул о воду.

– Привяжите к якорному канату буй и приготовьтесь отцепить его, мистер Буш.

– Есть, сэр.

– Подведите шлюпки к борту. Пусть матросы отдохнут.

– Есть, сэр.

– Мистер Джерард, оставляю палубу на вас. Следите, чтобы впередсмотрящие не уснули.

Мистер Буш и мистер Гэлбрейт спустятся со мной в каюту.

– Есть, сэр.

Корабль кипел молчаливым возбуждением. Все догадывались, что задумал капитан, хотя детали, которые Хорнблауэр излагал сейчас своим лейтенантам, были по-прежнему неизвестны. О приближении «Нативидада» доложили два часа назад, и все это время Хорнблауэр напряженно шлифовал свой план. Нигде не должно случиться осечки.

– Все понятно? – спросил Хорнблауэр наконец.

Он встал, неловко пригибаясь под палубными бимсами занавешенной каюты. Лейтенанты вертели в руках шляпы.

– Так точно, сэр.

– Очень хорошо, можете идти, – сказал Хорнблауэр.

Однако через пять минут тревога и нетерпение вновь выгнали его на палубу.

– Эй, на мачте! Видите неприятеля?

– Только-только появился из-за острова, сэр. Корпус еще не видать, только марсели, сэр, под брамселями.

– Каким курсом он идет?

– Держит круто к ветру, сэр. На этом курсе он сможет войти в залив.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр и снова ушел вниз.

Часа четыре по меньшей мере, прежде чем «Нативидад» войдет в залив и можно будет действовать. Хорнблауэр, ссутулясь, заходил по крошечной каюте и тут же яростно себя одернул. Хладнокровный капитан его мечты ни за что не довел бы себя до такого исступления, пусть даже четыре часа спустя утвердится или рухнет его профессиональная репутация. Надо показать всему кораблю, что и он может стойко сносить неопределенность.

– Позовите Полвила, – бросил он, выходя из-за занавеса и обращаясь к стоящим у пушки матросам. Когда Полвил появился, он продолжал: – Передайте мистеру Бушу мои приветствия и скажите: если он может отпустить мистера Гэлбрейта, мистера Клэя и мистера Сэвиджа, я был бы рад поужинать с ними и сыграть партию в вист.

Гэлбрейт тоже нервничал. Мало того что он ждал боя, над ним все еще висел обещанный выговор за дневную стычку. Он теребил сухошавые шотландские руки, скуластое лицо пылало. Оба мичмана были смущены и ерзали на стульях.

Хорнблауэр настроился изображать радушного хозяина, в то время как каждое произносимое слово должно было укреплять его славу человека абсолютно невозмутимого. Он извинился за скудный ужин – при подготовке к бою тушили все огни и вследствие этого еду пода-

вали холодной. Однако вид холодных жареных цыплят, жареной свинины, золотых маисовых пирогов и фруктов разбудил в шестнадцатилетнем мистере Сэвидже здоровый мальчишеский аппетит и заставил его позабыть смущение.

– Это лучше, чем крысы, – сказал он, потирая руки.

– Крысы? – переспросил Хорнблауэр рассеянно. Как ни старался он выглядеть внимательным, мысли его были на палубе, не в каюте.

– Да, сэр. В последние месяцы плавания крысы сделались излюбленным блюдом мичманской каюты.

– Именно, – подхватил Клэй. Он отрезал солидный ломоть поджаристой свинины и добавил половину жареного цыпленка. – Я платил этому плуту Бэйли по три пенса за отборную крысу.

Хорнблауэр отчаянным усилием оторвал мысли от приближающегося «Нативидада» и перенесся в прошлое, когда сам был полуголодным мичманом, страдавшим тоской по дому и морской болезнью. Его старшие товарищи за милую душу уплетали крыс, приговаривая, что откормленная крыса куда вкуснее соленой говядины, два года простоявшей в бочке. Сам Хорнблауэр так и не преодолел отвращения, но не собирался сейчас в этом признаваться.

– Три пенса за крысу немного дороговато, – сказал он. – Не припомню, чтобы в бытность свою мичманом платил столько.

– Как, сэр, вы тоже ели крыс? – спросил изумленный Сэвидж.

В ответ на прямой вопрос Хорнблауэру оставалось только солгать.

– Конечно, – сказал он. – Мичманские каюты мало изменились за двадцать лет. Я всегда считал, что крыса, отъевшаяся в хлебном ларе, сделала бы честь королевскому, не то что мичманскому столу.

– Разрази меня гром! – выдохнул Клэй, откладывая нож и вилку. До сего момента ему и в голову не приходило, что его суровый нестигаемый капитан был когда-то мичманом-крысоедом.

Оба мальчика восхищенно воззрились на капитана. Этот маленький человеческий штрих совершенно их покорила – Хорнблауэр знал, что так оно и будет. На другом конце стола Гэлбрейт шумно вздохнул. Сам он ел крысу три дня назад, но отлично знал, что, сознавшись в этом, ничего не приобрел, а скорее потерял бы в глазах этих мальчиков – такого уж сорта он был офицер. Хорнблауэр постарался ободрить и Гэлбрейта.

– Ваше здоровье, мистер Гэлбрейт, – сказал он, поднимая бокал. – Должен извиниться, это не лучшая моя мадера, но я оставил две последние бутылки назавтра, чтобы угостить испанского капитана, нашего пленника. За наши будущие победы!

Они выпили; скованность исчезла. Хорнблауэр сказал «нашего пленника» и «наши победы» – большинство капитанов сказала бы «моего» и «мои». Строгий капитан, ревнитель дисциплины, на мгновение приоткрыл свою человеческую сущность и показал подчиненным, что они его собраты. Любой из трех молодых офицеров сейчас отдал бы за капитана жизнь – и Хорнблауэр, оглядывая их раскрасневшиеся лица, об этом знал. Это и льстило ему, и одновременно раздражало, но впереди бой, возможно отчаянный, и он должен знать, что команда будет сражаться не за страх, а за совесть.

Еще один мичман, молодой Ниветт, вошел в каюту.

– Мистер Буш свидетельствует свое почтение, сэр, и сообщает, что с палубы неприятельское судно видно уже целиком.

– Оно по-прежнему держит курс на залив?

– Да, сэр. Мистер Буш говорит, через два часа будет на расстоянии выстрела.

– Спасибо, мистер Ниветт. Можете идти, – сказал Хорнблауэр.

Стоило напомнить, что через два часа ему сражаться с пятидесятипушечным кораблем, и сердце снова заколотилось. Судорожным усилием он сохранил невозмутимый вид.

– Вдоволь времени, чтобы сыграть роббер, джентльмены, – сказал он.

Один вечер в неделю капитан Хорнблауэр играл со своими офицерами в вист. Для последних – а для мичманов в особенности – это было тяжким испытанием. Сам Хорнблауэр играл превосходно, чему способствовали наблюдательность и пристальное внимание к психологии подчиненных. Однако многие офицеры плохо понимали игру и путались, не запоминая вышедших карт, – для них вечерний вист с Хорнблауэром был сущей пыткой.

Полвил убрал со стола, расстелил зеленое сукно и принес карты. С началом игры Хорнблауэру легче стало позабыть о надвигающейся битве. Вист был его страстью и поглощал целиком, что бы ни происходило вокруг. Только в перерывах между партиями, пока подсчитывали и сдавали, учащалось сердцебиение и к горлу подступал комок. Он внимательно следил за лежащими на стол картами, помня ученическую привычку Сэвиджа ходить с тузов и то, что Гэлбрейт неизменно забывает показать короткую масть. Роббер закончился быстро; на лицах младших офицеров было написано чуть ли не отчаяние, когда Хорнблауэр протянул колоду, чтобы еще раз определить партнеров. Сам он хранил неизменное выражение лица.

– Вам, Клэй, следует запомнить, – сказал он, – что, имея короля, даму и валета, вы должны идти с короля. На этом построено все искусство захода.

– Есть, сэр, – отвечал Клэй, шутовски косясь на Сэвиджа.

Хорнблауэр посмотрел строго, и Клэй поспешно сделал серьезное лицо. Игра продолжалась и всем казалась нескончаемой. Однако и она подошла к финалу.

– Роббер, – объявил Хорнблауэр, подводя счет. – Я думаю, джентльмены, нам почти пора подниматься на палубу.

Общий вздох облегчения. Все завозили под столом ногами. Хорнблауэр чувствовал, что любой ценой должен показать свою невозмутимость.

– Роббер не кончился бы, – сказал он сухо, – если б мистер Сэвидж следил за счетом. Чтобы спасти роббер, мистеру Сэвиджу и мистеру Гэлбрейту хватило бы одной взятки. Посему мистер Сэвидж на восьмом ходу должен был не рисковать, а крыть червовым тузом. Признаю, если бы прорезывание оказалось успешным, он получил бы две лишние взятки, но...

Хорнблауэр продолжал вещать, остальные трое корчились на стульях. Однако, когда он пошел впереди них по трапу, они переглянулись, и в глазах их было восхищение.

На палубе стояла мертвая тишина. Матросы лежали на боевых постах. Луна быстро садилась, но, как только глаза привыкли к темноте, стало ясно, что света еще достаточно. Буш отдал капитану честь.

– Неприятель по-прежнему направляется к заливу, сэр, – сообщил он хрипло.

– Пошлите снова команду в тендер и баркас, – ответил Хорнблауэр.

Он взобрался по бизань-вантам до крюйс-стень-рея. Отсюда он видел море за островом, где на фоне садящейся луны отчетливо различались паруса «Нативидада». Испанский корабль круто к ветру входил в залив. Борясь с возбуждением, Хорнблауэр старался предугадать действия испанского капитана. Едва ли в темноте с «Нативидада» различат стеньги «Лидии» – на таком допущении и основывался весь план. Скоро испанцы повернут оверштаг и новым галсом двинутся к острову. Быть может, они предпочтут пройти его на ветре, но навряд ли. Чтобы войти в залив, они вынуждены будут повернуть оверштаг – и тут вступит «Лидия». Паруса «Нативидада» посветлели и почти сразу опять потемнели – он поворачивал. Испанец направляется в середину прохода, но ветровой снос и отлив неминуемо погонят его обратно к острову. Хорнблауэр спустился на палубу.

– Мистер Буш. Пошлите матросов наверх, приготовьтесь отдать паруса.

Босые ноги тихо зашлепали по палубе и по вантам. Хорнблауэр вынул из кармана серебряный свисток. Он не потрудился спросить, все ли проинструктированы в своих обязанностях: Буш и Джерард – толковые офицеры.

– Сейчас я пойду на нос, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Я постараюсь вернуться на шканцы вовремя, но если нет, вы знаете мои приказы.

– Так точно, сэр.

Хорнблауэр торопливо прошел по переходному мостику, мимо каронад на полубаке, мимо орудийных расчетов, и залез на бушприт. С блинда-рея он мог заглянуть за остров. «Нативидад» шел прямо на него. Хорнблауэр видел фосфоресцирующую пену под водорезом и чуть ли не слышал плеск рассекаемой воды. Он судорожно сглотнул, и тут же возбуждение прошло, осталось ледяное спокойствие. Он забыл про себя, мозг, как машина, просчитывал время и расстояние. Уже слышался голос лотового на руслене «Нативидада», хотя слов было не разобрать. Корабль подходил все ближе. Теперь Хорнблауэр различал гул голосов. Испанцы, по обыкновению, беспечно болтали, никто не смотрел как следует, никто не заметил голые стены «Лидии». Потом с палубы «Нативидада» донеслись приказы: поворачивали оверштаг. При первом же звуке Хорнблауэр поднес к губам серебряный свисток и дунул. На «Лидии» вмиг закипела работа. Паруса на всех реях были подняты одновременно. Отцепили якорный канат и шлюпки. Корабль спускался под ветер. Хорнблауэр на бегу столкнулся с матросами, тянувшими брасы, упал, вскочил и побежал. «Лидия» набирала скорость. Он оказался у штурвала вовремя.

– Прямо руль! – крикнул он рулевому. – Немного лево руля! Еще чуть-чуть! Теперь руль круто направо!

Так быстро все произошло, что испанцы только-только успели закончить поворот и набирали скорость на новом галсе, когда из-за острова вылетела «Лидия» и проскрежетала о борт. Месяцы учений не прошли для английской команды втуне. Едва корабли соприкоснулись, пушки «Лидии» громыхнули одним сокрушительным бортовым залпом, осыпав палубу «Нативидада» градом картечи. Марсовые пробежали по реям и накрепко сцепили корабли. Атакующие с громкими криками высыпали на шкафут левого борта.

На палубе испанца царило полное смятение. Только что все выполняли маневр, и вот в следующую минуту неизвестный враг взял их на абордаж. Вспышки неприятельских пушек разорвали на куски ночь, повсюду падали убитые. На палубу с жуткими воплями хлынули вооруженные люди. Самая дисциплинированная и опытная команда не устояла бы перед таким натиском. Все двадцать лет, что «Нативидад» курсировал вдоль тихоокеанского побережья, не менее четырех тысяч миль отделяло его от любого возможного противника на море.

Однако нашлись brave моряки, и они попытались оказать сопротивление. Офицеры вытащили шпаги; на высоких шканцах стоял вооруженный отряд – оружие выдали в связи со слухами о восстании на берегу; кое-кто из матросов схватил шпильевые вымбовки и кофель-нагели. Однако с верхней палубы волна атакующих с пиками и тесаками смыла их почти мгновенно. Лишь раз прозвучал пистолетный выстрел. Тех, кто сопротивлялся, либо убили, либо оттеснили вниз; остальных согнали вместе и окружили.

На нижней палубе испанцы метались в поисках вожаков, которые организовали бы оборону. Они собирались в темноте, готовые противостоять неприятелю и защищать люки, когда за спинами у них оглушительно заорали. Две шлюпки под командованием Джерарда подошли к левому борту, и матросы, рычагами выломав орудийные порты нижней палубы, хлынули внутрь, оглашая корабль дикими воплями в полном соответствии с приказом. Хорнблауэр наперед знал: чем больше шума поднимут нападающие, тем вернее деморализуют неорганизованных испанцев. Внезапная атака окончательно сломила сопротивление верхней палубы.

Предусмотрительность Хорнблауэра, отрядившего две шлюпки для отвлекающего удара, полностью себя оправдала.

VII

Капитан «Лидии», как обычно, гулял утром по шканцам своего корабля. Испанские офицеры, завидев его, сунулись было с церемонными приветствиями, но их оттеснили матросы, негодуя, что какие-то пленники потревожат освященную многими месяцами прогулку.

Хорнблауэру было о чем поразмыслить. И впрямь, за множеством осаждавших его забот некогда было ликовать об одержанной победе, хотя прошлой ночью его фрегат, захватив двухпалубный корабль и не потеряв при этом ни одного человека, совершил беспрецедентный в обширных анналах британской военно-морской истории подвиг. Думал же он о том, что делать дальше. Устранив «Нативидад», он сделался властелином Южного моря. Он отлично знал, что наземное сообщение сильно затруднено, и вся торговля – можно сказать, вся жизнь – полностью зависит от каботажных перевозок. Теперь же без его ведома не пройдет ни одна лодка. За пятнадцать военных лет он усвоил, что значит власть на море. Теперь, по крайней мере, есть шанс с помощью Альварадо разжечь в Центральной Америке настоящий пожар – испанское правительство еще проклянет день, в который решило связать свою судьбу с Бонапартом.

Хорнблауэр ходил взад и вперед по присыпанной песком палубе. Перед ним открывались и другие возможности. Северо-восточнее от них лежит Акапулько, куда приходит и откуда отправляется ежегодно галеон, везущий на миллион стерлингов сокровищ. Захватив галеон, он в одночасье сделается богат – тогда он купит в Англии поместье, целую деревню, и заживет сквайром, и чтобы селяне приподымали шляпы, когда он будет проезжать мимо в экипаже, – Марии бы это понравилось, хотя Мария в роли знатной дамы будет выглядеть диковато.

Хорнблауэр оторвался от созерцания Марии, пересаженной в деревенскую усадьбу из меблированных комнат в Саутси. На востоке Панама, с перуанским золотом, с жемчужной флотилией, с забеленным золотым алтарем, который не дался в руки Моргану⁸, но достанется ему. Ударить сюда, в средоточие межматериковых сообщений, наиболее благоразумно стратегически, равно как и потенциально наиболее выгодно. Он постарался сосредоточить мысль на Панаме.

На баке рыжеволосый ирландец Салливан взгромоздился со скрипкой на платформу каронады, а вокруг него человек шесть матросов, ударяя в палубу мозолистыми ступнями, энергично наступали на партнеров. Гиней по двадцать на брата, самое меньшее, получают они за трофей, и в воображении они уже тратили эти деньги. Хорнблауэр посмотрел туда, где покачивался на якоре «Нативидад». Его шкафут чернел от команды, согнанной на верхнюю палубу. На старомодном полуякоте и шканцах Хорнблауэр видел красные мундиры и кивера морских пехотинцев. Видел он и направленные на шкафут каронады, и матросов с горящими фитилями подле них. Джерард, которого он оставил призматером на борту «Нативидада», служил в свое время на ливерпульском работоторговце. Уж он-то знает, как держать в повиновении полный корабль враждебно настроенных людей, – впрочем, Хорнблауэр, забрав от них офицеров, не ждал с их стороны неприятностей.

Надо еще решить, что делать с «Нативидадом» и особенно с пленными. Нельзя поручить их человеколюбивым милостям Эль-Супремо, да и команда этого не потерпит. Хорнблауэр напряженно думал. Мимо пролетала цепочка пеликанов. Они летели безукоризненным строем, ровнее, чем Ла-Маншский флот на маневрах. Птица-фрегат, величественная, с раздвоенным хвостом, кружила над ними на неподвижных крыльях и, решив, очевидно, что пикировать не

⁸ *Гебри Морган* (1635–1688) – английский пират, впоследствии губернатор Ямайки, захватил и разграбил Панаму в 1671 г. Жители города успели замазать побелкой и закрасить краской золотой алтарь в церкви Святого Иосифа и таким образом спасти его от пиратов.

стоит, полетела к острову, где усердно промышляли рыбу бакланы. Солнце уже припекало, вода в заливе синела, как море над ней.

Хорнблауэр проклинал солнце, пеликанов и птицу-фрегат, мешавших ему сосредоточиться. Он мрачно прошелся по палубе еще раз пять-шесть. Тут на пути его встал мичман Ниветт и козырнул.

– Что за черт? – рявкнул Хорнблауэр.

– Лодка подходит к борту, сэр. На ней мистер... мистер Эрнандес.

Этого и следовало ожидать.

– Очень хорошо, – сказал Хорнблауэр и спустился на шкафут приветствовать Эрнандеса.

Тот не стал тратить время на поздравления. На службе Эль-Супремо даже латиноамериканцы становились деловиты и немногословны.

– Эль-Супремо желает немедленно видеть вас, капитан, – сказал Эрнандес. – Моя лодка ждет.

– Вот как, – ответил Хорнблауэр.

Он отлично знал, что многих британских капитанов взбесило бы такое бесцеремонное требование. Он подумал, как славно было бы отослать Эрнандеса к Эль-Супремо с предложением самому явиться на корабль, если тот желает видеть капитана. Впрочем, глупо из самолюбия ставить под удар жизненно важные отношения с берегом. Победитель «Нативидада» может сквозь пальцы смотреть на чужую наглость.

Компромисс напрашивался сам собой: заставить Эрнандеса часок-другой подождать и тем утвердить свое достоинство. Но здравый смысл отверг и такую уловку. Хорнблауэр ненавидел компромиссы, а этот (как почти все компромиссы) лишь разозлил бы одну сторону, ничего не принеся другой. Гораздо лучше спрятать гордость в карман и отправиться сейчас же.

– Конечно, – сказал он. – Мои обязанности позволяют мне ненадолго отлучиться.

По крайней мере, на этот раз нет нужды облачаться в парадную форму. Не надо требовать лучшие шелковые чулки и башмаки с пряжками. Захват «Нативидада» будет говорить за него красноречивей, чем любая шпага с золотой рукоятью.

Только отдавая последние приказания Бушу, Хорнблауэр вспомнил, что победа дает ему достаточные основания не пороть заблудших Дженкинса с Пулом и не объявлять выговор Гэлбрейту. Эта мысль помогла развеять депрессию, обычно накатывавшую на него после каждой победы. Эта мысль подбадривала его, когда он садился на низкорослую лошадку, ехал мимо зловонных, сваленных в кучи потрохов, мимо столбов с привязанными к ним мертвецами, к дому Эль-Супремо.

Эль-Супремо восседал на помосте под балдахином так, словно просидел неподвижно четыре дня (казалось – месяц) с их последней встречи.

– Вы исполнили мою волю, капитан? – были его первые слова.

– Этой ночью я захватил «Нативидад», – ответил Хорнблауэр.

– И ваши запасы, насколько я понял, укомплектованы?

– Да.

– Значит, – сказал Эль-Супремо, – вы сделали, что я хотел. Так я говорил с самого начала.

Перед лицом столь безграничной самоуверенности возражать было невозможно.

– Сегодня после полудня, – продолжил Эль-Супремо, – я приступлю к исполнению моих планов по захвату Сан-Сальвадора и человека, который называет себя главнокомандующим Никарагуа.

– Да? – сказал Хорнблауэр.

– Здесь есть некоторые сложности, капитан. Вам, вероятно, известно, что дороги между этим местом и Сан-Сальвадором не так хороши, как дорогам надлежит быть. На одном отрезке тропа состоит из ста двадцати семи ступеней, вырубленных в лаве между двумя расселинами.

По ней тяжело пройти мулу, не говоря уже о лошади, а злонамеренная личность, вооруженная ружьем, способна причинить большой ущерб.

– Представляю, – сказал Хорнблауэр.

– Однако, – продолжал Эль-Супremo, – от порта Либертад до Сан-Сальвадора всего лишь десять миль по хорошей дороге. Сегодня после полудня я с пятьюстами людьми на двух кораблях выйду к Либертаду. До него меньше ста миль, и я буду там завтра на заре. Завтра вечером я буду ужинать в Сан-Сальвадоре.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр. Он ломал себе голову, как бы получше изложить те затруднения, которые он видел.

– Вы ведь убили очень мало из команды «Нативидада», капитан? – спросил Эль-Супremo, вплотную подходя к одному из тревоживших Хорнблауэра вопросов.

– Одиннадцать убитых, – сказал Хорнблауэр, – и восемнадцать раненых, из которых четверо, скорее всего, не выживут.

– Значит, осталось достаточно, чтобы управлять судном?

– Вполне, сеньор, если...

– Это мне и нужно. Кстати, капитан, простые смертные, обращаясь ко мне, не употребляют слово «сеньор». Оно недостаточно почтительно. Я Эль-Супremo.

Хорнблауэр в ответ мог только поклониться. Удивительные манеры Эль-Супremo были, как каменная стена.

– Офицеры, ответственные за судовождение, еще живы? – продолжал Эль-Супremo.

– Да, – сказал Хорнблауэр и, поскольку предвидел впереди трудности и желал свести их к минимуму, добавил: – Супremo.

– Тогда, – объявил Эль-Супremo, – я беру «Нативидад» к себе на службу. Я убью боевых офицеров и заменю их собственными. Остальные вместе с простыми матросами будут служить мне.

В том, что говорил Эль-Супremo, не было ничего принципиально невозможного. Испанский флот, действуя, как и во всем, по старинке, поддерживал строгое разделение (в английском флоте почти исчезнувшее) между офицерами, которые ведут корабль, и теми господами, которые им командуют. И Хорнблауэр не сомневался, что выберут матросы и штурманы из двух зол: мучительная смерть или служба Эль-Супremo.

Нельзя отрицать, что в предложении Эль-Супremo много разумного: перевезти пятьсот человек на «Лидии» было бы трудновато; одна «Лидия» не смогла бы приглядывать за всем тысячемильным побережьем – два корабля доставят противнику более чем двойные неприятности. Однако передать «Нативидад» повстанцам значит вступить с лордами Адмиралтейства в бесконечную и скорее всего безуспешную тяжбу о призовых деньгах. И он не может со спокойной совестью предать испанских офицеров на уготованную им казнь. Думать надо быстро.

– «Нативидад» – трофей моего короля, – сказал он. – Возможно, король будет недоволен, если я его уступлю.

– Он, конечно, будет недоволен, если узнает, что вы отказали мне, – парировал Эль-Супremo. Брови его сошлись, и Хорнблауэр услышал позади шумное дыхание Эрнандеса. – Я и прежде замечал, капитан, что ваше поведение в моем присутствии граничит с непочтением, извинительным лишь в чужестранце.

Хорнблауэр лихорадочно соображал. Еще немного сопротивления с его стороны, и этот безумец прикажет его казнить, после чего «Лидия» уж наверняка не станет сражаться на стороне Эль-Супremo. Это и впрямь будет крайне затруднительное положение. «Лидия», не имея друзей ни среди повстанцев, ни среди правительственных сил, скорее всего вовсе не доберется до родины – особенно под командованием неизобретательного Буша. Англия потеряет отличный фрегат и упустит прекрасную возможность. Придется пожертвовать призовыми деньгами,

той тысячей фунтов, которой он намеревался поразить Марию. Но жизнь пленникам надо сохранить любой ценой.

– Несомненно, винить надо мое чужеземное воспитание, Супремо, – сказал он. – Мне трудно передать на чужом языке все необходимые оттенки смысла. Как можно заподозрить, что я питаю недостаточное почтение к Эль-Супремо?

Эль-Супремо кивнул. Занятно было видеть, что безумец, уверенный в своем всемогуществе, в реальной жизни склонен принимать за чистую монету самую грубую лесть.

– Корабль – ваш, Супремо, – продолжал Хорнблауэр. – Он был вашим с той минуты, как мои люди ступили на его палубу. И в будущем, когда огромная армада под водительством Эль-Супремо будет бороздить Тихий океан, я желал бы только, чтобы помнили: первый корабль этого флота был отбит у испанцев капитаном Хорнблауэром по приказу Эль-Супремо.

Эль-Супремо вновь кивнул, затем повернулся к Эрнандесу:

– Генерал, подготовьтесь к погрузке на корабли пятисот человек в полдень. Я отбываю с ними. Вы тоже.

Эрнандес отвесил поклон и удалился; легко было видеть, что подчиненные не дают Эль-Супремо поводов усомниться в своей божественной сущности. Он не знает, что такое непочтительность или нерадение. Малейший его приказ, касается он тысячи свиней или пятисот человек, исполняют мгновенно. Хорнблауэр тут же сделал следующий ход.

– «Лидии» ли, – спросил он, – уготована честь доставить Эль-Супремо в Либертад? Моя команда высоко оценит это отличие.

– Несомненно, – ответил Эль-Супремо.

– Я почти не осмеливаюсь попросить об этом, но можем ли мы с моими офицерами надеяться, что вы отобедаете с нами перед отплытием?

Эль-Супремо немного поразмыслил.

– Да, – сказал он, и Хорнблауэр подавил едва не вырвавшийся у него вздох облегчения. Залучив Эль-Супремо на борт «Лидии», он будет разговаривать с ним более уверенно.

Эль-Супремо хлопнул в ладоши, и тут же, словно сработал часовой механизм, стук в окорванную бронзой дверь возвестил о появлении темнокожего мажордома. Ему было односложно приказано перевезти двор Эль-Супремо на «Лидию».

– Возможно, – сказал Хорнблауэр, – теперь вы позволите мне вернуться на корабль, чтобы подготовиться к вашему прибытию, Супремо.

Ответом ему был кивок.

– Когда мне встречать вас на берегу?

– В одиннадцать.

В патио Хорнблауэр с сочувствием вспомнил восточного визиря, который, выходя от своего повелителя, всякий раз проверял, на месте ли его голова. На палубе «Лидии», как только смолк свист дудок, Хорнблауэр отдал приказы.

– Немедленно отведите этих людей вниз, – сказал он Бушу, указывая на пленных испанцев. – Заприте их в канатной кладовой и поставьте охрану. Позовите оружейника, пусть надеет на них кандалы.

Буш не пытался скрыть изумления, но Хорнблауэр не стал тратить время на объяснения.

– Сеньоры, – сказал он проходящим мимо испанцам, – с вами обойдутся сурово, но поверьте, если вас хотя бы увидят в один из следующих дней, вас убьют. Я спасаю вам жизнь.

Затем Хорнблауэр вновь повернулся к первому лейтенанту.

– Свистать всех наверх, мистер Буш.

Корабль наполнился шлепаньем босых ног по сосновым доскам.

– Матросы! – сказал Хорнблауэр. – Сегодня к нам на борт прибудет местный князь, союзник нашего милостивого короля. Что бы ни случилось – запомните мои слова, что бы ни случилось, – к нему надо относиться с почтением. Я выпорю каждого, кто засмеется или не будет

вести себя с сеньором Эль-Супремо, как со мной. Вечером мы отплывем с войсками этого господина на борту. Вы будете обходиться с ними, как если б они были англичане. И даже лучше. Вы бы стали подшучивать над английскими солдатами. Первого же, кто попытается сыграть шутку с кем-нибудь из этих людей, я прикажу немедленно выпороть. Забудьте, какого цвета у них кожа. Забудьте, во что они одеты. Забудьте, что они не говорят по-английски, помните только, что я вам сказал. Велите играть отбой, мистер Буш.

В каюте Полвил добросовестно ждал с халатом и полотенцем, чтобы проводить капитана в душ – согласно расписанию это должно было произойти два часа назад.

– Достаньте опять мой лучший мундир, – бросил Хорнблауэр. – В шесть склянок кормовая каюта должна быть готова к торжественному приему на восьмерых. Идите на бак и приведите ко мне кока.

Дел много. Надо пригласить на обед Буша и Рейнера, первого и четвертого лейтенантов, Симмондса, лейтенанта морской пехоты, штурмана Кристела и предупредить их, чтобы они явились в парадных мундирах. Надо продумать, как разместить на двух фрегатах пятьсот человек.

Хорнблауэр как раз глядел на «Нативидад» – тот покачивался на якоре, белый английский военно-морской флаг реял над красно-золотым испанским, – и думал, как поступить с ним, когда от берега к нему резво заскользила лодка. Новоприбывших возглавлял довольно молодой человек, невысокий и худощавый, гибкий, как обезьяна, с улыбочивым, полным неистребимого добродушия лицом. Он больше походил на испанца, чем на индейца. Буш провел его туда, где нетерпеливо расхаживал по палубе Хорнблауэр. Сердечно поклонившись, гость представился:

– Я вице-адмирал дон Кристобаль де Креспо.

Хорнблауэр не удержался и смерил его с головы до пят. Вице-адмирал носил золотые серьги, его расшитый золотом сюртук не скрывал ветхости серой рубахи. По крайней мере, он был обут. Его латаные белые штаны были заправлены в сапоги из мягкой коричневой кожи.

– На службе Эль-Супремо? – спросил Хорнблауэр.

– Разумеется. Позвольте представить моих офицеров. Линкор-капитан Андраде. Фрегат-капитан Кастро. Корвет-капитан Каррера. Лейтенанты Барриос, Барильяс и Серна. Гардемарины Диас...

Под этими звучными титулами скрывались всего-навсего босоногие индейцы. Из-за алых кушаков в изобилии торчали пистолеты и ножи. Офицеры неловко поклонились Хорнблауэру; лица одного-двух выражали звериную жестокость.

– Я прибыл, – сказал Креспо дружелюбно, – чтобы поднять свой флаг на моем новом судне «Нативидад». Эль-Супремо желает, чтобы вы салютовали ему одиннадцатью выстрелами, как причествует вице-адмиральскому флагу.

У Хорнблауэра слегка отвалилась челюсть. За годы службы он помимо воли проникся глубоким уважением к деталям показного флотского великолепия, и ему совершенно не улыбалось салютовать этому голодранцу, словно самому Нельсону. С усилием он подавил раздражение. Если он хочет добиться хоть какого-нибудь успеха, то должен доиграть этот фарс до конца. Когда ставка – империя, глупо проявлять излишнюю щепетильность в вопросе церемониала.

– Конечно, адмирал. Для меня большая радость одним из первых поздравить вас с назначением.

– Спасибо, капитан. Остается уладить кое-какие мелочи, – сказал вице-адмирал. – Дозвольте спросить, боевые офицеры с «Нативидада» здесь или еще на «Нативидаде»?

– Премного сожалею, – ответил Хорнблауэр, – но сегодня утром после трибунала я выбросил их за борт.

– Действительно, очень жаль, – сказал Креспо. – Эль-Супremo приказал мне вздернуть их на реях «Нативидада». Вы не оставили даже одного?

– Ни одного, адмирал. Сожалею, что не получил от Эль-Супremo соответствующих указаний.

– Что ж, ничего не попишешь. Без сомнения, найдутся другие. Тогда я отправляюсь на борт моего корабля. Не будете ли вы так любезны сопроводить меня и отдать приказы вашей призовой команде?

– Конечно, адмирал.

Хорнблауэру любопытно было взглянуть, как подручные Эль-Супremo намерены привести к присяге команду целого судна. Он поспешно приказал артиллеристу салютовать флагу, когда тот будет поднят на «Нативидаде», и спустился в шлюпку вместе с новоявленными офицерами.

Вступив на борт «Нативидада», Креспо с важным видом поднялся на шканцы. Здесь стояли штурман и его помощники. Под их изумленными взглядами Креспо подошел к изображению мадонны с младенцем возле гакаборта и столкнул его в воду. По его знаку один из гардемаринов спустил испанский и британский флаги. Потом Креспо обернулся к штурману и помощникам. Это была исполненная драматизма картина. Ослепительно светило солнце, британские морские пехотинцы в красных мундирах стояли ровной шеренгой, приставив ружья к ноге. Британские матросы с тлеющими фитилями замерли у каронад, ибо приказа еще никто не отменял. Джерард подошел и встал рядом с Хорнблауэром.

– Кто тут штурман? – спросил Креспо.

– Я штурман, – пролепетал один из испанцев.

– А это ваши помощники? – мрачным голосом произнес Креспо и получил утвердительный кивок.

С лица Креспо исчез всякий налет добродушия. Казалось, оно излучает гнев.

– Ты, – сказал он, указывая на самого младшего. – Сейчас ты поднимешь руку и провозгласишь свою веру в нашего повелителя Эль-Супremo. Подними руку.

Мальчик повиновался, как зачарованный.

– Повторяй за мной. Я клянусь...

Мальчишеское лицо побелело. Он пытался оглянуться на старших, но взор его был прикован к свирепым очам Креспо.

– Я клянусь, – повторил Креспо еще более угрожающе.

Мальчик открыл рот и без единого звука его закрыл. Потом он судорожно сбросил с себя гипнотическое оцепенение. Его рука вздрогнула и опустилась, он отвернулся от указующего перста Креспо. В тот же миг левая рука Креспо метнулась; движение было столь молниеносно, что все не сразу заметили в ней пистолет. Прогремел выстрел, и мальчик, с пулей в животе, в судорогах повалился на палубу. Не обращая внимания на его извивающееся тело, Креспо повернулся к следующему.

– Теперь клянись ты, – сказал он.

Тот поклялся сразу же, дрожащим голосом повторяя за Креспо слова. Пяток фраз был примерно на одну тему: в них провозглашалось всемогущество Эль-Супremo, утверждалась вера говорившего и в одной кощунственной фразе отвергалось существование Бога и девственность Божьей Матери. Остальные последовали его примеру. Один за другим повторили они слова клятвы, не обращая внимания на умирающего у их ног мальчика. Креспо снизошел до того, чтобы того заметили, только когда церемония закончилась.

– Выбросите его за борт, – сказал он коротко.

Офицеры лишь мгновение медлили под его взглядом, потом один поднял мальчика за плечи, другой за ноги, и перебросили еще живое тело через борт.

Креспо подождал всплеска, затем подошел к облупившимся, некогда позолоченным шканцевым поручням. Толпа на шкафуте тупо слушала его зычный голос. Хорнблауэр, всматриваясь в матросов, понял, что проповеднические усилия Креспо едва ли встретят сопротивление. В команде не было ни единого европейца. Вероятно, за долгую службу «Нативидада» в Тихом океане первоначальная команда полностью вымерла. Только офицеров присылали из Испании; матросов набирали из туземцев. Меж ними были и китайцы, и негры, и люди с незнакомой Хорнблауэру наружностью – филиппинцы.

Своей пятиминутной речью Креспо покори́л их всех. Он не разъяснял им божественность Эль-Супремо, только упомянул его имя. Эль-Супремо, сказал он, возглавляет движение, поставившее своей целью свергнуть испанское владычество в Америке. Через год весь Новый Свет от Мехико до Перу будет у его ног. Придет конец притеснениям, жестокостям, рабству на рудниках и в полях. Всем дадут землю, свободу и счастье под милосердным правлением Эль-Супремо. Кто пойдет за ним?

Похоже было, что все. В конце речи слушатели разразились приветственными криками. Креспо подошел к Хорнблауэру.

– Спасибо, капитан, – сказал он. – Я думаю, теперь присутствие вашей призовой команды излишне. Я и мои офицеры разберемся с попытками неподчинения, ежели таковые возникнут.

– Думаю, так, – проговорил Хорнблауэр немного горько.

– Кое-кто из них может не так легко принять просвещение, когда до этого дойдет, – заметил Креспо с ухмылкой.

Возвращаясь на «Лидию», Хорнблауэр с горечью вспоминал об убийстве штурманского помощника. Это преступление он обязан был предотвратить – он поднялся на борт «Нативидада» в значительной степени для того, чтобы не допустить зверств, и это ему не удалось. И все же он сознавал, что такого рода жестокость не скажется дурно на его матросах, как было бы в случае хладнокровной расправы над офицерами. Команду «Нативидада» против воли принудили служить новому хозяину – но то же самое сделали вербовщики с тремя четвертями команды «Лидии». Порка или смерть ожидали англичанина, если тот откажется подчиниться офицеру, узурпировавшему над ним власть, – английские моряки вряд ли будут негодовать на даго в сходной ситуации, хотя со свойственным английскому простонародью отсутствием логики возмутились бы, если бы Креспо с соблюдением всех формальностей повесил офицеров.

Мысли Хорнблауэра неожиданно прервал пушечный выстрел с «Нативидада», тут же подхваченный «Лидией». Он едва не подпрыгнул на кормовой банке баркаса, но глянул через плечо и успокоился. Новый флаг развевался теперь на флагштоке «Нативидада», синий с желтой звездой посередине. Грохот пушек раскатился по всему заливу; когда Хорнблауэр поднялся на борт «Лидии», салют еще не смолк. Мистер Марш, артиллерист, расхаживал по палубе полубака, бормоча себе под нос, – Хорнблауэр распознал профессиональную присказку.

– Не будь я круглым дураком, ноги б моей не было здесь. Пли, семь. Я оставил жену, я оставил детей, увижу ли их, бог весть. Пли, восемь.

Через полчаса Хорнблауэр на берегу встречал Эль-Супремо. Тот прискакал пунктуально, минута в минуту. За ним тянулась оборванная свита. Эль-Супремо не потрудился представить капитану своих приближенных, только поклонился и сразу шагнул в баркас. Те, по очереди подходя к Хорнблауэру, сами называли свои ничего не говорящие ему имена. Все они были чистокровные индейцы, все – генералы, исключая двух полковников, и все явно преклонялись перед своим повелителем. Их манера держаться, всякий их шаг выдавали не просто страх – во всем сквозило восхищение, можно даже сказать – обожание.

На переходном мостике фалрепные, боцманматы и пехотинцы приготовились встречать Эль-Супремо пышными воинскими почестями, но тот, поднимаясь по трапу, вновь изумил Хорнблауэра, когда мимоходом бросил:

– Меня полагается приветствовать двадцатью тремя выстрелами, капитан.

Это – на два выстрела больше, чем причиталось бы его величеству королю Георгу, случись тому подняться на борт «Лидии». Хорнблауэр минуту смотрел прямо перед собой, судорожно придумывая, как бы отказать, и наконец успокоил свою совесть, сочтя, что такое количество выстрелов будет лишено всякого смысла. Он поспешно отправил посыльного к мистеру Маршу с приказом сделать двадцать три выстрела – странно, как юнга в точности воспроизвел реакцию Хорнблауэра: сперва уставился на него, потом взял себя в руки и поспешил прочь, успокоенный мыслью, что отвечает не он, а капитан. Хорнблауэр с трудом подавил улыбку, представив изумление Марша и раздражение в его голосе, когда он дойдет до: «Не будь я круглым дураком, ноги б моей не было здесь. Пли, двадцать три».

Эль-Супremo вступил на шканцы и рассматривал их с пристальным любопытством, но стоило ему заметить на себе взгляд капитана, как интерес исчез с его лица, уступив место прежнему отвлеченному безразличию. Он, казалось, слушал, но смотрел поверх голов Буша, Джерарда и прочих, пока капитан их представлял. Когда Хорнблауэр спросил, не желает ли Эль-Супremo осмотреть корабль, тот лишь мотнул головой. Наступило неловкое молчание, которое прервал Буш, обратившись к своему капитану:

– «Нативидад» поднял еще один флаг на ноке рея, сэр. Нет, это не флаг, это...

Это было человеческое тело. Черное на фоне голубого неба, оно медленно поднималось, дергаясь и крутясь в воздухе. Через мгновение второе тело подтянули к другому ноку рея. Все глаза неосознанно устремились на Эль-Супremo. Он по-прежнему смотрел вдаль, ни на чем не фокусируя взгляда, но все знали, что он видел. Английские офицеры в поисках указаний поспешно глянули на капитана и, подчиняясь его примеру, неловко притворились, будто ничего не заметили. Дисциплинарные меры на корабле иной нации – не их ума дело.

– Обед будет вскоре подан, Супremo, – сказал Хорнблауэр, сглотнув. – Соболаговолите пройти вниз?

Все так же молча Эль-Супremo спустился по трапу. Внизу его малый рост стал еще заметнее – ему не приходилось нагибаться. Голова слегка касалась палубных бимсов, но их близость не заставляла его пригнуться. Хорнблауэр поймал себя на глупом чувстве – он подумал, что Эль-Супremo и не пришлось бы нагибаться, что палубные бимсы скорее поднялись бы, чем святотатственно ударили его по голове, – так действовало молчаливое достоинство Эль-Супremo.

Полвил и помогавшие ему вестовые, в лучших одеждах, придерживали занавески, по-прежнему заменявшие убранные переборки. У входа в каюту Эль-Супremo на мгновение остановился и впервые со своего появления на борту разжал губы.

– Я буду обедать здесь один, – сказал он. – Пусть мне принесут еду.

Никто из свиты не усмотрел в этих словах ничего странного – Хорнблауэр, наблюдавший за их лицами, был совершенно уверен, что их спокойствие отнюдь не напускное. Они удивились не больше, чем если бы Эль-Супremo просто чихнул.

Конечно, возникло множество затруднений. Хорнблауэру и остальным гостям пришлось обедать за наскоро организованным в кают-компании столом. Его единственная льняная скатерть и единственный набор льняных салфеток, равно как и две бутылки старой мадеры, остались у Эль-Супremo в кормовой каюте. Не скрашивала трапезу и царившая за столом напряженная тишина. Приближенные Эль-Супremo отнюдь не отличались разговорчивостью, Хорнблауэр же единственный из всех англичан мог объясняться по-испански. Буш дважды предпринимал героические попытки вежливо заговорить с соседом, добавляя к английским словам «о» в надежде превратить их в испанские, но, натолкнувшись на непонимающий взгляд, сбился на невнятное бормотание и сник.

Обед еще не кончился, никто еще не зажег коричневые сигары, доставленные на борт вместе с остальными припасами, когда с берега прибыл посыльный, и оторопелый вахтенный

офицер, не поняв его тарабарщины, провел его в кают-компанию. Войско готово к погрузке. С облегчением Хорнблауэр отложил салфетку и вышел на палубу, остальные за ним.

Те, кого партиями доставляли с берега корабельные шлюпки, были типичные центральноамериканские солдаты, босые и оборванные, с темной кожей и матовыми волосами. Каждый имел при себе блестящее новенькое ружье и толстый подсумок, но все это им прежде передали с «Лидии». Почти все держали в руках полотняные мешочки, видимо с харчами, – некоторые к тому же несли дыни и банановые гроздья. Команда согнала их на главную палубу; солдаты с любопытством озирались и громко переговаривались, но послушно устроились на корточках между пушек, куда их подтолкнули ухмыляющиеся матросы, собрались в кучки и принялись оживленно болтать. Многие жадно накинулись на еду – Хорнблауэр подозревал, что они едва не умирают от голода и поглощают рацион, рассчитанный на несколько дней.

Когда последний солдат поднялся на борт, Хорнблауэр взглянул в сторону «Нативидада», – видимо, там уже всех погрузили. Вдруг шум на главной палубе стих, и воцарилось гробовое молчание. В следующий момент на шканцы вышел Эль-Супremo – его-то появление в дверях кормовой каюты и стало причиной тишины.

– Мы отбываем к Либертаду, капитан, – сказал он.

– Да, Супremo, – ответил Хорнблауэр. Он был рад, что Эль-Супremo вышел именно сейчас – еще немного, и корабельные офицеры увидели бы, что их капитан ждет распоряжений. Это было бы совершенно недопустимо.

– Мы поднимем якорь, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр.

VIII

Поездка на берег завершилась. Либертад пал, Эль-Супremo и его люди исчезли среди вулканов, обрамляющих город Спасителя. Вновь ранним утром капитан Хорнблауэр расхаживал по шканцам тридцатишестипушечного фрегата его британского величества «Лидия», и лейтенант Буш, стоя на вахте подле штурвала, стойко его не замечал.

Хорнблауэр смотрел по сторонам и полной грудью вбирал воздух. Он улыбнулся про себя, поняв, что впитывает сладкий воздух свободы. На время он вырвался из-под кошмарного влияния Эль-Супremo и его смертоубийственных методов. Он чувствовал невыразимое облегчение. Он снова сам себе хозяин и волен без помех расхаживать по шканцам. Небо было голубое, море – серебристо-синее. Хорнблауэр поймал себя на старом сравнении моря с геральдическим лазурно-серебряным щитом и понял, что вновь стал самим собой. Он еще раз улыбнулся, просто от полноты сердца, не забыв, впрочем, повернуться в сторону моря, – не след подчиненным видеть, что их капитан, гуляя по шканцам, скалится Чеширским котом.

Легчайший ветерок с траверза подгонял «Лидию» со скоростью три или четыре узла. Из-за горизонта с левого борта торчали верхушки нескончаемых вулканов, слагающих костяк этой отсталой страны. Быть может, Эль-Супremo все же осуществит свою мечту и завоюет Центральную Америку; быть может, надежда открыть сообщение через перешеек не такая и пустая. Если никарагуанский вариант окажется неосуществимым, то, возможно, удастся достичь цели возле Панама. Мир в корне переменится. Морской путь свяжет землю Ван Димена⁹ и Молуккские острова с цивилизованным миром. Англичанам по пути в Тихий океан не придется огибать мыс Горн или мыс Доброй Надежды. Великий океан, куда лишь изредка проникал фрегат, увидит эскадры линейных кораблей. Испанская империя в Мексике и Калифорнии приобретет новое значение.

Хорнблауэр поспешно сказал себе, что все это пока лишь мечты. Чтобы наказать себя за пустые бредни, он решил по косточкам разобрать свои недавние действия и строго взвесить мотивы, побудившие его двинуться к Панаме. Он отлично знал, что главным из них было желание освободиться от Эль-Супremo, но пытался хоть как-то оправдаться в своих глазах.

Если атака Эль-Супremo на Сан-Сальвадор не увенчается успехом, остатки его армии поместятся и на «Нативидаде». Присутствие «Лидии» никак не повлияет на ход событий. Если же Эль-Супremo победит, полезно, пока он будет завоевывать Никарагуа, нанести удар по Панаме и не дать испанцам собрать все силы в один кулак. К тому же будет только справедливо, если команда «Лидии» обогатится на жемчужных промыслах Панама. Это возместит весьма вероятную утрату уже заслуженных призовых денег – платы за «Нативидад» из Адмиралтейства уже не вытянешь. Покуда «Лидия» в заливе, испанцы не смогут перевезти войска из Перу. Кроме того, Адмиралтейство будет довольно, если он исследует Панамский залив и Жемчужные острова – карты Ансона их не захватывали. И, как ни убедительны были все эти доводы, Хорнблауэр знал, что на самом деле бежал от Эль-Супremo.

Большой плоский скат, размером со стол, вдруг выпрыгнул из воды совсем рядом с бортом и звонко шлепнулся плашмя, снова выпрыгнул и исчез на глубине, на мгновение блеснув под водой влажной розовато-коричневой спиной. Летучие рыбы мелькали повсюду, и каждая оставляла на поверхности мгновенную темную борозду. Хорнблауэр беспечно наблюдал за ними, радуясь, что может развеяться и не думать беспрестанно об одном и том же. Корабль наполнен припасами, команда довольна недавними приключениями – ему совершенно не о чем беспокоиться. Пленные испанцы, которых он спас от Эль-Супremo, лениво грелись на полубаке.

⁹ Земля Ван Димена – первоначальное европейское название Тасмании.

– Вижу парус! – разнеслось с мачты.

Все незанятые столпились у фальшборта, глядя вдаль поверх коечных сеток. Дравившие палубу матросы исподтишка замедлили темп, чтобы не пропустить новости.

– Где? – крикнул Хорнблауэр.

– Слева по курсу, сэр. Люгер, сэр. Думаю, он направляется к нам, но он прямо против солнца...

– Да, люгер, сэр, – тонким голосом завопил мичман Хукер с фор-брам-стенги-салинга. – Двухмачтовый. Прямо на ветре, идет на нас под всеми парусами, сэр.

– Идет на нас? – озадаченно переспросил Хорнблауэр. Он вскочил на платформу ближайшей шканцевой каронады, из-под руки глядя против солнца и ветра. С палубы еще ничего было не разглядеть.

– Идет прежним курсом, сэр, – пронзительно выкрикнул Хукер.

– Мистер Буш, – сказал Хорнблауэр, – обстените крьюсель.

Возможно, это жемчужный люгер из Панамского залива, не ведающий о присутствии в здешних водах британского фрегата; с другой стороны, возможно, он послан Эль-Супремо – маловероятно, судя по его курсу, но это можно как-нибудь объяснить. Когда корабль приподнялся на волне, Хорнблауэр различил сверкающий белый квадрат, который на секунду выглянул из-за далекого горизонта и тут же исчез. Минуты проходили, паруса показывались всё чаще и чаще. Наконец с палубы стал виден уже почти весь люгер. Он под взатыми на гитовы за середину парусами мчался на фордевинд, указуя бушпритом прямо на «Лидию».

– Он несет испанский флаг, – сказал Буш, не опуская подзорную трубу.

Хорнблауэр заподозрил это уже некоторое время назад, но не поверил своим глазам.

– Все равно они его спускают, – отозвался он, радуясь, что первый это заметил.

– И впрямь, сэр, – удивился Буш и тут же добавил: – А вот опять поднимают, сэр. Нет! Что вы там видите, сэр?

– Белый флаг над испанским, – сказал Хорнблауэр. – Это означает переговоры. Нет, я им не доверяю. Поднимите флаг, мистер Буш, и пошлите матросов на боевые посты. Выдвиньте пушки. Пленных пусть отведут вниз и охраняют.

Он не собирался попадаться на какую-нибудь испанскую хитрость. Возможно, люгер полон вооруженными людьми и те потоком хлынут на ничего не ожидающий корабль. Когда орудийные порты «Лидии» открылись и она показала зубы, люгер лег в дрейф на расстоянии чуть больше пушечного выстрела.

– Они спускают шлюпку, сэр, – сказал Буш.

– Вижу, – отрывисто бросил Хорнблауэр.

Ялик с двумя гребцами плясал на волне. По трапу на переходный мостик взобрался человек – какие только странные личности не поднимались по этому трапу в последнее время. Новоприбывший был в парадном мундире испанского флота, эполеты его сверкали на солнце. Он отвесил поклон и приблизился.

– Капитан Хорнблауэр? – спросил он.

– Я капитан Хорнблауэр.

– Рад приветствовать в вашем лице нового союзника Испании.

Хорнблауэр с усилием сглотнул. Это могла быть военная хитрость, но с первого же слова он интуитивно почувствовал: испанец говорит правду. Мир, который только что казался радостным, померк. Хорнблауэр разозлился: безответственные политики ввергли его в целую пучину затруднений.

– Мы получили новости четыре дня назад, – продолжал испанец. – В прошлом месяце Бонапарт похитил у нас нашего короля Фердинанда и объявил своего брата Жозефа королем испанским. Правительственная хунта подписала с его британским величеством договор о веч-

ном союзе и дружбе. Для меня большая радость сообщить вам, что все порты его католического величества открыты для вас после вашего многотрудного путешествия.

Хорнблауэр стоял как громом пораженный. Все это может быть ложью, военной хитростью, призванной заманить «Лидию» под пушки испанских береговых батарей. Лучше бы это была ложь. Лучше, чем те бесчисленные сложности, которые ожидают его в противном случае. Испанец усмотрел в его молчании недоверие.

– Вот письма, – сказал он, вынимая их из кармана. – Одно от вашего адмирала с Подветренных островов, присланное сюда через Портобело, другое от его превосходительства вице-короля Перу и еще одно от английской леди из Панамы.

Он с поклоном вручил письма, и Хорнблауэр, пробормотав извинения – беглый испанский изменил ему вместе с сообразительностью, – начал их вскрывать. И тут же себя одернул – на палубе, под взглядами испанского офицера, не место изучать эти документы. Вновь пробормотав извинения, он укрылся в своей каюте.

Плотный парусиновый пакет флотских приказов производил впечатление подлинного. Хорнблауэр внимательно изучил обе печати; не похоже, чтобы их вскрывали. Пакет был честь по чести подписан на английском. Хорнблауэр аккуратно разрезал пакет и прочитал приказы. Они не оставляли сомнений. Подпись была – Томас Трубридж, контр-адмирал, баронет. Хорнблауэр раньше видел подпись Трубриджа и теперь узнал ее. Как и следовало ждать от Трубриджа, приказы были кратки. Между правительствами Испании и его величества заключен союз, капитану Хорнблауэру указывается и предписывается воздержаться от враждебных действий против испанских владений и, получив от испанских властей необходимые припасы, проследовать со всей поспешностью в Англию для получения дальнейших указаний. Документ был несомненно подлинный. Он был помечен «копия № 2», – вероятно, другие копии разосланы в другие части испанских владений, чтобы он наверняка получил хоть одну.

Следующий пакет был снабжен вычурными печатями и подписан изящным почерком с завитушками. Это было приветственное письмо вице-короля Перу. Тот заверял, что вся Испанская Америка в распоряжении Хорнблауэра, и выражал надежду, что он воспользуется всеми предоставленными возможностями для наискорейшего возвращения на родину, где сможет содействовать испанскому народу в святой миссии: загнать французского узурпатора обратно в его конуру.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр. Испанский вице-король еще не знает о судьбе «Нативидада» и новом предприятии Эль-Супремо. Вряд ли он будет столь же сердечен, узнав, какую роль сыграла «Лидия» в этих событиях.

Третье письмо было запечатано простой облаткой и подписано женской рукой. Испанский офицер говорил про письмо от английской леди из Панамы – каким ветром занесло туда английскую леди?

Хорнблауэр развернул письмо и прочел.

*Панама Цитадель
Леди Барбара Уэлсли приветствует капитана английского фрегата и
просит его любезного дозволения проследовать вместе с горничной на его
корабле в Европу, ибо вспыхнувшая на испанском материке желтая лихорадка
не позволяет ей вернуться на родину более коротким путем.*

Хорнблауэр сложил письмо и в раздумье постучал по нему пальцем. Конечно, эта женщина просит невозможного. Переполненный фрегат, огибающий мыс Горн, не место для особ слабого пола. Она, по-видимому, так не считает, напротив, явно рассчитывает на безусловное выполнение своей просьбы. Имя Уэлсли, конечно, вполне это объясняет. Леди, вероятно, сестра или тетка двух знаменитых Уэлсли – досточтимого маркиза Уэлсли, кавалера ордена Святого Патрика, бывшего генерал-губернатора Индии, а ныне члена кабинета министров, и

генерала, досточтимого сэра Артура Уэлсли, кавалера ордена Бани, победителя при Ассайе¹⁰, на которого указывали как на величайшего полководца Англии после сэра Джона Мура¹¹. Хорнблауэр видел его однажды и запомнил надменный орлиный нос и властные глаза. Если женщина той же крови, она будет ждать послушания как чего-то само собой разумеющегося. И не зря. Капитан фрегата, не имеющий ни связей, ни гроша за душой, счастлив будет оказать услугу члену влиятельного семейства. Мария будет радоваться, хотя и ревновать немного, узнав, что он общался с дочерью графа, сестрой маркиза.

Но сейчас не время думать о женщинах. Хорнблауэр запер письма в стол и выбежал на палубу. С вымученной улыбкой он подошел к испанскому капитану.

– Приветствую нового союзника. Сеньор, я горд вместе с Испанией сражаться против корсиканского тирана.

Испанец поклонился.

– Мы очень боялись, капитан, – сказал он, – что вы встретите «Нативидад» раньше, чем узнаете новость, поскольку на нем ее тоже не получили. В таком случае ваш прекрасный фрегат мог бы понести большой ущерб.

– Кхе-хм, – произнес Хорнблауэр. Да, угодил он в переплет. Обернувшись, он приказал вахтенному мичману. – Приведите пленных из канатной кладовой, живее!

Мальчик убежал, Хорнблауэр вновь повернулся к гостю.

– С сожалением должен сообщить вам, сеньор, что по несчастливой случайности «Лидия» встретила с «Нативидадом» неделю тому назад.

Испанец не скрыл изумления. Он оглядел корабль, педантичный порядок во всем, исправный такелаж. Даже испанский капитан мог видеть, что в последнее время кораблю не доводилось сражаться.

– Но ведь боя не было, капитан? – начал он. – Возможно...

Слова замерли у него на губах – он увидел, что по шкафуту к ним движется скорбная процессия. Он узнал капитана и лейтенантов с «Нативидада». Хорнблауэр лихорадочно начал объяснять их присутствие, но не так легко было втолковать испанскому офицеру, что «Лидия» захватила вдвое превосходящий ее корабль, не потеряв при этом ни единого человека, не получив ни единой пробоины. Еще труднее было объяснить, что «Нативидад» теперь в руках повстанцев, намеренных покончить с испанским владычеством в Новом Свете. Испанец побледнел от гнева и уязвленной гордости. Он повернулся к капитану «Нативидада» и получил из уст несчастного подтверждение всему сказанному. Тот горестно ссутулился, повествуя о событиях, означавших для него неминуемые трибунал и крах.

Постепенно гость с люгера узнал обо всех последних событиях – о захвате «Нативидада» и успехах Эль-Супремо. Он понял, что испанское владычество в Америке висит на волоске. Тут же ему представился новый и тревожный аспект сложившегося положения.

– Манильский галеон в море! – воскликнул он. – Его ждут в Акапулько через месяц! «Нативидад» его перехватит!

Раз в год от Филиппин отходил корабль, везущий не менее чем на миллион стерлингов сокровищ. Его утрата окончательно подкосила бы и без того нищее испанское правительство. Три капитана обменялись взглядами – Хорнблауэр понял, почему Эль-Супремо так легко отпустил «Лидию» на юго-запад: он без сомнения намеревается отправить «Нативидад» на северо-запад добывать ему богатство. Испанцам потребуются месяцы, чтобы провести вокруг мыса Горн корабль, способный померяться силами с «Нативидадом»; тем временем Эль-Супремо будет пользоваться всеми преимуществами владычества на море, которые Хорнблауэр пред-

¹⁰ *Битва при Ассайе* (Асан) (23 сентября 1803 г.) – решающее сражение второй англо-маратхской войны, в котором армия Британской ост-индской компании под командованием генерал-майора Артура Уэлсли разбила армию Маратхской империи.

¹¹ *Джон Мур* (1761–1809) – командующий британскими войсками во время Пиренейских войн, погиб при штурме французскими Ла-Коруньи.

вкушал для «Лидии». Мятеж укоренится прочно, и его уже не удастся выкорчевать, особенно если (а это представлялось весьма вероятным) испанцы в Испании окажутся надолго втянуты в смертельную борьбу с Бонапартом и не смогут уделить Америке ни судов, ни людей. Хорнблауэр ясно видел свой долг.

– Очень хорошо, – коротко объявил он. – Я вернусь и дам бой «Нативидаду».

Испанские офицеры взглянули облегченно.

– Спасибо, капитан, – сказал офицер с люгера. – Вы зайдете в Панаму, чтобы прежде посоветоваться с вице-королем?

– Да, – коротко отвечал Хорнблауэр.

В мире, где новости путешествуют месяцами, а коренные изменения в международных отношениях не только возможны, но и вероятны, лучше поддерживать тесные связи с сушей, как убеждал собственный горький опыт. Сознание, что все неприятности произошли от строгого следования приказам, ничуть не уменьшало его страданий, и он знал, что точно так же это обстоятельство не повлияет на мнение лордов Адмиралтейства о капитане, заварившем такую ужасную кашу.

– Тогда, – сказал капитан люгера, – позвольте пока откланяться. Если я первым доберусь до Панамы, то смогу подготовить вашу встречу. Быть может, вы позволите моим соотечественникам меня сопровождать.

– Нет, – отрезал Хорнблауэр, – и вы, сударь, извольте держаться с подветренной стороны от меня, пока мы не бросим якорь.

Испанец пожал плечами и покорился. В море не особо поспоришь с капитаном, чьи пушки выдвинуты и одним бортовым залпом способны разнести твое суденышко в щепки, тем более если все англичане безумны и властолюбивы, как Эль-Супремо. У испанца не достало проницательности понять, что Хорнблауэр все еще втайне опасался: вдруг это лишь уловка, призванная заманить беззащитную «Лидию» под пушки Панамы.

IX

Это была не уловка. Утром, когда «Лидия» с попутным трехузловым бризом вошла на Панамский рейд, пушки палили только приветственно. Полные шлюпки ликующих жителей вышли встречать англичан, но ликование вскоре сменилось горем при вести, что «Нативидад» в руках Эль-Супремо, Сан-Сальвадор пал, и вся Никарагуа охвачена мятежом. В треуголке и при шпаге с золотой рукоятью («шпага ценой в пятьдесят гиней», дар Патриотического фонда капитану Хорнблауэру за участие в захвате «Кастилии» шесть лет назад) Хорнблауэр готовился ехать на берег с визитом к губернатору и вице-королю, когда ему объявили о прибытии еще одной лодки.

– Там на борту дама, сэр, – сказал Грей, один из подштурманов, – он и принес сообщение. – Похожа на английскую леди, сэр. Она хочет подняться на борт.

Хорнблауэр вышел на палубу. У борта покачивалась большая гребная лодка. На шести веслах сидели смуглые латиноамериканцы с голыми руками и в соломенных шляпах. Еще один – на носу – держал в руках багор и, задрав кверху лицо, ожидал разрешения зацепиться. На корме сидела негритянка в наброшенном на плечи ярко-алом платке, а рядом с ней – английская леди, о которой говорил Грей. Пока Хорнблауэр смотрел, баковый зацепился, и лодка подошла вплотную. Кто-то поймал штормтрап. В следующее мгновение леди, точно рассчитав время, перескочила на него и через две секунды была на палубе.

Несомненно, она была англичанка. Вместо мантильи – широкополая шляпа с розами, голубовато-серое шелковое платье куда изящнее черных испанских. Кожа светлая, несмотря на золотистый загар, глаза – голубовато-серые, того же неуловимого оттенка, что и шелк ее платья.

Длинное породистое лицо – такие называют иногда «лошадиными» – портил густой загар, нос с горбинкой был несколько великоват. Хорнблауэр увидел в ней одну из тех решительных мужиковатых дам, которых особенно не жаловал, – он всегда считал, что предпочитает трогательную беспомощность. Женщина, которая может перебраться с лодки на корабль на открытом рейде и без посторонней помощи влезть по веревочной лестнице, слишком мужественна, на его вкус. Мало того, англичанка должна вовсе позабыть про свой пол, чтобы оказаться в Панаме без сопровождения мужчин. Термин «кругосветная дама» со всей его уничижительной подоплекой не был еще изобретен, но в точности соответствовал тому, что почувствовал тогда Хорнблауэр.

Пока посетительница оглядывалась, Хорнблауэр держался в сторонке. Не хватало только броситься ей на помощь. Дикий визг из-за борта возвестил, что негритянке трап дался не так легко. Так и есть: на палубу она вылезла по пояс мокрая, с черного платья ручьями текла вода. Леди не обращала внимания на злключения своей горничной. Грей стоял ближе всего, и она обратилась к нему.

– Будьте любезны, сэр, – сказала она, – поднять из лодки мой багаж.

Грей колебался. Он через плечо посмотрел на Хорнблауэра, который стоял на шканцах, напряженный и непреклонный.

– Капитан там, мэм, – сказал Грей.

– Да, – ответила леди. – Пожалуйста, поднимите мой багаж, пока я буду с ним разговаривать.

В душе Хорнблауэра шла борьба. Он не любил аристократов – ему и сейчас больно было вспоминать, как он, сын доктора, вынужден был снимать шляпу перед сквайром. Ему было тягостно и неловко от надменной самоуверенности родовой богачки. Его раздражала мысль, что, обидев эту женщину, он может загубить свою карьеру. Ни золотой позумент, ни наградная шпага не придавали ему уверенности. Он попытался найти защиту в холодной вежливости.

– Вы капитан этого корабля, сэр? – спросила дама, приблизившись. Без тени смущения она прямо и открыто посмотрела ему в глаза.

– Капитан Хорнблауэр к вашим услугам, мэм, – ответил он с резким кивком, который при желании можно было счесть за поклон.

– Леди Барбара Уэлсли, – был ответ, сопровождаемый более чем сдержанным реверансом. – Я послала вам записку, прося вас доставить меня в Англию. Надеюсь, вы ее получили.

– Получил, мэм, но думаю, что со стороны вашей милости было бы безрассудно избрать для путешествия это судно.

Два «судна», неудачливо столкнувшиеся в одной фразе, отнюдь не прибавили Хорнблауэру уверенности.

– Позвольте спросить почему, сэр.

– Потому, мэм, что мы вскорости отправляемся искать неприятеля с целью дать ему бой. А затем, мэм, нам придется возвращаться в Англию в обход мыса Горн. Вашей милости разумно было бы проехать через перешеек. Из Портобело вы легко доберетесь до Ямайки и наймете каюту на вест-индском пакетботе, более приспособленном для перевозки пассажиров.

Брови леди Барбары приподнялись:

– В письме я сообщила вам, что в Портобело желтая лихорадка. За прошлую неделю там умерло тысяча человек. Когда началась эпидемия, я переехала из Портобело в Панаму. Здесь она может вспыхнуть со дня на день.

– Могу я спросить вашу милость, как вы оказались в Портобело?

– Дело в том, что приспособленный для перевозки пассажиров вест-индский пакетбот, на котором я находилась, был захвачен испанским капером и приведен туда. Сожалею, сэр, что не могу сообщить вам фамилию кухарки моей бабушки, но с радостью отвечу на любые другие вопросы, которые может задать благовоспитанный джентльмен.

Хорнблауэр моргнул и, к своему раздражению, почувствовал, что краснеет. Его неприязнь к надменной аристократии выросла, чтобы не сказать больше. Впрочем, нельзя было отрицать, что представленные объяснения вполне удовлетворительны, – в Вест-Индию любая женщина может съездить, не забывая про свой пол, а из Портобело в Панаму она явно перебралась не по своей воле. Теперь он был более склонен удовлетворить ее просьбу – собственно, уже намеревался это сделать, странным образом позабыв про надвигающийся поединок с «Нативидадом» и путешествие вокруг мыса Горн. Он вспомнил о них, уже открыв рот, в результате сказал не то, что намеревался, и потому запнулся.

– Н-но мы выходим в море сражаться, – сказал он. – «Нативидад» вдвое мощнее нас. Это будет оп-пасно.

Леди Барбара рассмеялась – Хорнблауэр отметил приятный контраст между золотистым загаром и белыми зубами. У него самого зубы были плохие.

– Лучше быть на борту вашего судна в бою, – сказала она, – чем в Панаме с *vomito negro*¹².

– Но мыс Горн, мэм?

– Я не знакома с вашим мысом Горн, но в бытность моего брата генерал-губернатором Индии дважды огибала мыс Доброй Надежды и заверяю вас, капитан, даже не знаю, что такое морская болезнь.

Хорнблауэр все запинаясь. Ему не хотелось пускать на борт женщину. Леди Барбара угадала его мысли – и ее изогнутые брови сошлись вместе, странным образом напомнив ему об Эль-Супремо, хотя глаза ее, смотревшие на него, по-прежнему улыбались.

– Еще немного, капитан, – сказала она, – и я подумаю, что вы не рады видеть меня на борту. Мне трудно поверить, что джентльмен, находящийся на королевской службе, может быть невежлив с дамой, тем более с дамой, носящей такое имя.

¹² *Черная рвота* (исп.) – испанское название желтой лихорадки.

В этом вся загвоздка. Не может безвестный капитан безнаказанно оскорбить Уэлсли. Хорнблауэр знал, что в таком случае он уже никогда не получит корабля и они с Марией до скончания жизни будут бедствовать на половинном жалованье. В тридцать семь лет он едва поднялся на восьмую часть капитанского списка. Расположение Уэлсли может сохранить его на действительной службе до достижения адмиральского чина. Оставалось только проглотить обиду и всячески добиваться этого расположения, дипломатично извлекая преимущества из своих затруднений. Он постарался нащупать нужный тон.

– Моим долгом, мэм, было указать вам на опасности, которым вы можете подвергнуться. Мне же ничто не доставит большего удовольствия, чем ваше присутствие на борту.

Леди Барбара присела куда ниже, чем в первый раз. Тут подошел Грей и козырнул.

– Ваш багаж на борту, мэм.

Весь скарб втащили горденем, пропущенным через блок на ноке грота-рея, и составили на шкафуте – кожаные чемоданы, окованные железом ящики, сводчатые сундуки.

– Спасибо, сэр. – Леди Барбара вынула из кармана плоский кожаный кошелек и достала золотую монету. – Не будете ли вы так любезны отдать это лодочникам?

– Сохрани вас Бог, мэм, незачем давать этим голодранцам золото. Хватит с них и серебра.

– Дайте им это, и спасибо за вашу доброту.

Грей поспешил прочь, и Хорнблауэр услышал, как он по-английски торгуется с лодочниками, не знающими другого языка, кроме испанского. Угроза сбросить в лодку ядро заставила их наконец отвалить, – впрочем, возмущенные выкрики доносились еще долго. В душе Хорнблауэра волной поднялось раздражение. Его уорент-офицеры носятся у женщины на побегушках, у него самого дел по горло, а он вот уже полчаса стоит на солнцепеке.

– В вашей каюте не хватит места и для десятой части этого багажа, мэм, – буркнул он.

Леди Барбара печально кивнула:

– Я и прежде жила в каюте, сэр. В этом сундучке все, что мне понадобится в пути. Остальное можете поставить, где хотите, – до Англии.

Хорнблауэр от гнева едва не топнул ногой по палубе. Он не привык, чтобы женщины обнаруживали такую практическую сметку. Его бесило, что ее невозможно смутить. И тут она улыбнулась. Он догадался, что борьба чувств написана у него на лице, понял, что смешон, снова покраснел, повернулся на каблуках и без единого слова повел ее вниз.

Леди Барбара с чуть капризной улыбкой осмотрела капитанскую каюту, но ничего не сказала.

– На фрегате вы не увидите таких роскошеств, как на индийце, – с печалью сказал Хорнблауэр. Ему было горько, что бедность не позволила ему приобрести даже тех скромных удобств, которые доступны большинству его собратьев.

– Когда вы заговорили, я как раз подумала, – сказала леди Барбара мягко, – возмутительно, что королевские офицеры живут хуже, чем жирные торговцы. Но я должна попросить у вас еще одну вещь, которой не вижу.

– Какую же, мэм?

– Ключ для замка от двери каюты.

– Я прикажу оружейнику изготовить для вас ключ. Но у дверей днем и ночью будет стоять часовая.

Намек, который Хорнблауэр прочел в просьбе леди Барбары, вновь его разозлил. Она порочит его самого и его корабль.

– *Quis custodiet ipsos custodes?*¹³ – сказала леди Барбара. – Не из-за себя, капитан, я прошу ключ. Я должна запирасть Гебу, если не вижу ее перед глазами. Мужчины притягивают ее, как огонь – мотылька.

¹³ Кто будет стеречь сторожей? (лат.) Ювенал, сатира VI, 340.

Маленькая негритянка при этих словах расплылась в улыбке, демонстрируя не раскаяние, а изрядную долю гордости. Она покосилась на Полвила, в молчании стоящего рядом.

– Где же тогда она будет спать? – спросил Хорнблауэр, вновь приходя в замешательство.

– На полу в моей каюте. И попомни мои слова, Геба, если однажды ночью я тебя здесь не обнаружу, так излущую, что спать будешь на животе.

Геба все улыбалась, хотя явно знала, что ее хозяйка не грозит попусту. Что Хорнблауэра смягчило, так это легкая оговорка в речи леди Барбары – «пол» вместо палубы. Это доказывает, что, в конце концов, она все-таки слабая женщина.

– Очень хорошо, – сказал он. – Полвил, отнесите мои вещи в каюту мистера Буша. Передайте мистеру Бушу мои извинения и скажите, что ему придется разместиться в кают-компании. Проследите, чтобы у леди Барбары было все необходимое, и от моего имени попросите мистера Грея распорядиться погрузкой ее багажа в мою кладовую. Вы меня извините, леди Барбара, но я уже запаздываю с визитом к вице-королю.

Х

Боцманматы привычно дудели в дудки, морские пехотинцы взяли на караул. Капитан «Лидии» вернулся на борт. Ступал он осторожно: только что прибывшие из Европы хорошие новости усугубили навязчивое гостеприимство вице-короля, а известие о первых случаях желтой лихорадки в Панаме – его тревогу, так что Хорнблауэр волей-неволей выпил лишний бокал. Убежденный трезвенник, он злился, что ноги его не слушаются.

Как обычно, едва ступив на палубу, он пристально огляделся. Леди Барбара сидела на стульчике с парусиновым сиденьем – кто-то уже успел смастерить. Кто-то натянул на бизань-вантах миниатюрный тент, и она сидела в тени, Геба на палубе у ее ног. Она выглядела свежей и спокойной и при виде Хорнблауэра с готовностью улыбнулась – но он отвернулся от нее. Не мог он говорить с ней, пока в голове не прояснится.

– Все наверх, с якоря сниматься и ставить паруса, – сказал он Бушу. – Мы отбываем немедленно.

Он пошел вниз и с раздражением остановился, заметив, что по привычке направился не к той каюте. Новая его каюта, откуда выселили Буша, была еще теснее прежней. Полвил ждал, чтобы помочь переодеться, и при виде его Хорнблауэр вспомнил о новых трудностях. Когда леди Барбара поднялась на борт, он был в лучшем своем сюртуке с золотым позументом и в белых панталонах, но нельзя носить их постоянно, чтобы совсем не затрепать. В будущем он вынужден будет появляться в старых штопанных сюртуках и дешевых парусиновых штанах. Она посмеется над его бедностью и убожеством.

Снимая мокрую от пота одежду, Хорнблауэр проклинал незваную пассажирку. Тут он вспомнил еще одно неудобство. Придется ставить Полвила на страже, пока он будет мыться под помпой, чтобы леди Барбара не увидела его голым. Надо будет отдать команде соответствующие приказы, чтобы шепетильные женские взоры не оскорбил малоприкрытый вид, каким матросы привыкли щеголять в тропиках. Он причесался, досадуя на непокорные выющиеся волосы и особо отметив увеличившиеся залысины на лбу.

Потом он поспешил на палубу; к счастью, обязанности по судну не позволяли ему встретиться с леди Барбарой глазами и увидеть, как она восприняла его убогий наряд. И все равно, руководя подготовкой к отплытию, Хорнблауэр затылком чувствовал ее взгляд. Половина вахтенных у шпиль упирались всем телом в вымбовки, а босыми ногами – в главную палубу, Гаррисон выкрикивал понукания и угрозы, подбадривая неповоротливых ударами трости. На полубаке сумасшедший скрипач Салливан, два морских пехотинца с горнами и двое барабанщиков наяривали веселенький мотив – для Хорнблауэра все мотивы были одинаковы.

Канат медленно полз внутрь, юнги с сезнями провожали его до комингса люка и тут же бежали назад, чтобы вновь прихватить канат и кабаляринг. Однако размеренное клацанье шпиль все замедлялось и наконец совсем стихло.

– Навались, сукины дети! Навались! – орал Гаррисон. – Эй, на полубаке, давайте сюда. Ну, навались!

Сейчас на вымбовки налегало больше двадцати человек. Их совместные усилия заставили шпиль еще раз клацнуть.

– Навались! Разрази вас гром, навались! – Трость Гаррисона взметалась и падала на чьи-то спины. – Навались!

По кораблю пробежала судорога, шпиль закрутился, матросы у вымбоек попадали один на другого.

– Лопнул кабаляринг, сэр, – крикнул Джерард с полубака. – Я думаю, якорь нечист, сэр. – Тысяча чертей! – сказал Хорнблауэр про себя.

Он был уверен, что женщина на парусиновом стульчике смеется над его незадачей. На глазах у всей Центральной Америки якорь застрял в грунте. Но он не оставит испанцам якорь и якорный канат.

– Замените кабаляринг малым носовым канатом, – приказал он.

Это означало, что двум десяткам матросов придется изрядно попотеть: размотать малый якорный канат и вручную протащить его от канатного ящика к шпилью. До шканцев понеслись крики и проклятия боцманматов – уорент-офицеры не менее остро, чем их капитан, сознавали, в каком недостойном положении оказался корабль. Из боязни встретиться с леди Барбарой глазами Хорнблауэр не мог пройти по палубе. Он стоял на месте, с досадой вытирая платком потные шею и лоб.

– Кабаляринг готов, сэр! – крикнул Джерард.

– Поставьте к вымбовкам матросов, сколько поместится. Мистер Гаррисон, проследите, чтобы они не ленились!

– Есть, сэр!

«Ба-ра-ра-ра-рам. Бам! Ба-ра-ра-рам. Бам!» – бил барабан.

– Навались, сукины дети! – орал Гаррисон, молотя тростью по склоненным спинам.

Клац! – щелкнул шпиль. Клац-клац-клац. Палуба у Хорнблауэра под ногами немного накренилась.

Натяжение каната опускало нос корабля, а не поднимало якорь.

– Бога... – начал Хорнблауэр, и не договорил. Из пятидесяти ругательств, вертевшихся у него на языке, ни одно не подходило к случаю.

– Отставить на шпилье! – крикнул он.

Потные матросы расслабили ноющие спины.

Хорнблауэр потянул себя за подбородок, словно хотел его оторвать. Он должен на парусном ходу вытащить якорь из грунта – маневр деликатный, сопряженный с опасностью для мачт и парусов. Он вполне может кончиться позорным фиаско. До сего мгновения лишь немногие знатоки в Панаме догадались, какая незадача произошла с кораблем, но в ту минуту, когда поднимут паруса, с городских стен на него устремится множество труб, и, если маневр пройдет неудачно, все увидят и посмеются. В довершение «Лидии» придется задержаться на несколько часов, дабы устранить поломки. Но он не бросит якорь и канат.

Хорнблауэр посмотрел на указатель компаса, на воду за бортом. Хорошо хоть ветер поперек отлива. Он тихо отдал приказы, тщательно скрывая волнение и стойко держась к леди Барбаре спиной. Марсовые побежали наверх отдавать фор-марсель; им и контр-бизанью можно будет придать кораблю задний ход. Гаррисон стоял у шпилья, готовый сперва потравить, а как только «Лидия» двинется вперед – молниеносно выбрать канат. Буш поставил матросов к брасам, а все свободные от дел собрались у шпилья.

Канат загромыхал через клюз: корабль набирал задний ход. Хорнблауэр врос в палубу, чувствуя, что отдал бы неделю жизни за возможность пройти, не встретившись с леди Барбарой глазами. Сощурившись, он наблюдал за продвижением судна, мысленно прокручивая десяток факторов разом – натяжение каната, приложенное к носу корабля, давление ветра на контр-бизань и обстенок фор-марсель, направление отлива, растущую скорость заднего хода, длину каната, которую еще оставалось потравить. Пора.

– Руль круто направо! – рявкнул он рулевому у штурвала, потом матросам на баке: – Пошли брасы помалу!

Руль встал поперек «Лидии», и она немного развернулась. Повернулся фор-марсель. Молниеносно поставили кливера и фор-стаксели. Корабль дрогнул и начал уваливаться под ветер. Движение назад прекратилось. «Лидия» сперва неуверенно, а затем все веселее двинулась в бейдевинд, постепенно набирая скорость. Хорнблауэр отрывисто командовал поднять

все паруса. Заливисто шелкал шпиль – люди Гаррисона бежали вокруг него, вновь выбирая канат.

Пока корабль набирал скорость, Хорнблауэр напряженно соображал. Если он просчитается, натяжение каната развернет корабль прямо против ветра. Чувствуя, как быстро колотится сердце, он наблюдал за грот-марселем – не заполощет ли. Отдавая команды рулевому, он с трудом сдерживал дрожь в голосе. Канат быстро уходил внутрь – приближался следующий критический момент. Сейчас либо якорь выдернется из грунта, либо «Лидия» останется без мачт. Хорнблауэр внутренне приготовился, рассчитал время и крикнул, чтобы убрали все паруса.

Не зря Буш так долго и мучительно муштровал команду. Нижние прямые паруса, марсели и брамсели убрали в несколько секунд. Как только исчезла последняя полоска полотна, Хорнблауэр отдал новый приказ, и «Лидия» развернулась носом по ветру, к скрытому под водой якорю. По инерции она медленно скользила вперед. Хорнблауэр напрягал слух.

Клац-клац-клац-клац.

Гаррисон гонял и гонял своих людей вокруг шпиля.

Клац-клац-клац.

Корабль двигался заметно медленнее. Пока неясно – удался маневр или кончился позорным провалом. Клац-клац.

И вдруг дикий вопль Гаррисона:

– Якорь чист!

– Поставьте все паруса, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр.

Буш не пытался скрыть, что восхищен этим блестящим образчиком мореходного искусства. Хорнблауэру стоило больших усилий говорить размеренно и сурово, будто он вовсе не ликует и с самого начала не сомневался в успехе маневра.

Он задал компасный курс и, когда корабль развернулся, последний раз хозяйским глазом окинул палубу.

– Кхе-хм, – произнес он и нырнул вниз, где мог перевести дух не на виду у Буша и леди Барбары.

XI

Растянувшись на койке, Хорнблауэр курил одну из сигар генерала Эрнандеса, выпуская клубы густого серого дыма к верхней палубе, туда, где сидела леди Барбара. Он медленно приходил в себя после весьма утомительного дня, который начался с приближения к Панаме и тревожного ожидания засады, а закончился на данный момент утомительной возней с нечистым якорем. В промежутке прибыла леди Барбара и состоялась встреча с вице-королем Новой Гранады.

Вице-король был типичный испанский дворянин старой закваски – Хорнблауэр решил, что куда охотнее вел бы дела с Эль-Супремо. Эль-Супремо имеет неприятную привычку варварски казнить людей, но решения принимает без колебаний, и можно не сомневаться, что все его приказы будут исполнены столь же незамедлительно. Вице-король, напротив, хоть и согласился, что против мятежников надо принять срочные меры, на деле оказался совершенно не готов их осуществить. Его явно изумило решение Хорнблауэра отплыть в тот же день; он ожидал, что англичане задержатся по меньшей мере на неделю – праздновать, гулять, бездельничать. Он согласился отправить на никарагуанское побережье не менее тысячи солдат (хотя это составляло почти все его войско), но явно не намеревался сегодня же отдать соответствующие приказы.

Хорнблауэру потребовался весь его такт, чтобы заставить вице-короля действовать немедленно, отдать указания прямо из-за накрытого стола и подвергнуть любимых адъютантов неудобствам, отправив их скакать по жаре с приказами в священные часы сиесты. Прием сам по себе тоже был утомителен: Хорнблауэру казалось, что у него в гортани не осталось живого места, так наперчено было каждое блюдо. Из-за пряной пищи и навязчивых потчеваний вице-короля трудно было не выпить лишку – в эти годы всеобщего пьянства Хорнблауэр был едва ли не одинок в своей воздержанности. Он пил мало не из моральных соображений, скорее не любил терять контроль над собой.

И все же от последнего бокала он отказаться не мог, учитывая, какие только что принесли вести. Хорнблауэр резко сел на койке. Это дело с якорем вышибло всё из его головы. Вежливость требует немедленно сообщить леди Барбаре известия, близко ее касающиеся. Он выбежал на палубу, бросил сигару за борт и подошел к гостье. Джерард, вахтенный офицер, о чем-то с ней оживленно беседовал; Хорнблауэр мрачно улыбнулся про себя, видя, как Джерард поспешно прервал разговор и отошел прочь.

Она по-прежнему сидела на стульчике у гакаборта, негритянка – на палубе у ее ног. Леди Барбара, казалось, впитывала холодный ветер, навстречу которому неслась из залива «Лидия». На правом траверзе солнце почти коснулось горизонта, диск оранжевого огня висел на ясной синеве неба, и она подставила лицо косым лучам, нимало не заботясь о своей внешности. Этим вполне объяснялся ее загар, а возможно, и то, что в свои двадцать семь она оставалась незамужней даже после поездки в Индию. В лице ее была безмятежность, доказывавшая, что она, по крайней мере в данную минуту, ничуть не тяготится положением старой девы.

Леди Барбара улыбкой ответила на его поклон.

– Как чудесно вновь оказаться в море, капитан, – заметила она. – Прежде вы не давали мне случая выразить мою бесконечную благодарность за то, что увезли меня из Панамы. Плохо быть пленницей, но быть свободной и в то же время запертой силой обстоятельств – это просто сводило меня с ума. Поверьте мне, я ваша вечная должница.

Хорнблауэр вновь поклонился.

– Надеюсь, доны почтительно обращались с вашей милостью?

Она пожала плечами:

– Неплохо. Но испанские манеры быстро утомляют. Меня поручили заботам ее превосходительства – женщины замечательной, однако невыносимо скучной. В Испанской Америке с женщинами обходятся, как на Востоке. А латиноамериканская пища...

При этих словах Хорнблауэр вспомнил недавно пережитый банкет. Он состроил такую мину, что леди Барбара оборвала фразу и рассмеялась – да так заразительно, что Хорнблауэр поневоле засмеялся тоже.

– Вы не присядете, капитан?

Хорнблауэр разозлился. С начала плавания он ни разу не сидел на стуле у себя на палубе и не желал новшеств.

– Спасибо, ваша милость, но, если вы позволите, я предпочел бы стоять. Я пришел сообщить вам радостную новость.

– Вот как? Тогда ваше общество для меня вдвойне приятно. Я вся внимание.

– Ваш брат, сэр Артур, одержал в Португалии крупную победу. По условиям соглашения французы оставляют эту страну и передают Лиссабон английской армии.

– Это очень хорошая новость. Я всегда гордилась Артуром – теперь горжусь еще больше.

– Для меня большая радость первым поздравить его сестру.

Леди Барбара чудесным образом исхитрилась поклониться, не вставая со стульчика, – Хорнблауэр сознавал, как сложен этот маневр, и вынужден был признать, что выполнен он был великолепно.

– Как прибыли новости?

– Их объявили вице-королю за обедом. В Портобело пришел корабль из Кадиса, оттуда гонец прискакал по тракту. Он привез и другие известия – насколько достоверные, сказать не берусь.

– Касательно чего, капитан?

– Испанцы будто бы тоже одержали победу – вся армия Бонапарта сдалась им в Андалузии. Они уже рассчитывают вместе с англичанами вторгнуться во Францию.

– И как вы это расцениваете?

– Я в это не верю. В лучшем случае они окружили полк. Не испанской армии разбить Бонапарта. Я не предвижу скорого конца войне.

Леди Барбара печально кивнула. Она посмотрела на садящееся солнце, Хорнблауэр последовал за ней взглядом. Он не уставал восхищаться ежевечерним исчезновением солнца в безмятежных водах Великого океана. Линия горизонта разрезала солнечный диск. Они наблюдали молча, солнце спускалось все ниже и ниже. Вскоре остался лишь крошечный краешек; исчез и он, потом на мгновение опять блеснул золотом – это «Лидия» поднялась на волне – и вновь погас. Небо на западе еще алело, хотя над головой стало заметно темнее.

– Изумительно! Прекрасно! – сказала леди Барбара. Руки ее были крепко сжаты. Она немного помолчала, прежде чем возобновила прерванный разговор. – Да. Малейший успех, и испанцы вообразили, будто война окончена. И теперь английская чернь ждет, что мой брат к Рождеству вступит с войсками в Париж. А если он этого не сделает, они забудут его победы и потребуют его головы.

Хорнблауэра задело слово «чернь» – по рождению и по крови он сам принадлежал к черни, – но он видел глубокую правду в замечании леди Барбары. Она свела в три фразы то, что сам он думал об испанском национальном темпераменте и британской толпе. И она любовалась закатом и не любит латиноамериканскую кухню. Положительно, она начинала ему нравиться.

– Надеюсь, – сказал он важно, – что в мое отсутствие вашу милость снабдили всем необходимым? Корабль мало приспособлен для женщин, но, думаю мои офицеры сделали для вашей милости все, что в их силах?

– Да, капитан, спасибо. Я желала бы попросить вас лишь еще об одном одолжении.

– Да, ваша милость?

– Чтобы вы не называли меня «ваша милость». Пожалуйста, зовите меня «леди Барбара».

– Конечно, ваша... леди Барбара. Кхе-хм.

На тонких щеках появились еле заметные ямочки, яркие глаза сверкнули.

– Если вам трудно выговорить «леди Барбара», капитан, вы всегда можете привлечь мое внимание, сказав «кхе-хм».

От такой наглости Хорнблауэр окаменел. Он собрался повернуться на каблуках, набрал в грудь воздуха, собрался выдохнуть, прочищая горло, и понял, что никогда больше не сможет пользоваться этим ни к чему не обязывающим звуком, – по крайней мере, пока не высадит эту женщину в каком-нибудь порту. Однако леди Барбара остановила его, протянув руку, – даже в этот момент он заметил, какие у нее длинные и гибкие пальцы.

– Простите меня, – сказала она, раскаиваясь, – прошу принять мои извинения, хотя понимаю теперь, что это было совершенно непростительно.

Моля, она выглядела положительно хорошенькой. Хорнблауэр потерянно смотрел на нее. Он понял, что его разозлила не наглость, а проницательность. Леди Барбара угадала, зачем он прочищает горло: чтобы скрыть свои чувства. Как только он это понял, гнев его сменился острым презрением к себе.

– Тут нечего прощать, мэм, – сказал он, тяжело вздохнув. – А теперь, если вы в свою очередь простите меня, я займусь своими обязанностями по кораблю.

Он оставил ее в быстро сгущающейся ночи. Юнга только что зажег нактоузные лампы. Хорнблауэр остановился, чтобы прочесть на лаговой и курсовой досках отметки слепопуденного пути. Аккуратным почерком он вывел указания, включая и то, чтобы его позвали ночью, – огибая мыс Мала, они должны будут сменить курс на северный, – потом спустился в каюту.

Нарушение всех привычек тревожило и раздражало его. Неприятно, что его личный галюн теперь для него закрыт и приходится пользоваться кают-компанейским, но это бы еще полбеды. Да, вскоре предстоит сразиться с «Нативидадом», а дон Кристобаль де Креспо – опасный противник, но и это составляло лишь часть его беспокойств, – он вдруг явственно осознал, что тяготится дополнительной ответственностью, обрушившейся на него вместе с появлением леди Барбары на борту.

Он прекрасно знал, что ждет его самого и его команду, если «Нативидад» возьмет верх над «Лидией». Их повесят, или утопят, или уморят жаждой. Эль-Супремо не помилует перебежчиков. Эта возможность до сего момента его не трогала – столь абсолютно неизбежен был поединок с «Нативидадом». Но леди Барбара – иное дело. Он должен позаботиться, чтобы она не попала в руки Креспо живой.

Так резко сформулировав для себя свои трудности, Хорнблауэр вновь разозлился. Он проклинал желтую лихорадку, загнавшую леди Барбару на корабль, проклинал свою рабскую покорность приказам, из-за которой «Нативидад» оказался в руках мятежников. Он сжал кулаки и заскрипел зубами. Если он победит, общественное мнение осудит его (с обычным для общественного мнения незнанием обстоятельств), что он рискнул жизнью леди – жизнью Уэлсли. Если он проиграет... – но об этом невыносимо даже думать. Хорнблауэр проклял ту мягкотелость, с которой позволил ей остаться на корабле. На какую-то минуту он почти решил, что вернется в Панаму и высадит ее на берег, но мысль эту тут же пришлось отбросить. Команда и так выбита из колеи внезапной переменой планов и возмутится еще больше, если он вернется, а потом снова выйдет в море. А леди Барбара может и отказаться – и будет права. В Панаме желтая лихорадка. Не может он столь зверски употребить власть, чтобы посадить женщину в охваченном эпидемией городе. Он вновь обругал себя всеми грязными ругательствами, каких набрался за долгую флотскую службу.

С палубы долетел свист дудок, громкие приказы и шлепанье босых ног; видимо, с наступлением ночи ветер переменялся. Когда шум стих, Хорнблауэр почувствовал, как невыносимо давит на него маленькая каюта. Было жарко и душно, масляная лампа над головой нестерпимо

чадила. Он вышел на палубу. От гакаборта донесся веселый смех леди Барбары, подхваченный дружным мужским гоготом. Это темное пятно – по крайней мере полдюжины офицеров, столпившихся вокруг стульчика леди Барбары. Неудивительно. Семь – нет, уже восемь месяцев они не видели ни одной англичанки, вот и льнут к ней, как пчелы к улью.

Первым его движением было разогнать их всех, но он сдержался. Не его дело предписывать офицерам, как им проводить свободное от вахт время. Они бы усмотрели в этом желание единолично завладеть ее обществом – и не очень ошиблись бы. Не замеченный ими, он вернулся в каюту, к духоте и чадающей лампе. Для него началась бессонная и беспокойная ночь.

ХII

Наступило утро. Волны набегали на «Лидию» со стороны раковины, и она мерно кренилась с боку на бок. На правом траверзе из-за горизонта выглядывали розовато-серые верхушки вулканов, слагающих эту многострадальную землю. Идя на расстоянии видимости от берега, «Лидия» имела наилучшие шансы встретить «Нативидад». Капитан спозаранку был на ногах и уже прогуливался по шканцам, когда Браун с виноватым видом подбежал посыпать песком его законный отрезок палубы.

Далеко слева водную поверхность вспенила черная громада кита – на фоне синего моря пена казалась ослепительно-белой. Кит выдохнул, из ноздрей его поднялся тонкий фонтанчик белого дыма. Хорнблауэр без какой-либо на то причины любил китов, и это зрелище послужило первым толчком, после которого его настроение стало меняться к лучшему. Предвкушая холодный душ, он чувствовал, что капельки пота под рубашкой не раздражают, а радуют. Два часа назад он говорил себе, что ненавидит тихоокеанское побережье, его синее море и омерзительные вулканы – даже отсутствие навигационных опасностей. Он тосковал по таким домашним скалам, мелям, туманам и течениям Ла-Манша, но теперь, купаясь в солнечных лучах, немного смягчился. В конце концов, и у Тихого океана есть свои достоинства. Быть может, новый союз между Англией и Испанией побудит донов снять эгоистичный запрет на торговлю с Америкой; возможно, они надумают все же прорыть через Никарагуа канал, о котором мечтает Адмиралтейство. В таком случае этот синий океан послужит своему предназначению. Прежде, конечно, надо подавить мятеж Эль-Супремо, но таким приятным утром Хорнблауэр не предвидел в этом особых сложностей.

Помощник штурмана Грей вышел на палубу, чтобы бросить лаг, Хорнблауэр остановился посмотреть. Грей кинул за корму маленький деревянный треугольник и, придерживая лаглинь, серыми мальчишескими глазами следил за танцующими дощечками.

– Вертай! – резко крикнул он матросу у склянок.

Линь свободно побежал через борт.

– Стой! – крикнул матрос.

Грей пальцами зажал линь и прочитал отметку. Резко дернув за тонкую бечевку, идущую рядом с линем, он выдернул колышек, так что лаг теперь плыл острым концом к кораблю. Грей втянул его, перебирая руками линь.

– Сколько? – окликнул его Хорнблауэр.

– Семь почти с половиной, сэр.

«Лидия» – быстроходное судно, коли делает семь с половиной узлов при таком бризе, хотя лучше всего она идет бакштаг. Если ветер не уляжется, они скоро достигнут мест, где вероятнее всего встретить противника. «Нативидад» медлителен, как почти все двухпалубные пятидесятипушечные корабли. Хорнблауэр заметил это десять дней назад – неужели всего десять дней? Казалось, это было давным-давно – когда они вместе шли из залива Фонсека к Либертаду. Если они встретятся в открытом море, он должен будет, полагаясь на поворотливость своего корабля и опытность команды, переманеврировать «Нативидад» с его превосходящей огневой мощностью. Если только корабли свалятся бортами, более многочисленные мятежники сметут его команду. Он должен держаться на отдалении и раз пять-шесть пройти у «Нативидада» за кормой, поливая его продольным огнем. Хорнблауэр, расхаживая по палубе, начал представлять себе бой, учитывая все возможные расклады, – сохранит ли он преимущества наветренного положения, будет ли сильное волнение на море, произойдет ли бой вблизи берега или на отдалении.

Маленькая негритянка Геба выбралась на палубу, сверкая на солнце алым платком, и, прежде чем оторопевшая от возмущения команда успела ее остановить, прервала священную утреннюю прогулку капитана.

– Миледи спрашивает, не позавтракает ли с ней капитан? – прошепелявила она.

– А... что? – спросил Хорнблауэр, захваченный врасплох и резко выходя из полусна, потом, поняв, из-за какого пустяка его потревожили, загремел: – Нет, нет и нет! Скажите ее милости, я не буду с ней завтракать. Скажите, что я никогда не буду с ней завтракать. Скажите, что ни по какой причине меня нельзя беспокоить утром. Скажите, что ни вам, ни ей не разрешается выходить на палубу до восьми склянок. Убирайтесь вниз!

Даже сейчас маленькая негритянка не осознала всей тяжести своего проступка. Она кивнула, улыбнулась и без тени раскаяния пошла прочь. Очевидно, она привыкла, что белые джентльмены до завтрака раздражительны, и не придавала этому никакого значения. Открытый световой люк кормовой каюты был совсем близко к тому месту, где гулял Хорнблауэр, и, очнувшись от своих грез, он слышал звон посуды и голоса – сперва Гебы, потом леди Барбары.

Звук, с которым матросы скребли палубу, пение такелажа, скрип древесины – ко всему этому он привык. С бака доносился гулкий грохот кувалды – оружейник поправлял погнутый во вчерашних злоключениях якорный рог. Хорнблауэр легко сносил любые корабельные звуки, но щебетание женских язычков, долетавшее сквозь открытый световой люк, выводило его из себя. В гневе он пошел прочь. Душ не принес ему ожидаемой радости. Он обругал Полвила, будто бы неловко подавшего ему халат, порвал ветхую рубашку, которую Полвил ему протянул, и снова выругался. Невыносимо, чтобы его таким манером выгоняли с собственной палубы. Даже отличный кофе, подслащенный (как он любил) до приторности, не исправил настроения, ни тем более необходимость объяснить Бушу, что «Лидия» теперь должна отыскать и пленить «Нативидад», захваченный с таким трудом и переданный мятежникам, которые вдруг обернулись врагами.

– Есть, сэр, – мрачно сказал Буш, узнав о новом повороте событий.

Он был так явно тактичен, так старательно воздержался от замечаний, что Хорнблауэр его обругал.

– Есть, сэр, – повторил Буш, отлично зная, за что ему досталось. Знал он и другое: если б он сказал не «есть, сэр», а что-нибудь иное, то получил бы еще больше. На самом деле он желал как-нибудь выразить Хорнблауэру свое сочувствие, но не смел сочувствовать своему непостижимому капитану.

В продолжение дня Хорнблауэр раскаялся в своей раздражительности. Щербатое вулканическое побережье быстро бежало мимо. Где-то впереди ждет «Нативидад». Предстоит отчаянная битва, и прежде, нежели это случится, следует тактично пригласить офицеров отобедать. Кроме того, Хорнблауэр отлично знал, что заинтересованный в служебном продвижении капитан не стал бы так бесцеремонно третировать леди Уэлсли. Элементарная вежливость требует, чтобы он при первой же возможности свел гостью со своими офицерами за официальным обедом, пусть даже вечером она в присущей ей раскрепощенной манере уже беседовала с половиной из них на шканцах.

Он отправил Полвила к леди Барбаре с вежливой просьбой: не будет ли она так любезна позволить капитану Хорнблауэру и его офицерам отобедать с ней в кормовой каюте. Полвил вернулся с вежливым ответом: «Леди Барбара будет счастлива». За столом в кормовой каюте помещалось самое большее шесть человек. Хорнблауэр суеверно вспомнил, что перед стычкой с «Нативидадом» гостями его были Гэлбрейт, Сэвидж и Клэй. Он ни за что бы не признался себе, что вновь пригласил их, надеясь на повторение тогдашней удачи, но тем не менее дело обстояло именно так. Шестым он пригласил Буша – другой возможной кандидатурой был Джерард, но Джерард так хорош собой и, непонятно когда, так успел изучить свет, что Хорнблауэр желал оградить леди Барбару от чрезмерного с ним общения – единственно, поспешил он себя

заверить, ради мира и спокойствия на корабле. Уладив все это, он смог подняться на палубу, сделать полуденные замеры и походить по шканцам – на месте ему не стоялось, – чувствуя, что после обмена вежливыми посланиями может без смущения встречаться с леди Барбарой глазами.

Обед в три часа удался. Клэй и Сэвидж прошли в своем поведении несколько стадий, для их возраста вполне естественных. Сперва они робели в присутствии леди Барбары, потом, пообвыкнув и выпив по бокалу вина, впали в другую крайность. Даже несгибаемый Буш, к изумлению Хорнблауэра, продемонстрировал те же симптомы в той же последовательности, бедняга же Гэлбрейт был неизменно робок.

Но Хорнблауэра изумило, как легко леди Барбара управляется с ними со всеми. Его Мария не смогла бы даже поддержать общий разговор, а Хорнблауэр, мало знавший женщин, склонен был всех их мерить по Марииной мерке. Леди Барбара легко отшутилась от самоуверенной напористости Клэя, внимательно выслушала рассказ Буша о Трафальгаре (он служил младшим лейтенантом на «Темерэре») и совершенно покорила Гэлбрейта, обнаружив незаурядное знание поэмы «Песнь последнего менестреля»¹⁴, принадлежащей перу эдинбургского стряпчего. Гэлбрейт знал ее наизусть от корки до корки и считал величайшей из английских поэм. Когда он обсуждал стихи с леди Барбарой, щеки его горели от удовольствия.

Свое мнение об этом творении Хорнблауэр оставил при себе. Его любимым автором был Гиббон – «История упадка и разрушения Римской империи» лежала в каждом письменном столе, за которым ему случалось сидеть. Его удивило, что женщина, которая с легкостью цитирует Ювенала, что-то находит в варварской романтической поэме, лишенной какой-либо изысканности. Он ограничился тем, что сидел и разглядывал лица присутствующих – Гэлбрейт был обрадован и смущен, Клэй, Сэвидж и Буш немного не в своей тарелке, но помимо воли заинтересованы. Леди Барбара держалась непринужденно и говорила с бесстрашной самоуверенностью, которая тем не менее (Хорнблауэр неохотно вынужден был признать) казалась никак не связанной с ее высоким положением.

Она не пользовалась уловками своего пола, и все же, как Хорнблауэр осознал, не была ни холодной, ни мужеподобной. Она могла быть сестрой Гэлбрейта и теткой Сэвиджа. Она говорила с мужчинами как с равными, не завлекая их и не отталкивая. Она очень отличалась от Марии. Когда обед закончился и офицеры встали, чтобы выпить за здоровье короля (лишь двадцать пять лет спустя король, сам бывший прежде моряком, разрешил флоту пить за него сидя), она подхватила «храни его Боже» и прикончила свой единственный бокал с тем самым налетом легкой торжественности, который отвечал случаю. Хорнблауэр вдруг понял: он страстно желает, чтобы вечер не кончался.

– Вы играете в вист, леди Барбара? – спросил он.

– О да, – сказала она. – На борту есть игроки в вист?

– Есть, но не слишком охочие, – сказал Хорнблауэр, улыбаясь своим подчиненным.

Но никто особенно не возражал сыграть с леди Барбарой, тем более надеясь, что ее присутствие умерит сухую строгость капитана. Леди Барбаре выпало играть в паре с Хорнблауэром против Гэлбрейта и Клэя. Клэй сдал и открыл козырь – черви. Ход был леди Барбары. Она пошла с червового короля, и Хорнблауэр заерзал на стуле. Это походило на ученическую игру, а ему почему-то неприятно было думать, что леди Барбара плохо играет в вист. Но за червовым королем последовал бубновый и тоже взял взятку, затем червовый туз и за ним семерка. Хорнблауэр взял дамой – последней своей червой (всего их вышло одиннадцать) и вернул ход в бубну. Леди Барбара взяла дамой и пошла с бубнового туза, потом два раза с маленькой бубны. Хорнблауэр снес младшую трефу (их у него было четыре – король, валет и еще две). Его противники сбросили на бесконечные бубны по маленькой пике. От сомнений Хорнблауэр

¹⁴ «Песнь последнего менестреля» – раннее произведение Вальтера Скотта.

перешел к полной уверенности в своей партнерше и оказался совершенно прав. Она пошла с трефового туза и еще три раза в трефу. Хорнблауэр прорезал валетом, пошел с короля, на которого его партнерша снесла бланковую пику и объявила, что берет оставшиеся две взятки на козыри. Они сделали шлем, хотя у противников были все взятки в пиках.

Леди Барбара показала, что может хорошо играть при хорошем раскладе; позже стало видно, что она с равным блеском играет и при плохом. Она следила за каждой снесенной картой, замечала каждый намек; когда это представлялось выгодным, смело прорезывала и отдавала партнеру ход, перехватывала, если ее карты оправдывали риск. Она сносила младшую карту и заходила со старшей. С тех пор как «Лидия» покинула Англию, у Хорнблауэра ни разу не было такого хорошего партнера. В восторге от своего открытия Хорнблауэр совсем позабыл, как прежде ему не нравилось, что эта женщина все умеет делать хорошо.

На следующий вечер леди Барбара продемонстрировала еще одно свое достоинство. Она вышла на шканцы с гитарой, и, аккомпанируя себе, запела нежным сопрано – таким нежным, что матросы сползли на корму и, сгрудившись под переходными мостиками, слушали, сентиментально ерзая и покашливая всякий раз, как кончалась песня. Гэлбрейт был ее рабом, и она могла играть на струнах его души, как на своей гитаре. Мичманы ее обожали. Даже такие обросшие ракушками офицеры, как Буш и Кристел, мягчали в ее присутствии. Джерард рсточал ей ослепительные улыбки, выгодно подчеркивавшие его красоту, рассказывал истории из времен своего каперства и приключения на африканских реках в бытность работоторговцем. Все путешествие вдоль никарагуанского побережья Хорнблауэр озабоченно наблюдал за Джерардом и проклинал свою музыкальную глухоту, из-за которой пение леди Барбары было ему не просто безразлично, но почти мучительно.

ХІІІ

День за днем бежал мимо них длинный вулканический берег. Каждый день приносил одну и ту же извечную картину: синее небо и синее море, розовато-серые верхушки вулканов и окаймленная ярко-зеленой полосой береговая линия. Подготовив корабль к бою и расставив людей по местам, они вновь вошли в залив Фонсека и обогнули остров Меангуера, однако «Нативидада» не обнаружили. На берегу залива не было заметно никаких признаков жизни. С обрывов Меангуеры кто-то выстрелил по кораблю. Пуля на излете ударила в грот-руслень, но кто стрелял, они не увидели. Буш вывел «Лидию» из залива, и они двинулись искать «Нативидад» на северо-востоке.

Не нашли они его ни на рейде Либертада, ни в маленьких портах дальше по побережью. Над Чамперико поднимался дым, и Хорнблауэр, направив подзорную трубу, понял, что это – не вулкан. Чамперико горел, – видимо, войска Эль-Супремо, неся просвещение, дошли и досюда, – но «Нативидада» нигде не было видно.

В Тегуантепекском заливе их поджидал шторм, ибо в этой части Тихого океана штормит всегда – сюда через понижение в сьерре проникают ветра из Мексиканского залива. Хорнблауэр заметил перемену, когда изменился характер движения корабля: «Лидия» вздымалась и раскачивалась куда сильнее, чем обычно, и порывистый ветер сильно накренил ее набок. Только что пробило восемь склянок. Позвали вахту; Хорнблауэр, выбегая на шканцы, слышал крики боцманматов: «Подъем! Подъем! Койки вязать и убирать! Койки вязать и убирать!» Небо над головой было синее, солнце пекло, но море посерело и волновалось. «Лидия» начала раскачиваться под давлением парусов.

– Я только что послал к вам, сэр, за разрешением убавить парусов, – сказал Буш.

Хорнблауэр посмотрел на паруса, на облака и на берег.

– Да. Уберите нижние прямые паруса и брамсели, – сказал он.

При этих его словах «Лидия» ухнула вниз и вновь тяжело поднялась; вода пенилась под ее носом. Весь корабль наполнился скрипом древесины и пением такелажа. Под уменьшенными парусами «Лидия» пошла легче, но ветер с траверза все крепчал, и корабль, разрезая волны, кренился сильнее и сильнее. Оглянувшись, Хорнблауэр увидел леди Барбару: она стояла, одной рукой держась за гакаборт. Ветер трепал платье, свободной рукой она пыталась удержать разметающиеся по лицу пряди. Ее загорелые щеки порозовели, глаза сверкали.

– Вам надо спуститься в каюту, леди Барбара, – сказал Хорнблауэр.

– О нет, капитан. Это так восхитительно после жары.

Ливень брызг перехлестнул через борт и окатил их обоих.

– Я беспокоюсь о вашем здоровье, мэм.

– Если б соленая вода была вредна, моряки бы умирали молодыми.

Щеки ее горели, как нарумяненные. Хорнблауэр не мог отказать ей ни в чем, несмотря на горькие воспоминания о вчерашнем вечере, когда она в тени бизань-вант разговаривала с Джерардом так увлеченно, что никто другой не мог насладиться ее обществом.

– Если желаете, мэм, можете остаться на палубе, пока ветер не усилится, – а я полагаю, он усилится.

– Спасибо, капитан, – отвечала она.

Глаза ее словно говорили, что вопрос, пойдет ли она в каюту, если усилится ветер, далеко не так однозначен, как представляется капитану. Однако, подобно своему великому брату, она не форсировала мостов, к которым не подошла.

Хорнблауэр отвернулся; он несомненно предпочел бы беседовать под градом брызг, но надо было заниматься делами. Когда он дошел до штурвала, с мачты крикнули:

– Вижу парус! Эй, на палубе, парус прямо по курсу. Похоже на «Нативидад», сэр.

Хорнблауэр взглянул наверх. Впередсмотрящий цеплялся за ограждение, вместе с мачтой описывая в воздухе головокружительные петли.

– Поднимитесь наверх, Ниветт, – крикнул Хорнблауэр мичману. – Возьмите с собой подзорную трубу. Сообщайте, что видите.

Он знал, что сам в такую погоду будет никуда не годным впередсмотрящим, – стыдно, но это так. Вскоре сквозь шторм донесся мальчишеский голос Ниветта:

– Это «Нативидад», сэр. Я вижу его марсели.

– Каким курсом он идет?

– Правым галсом, тем же курсом, что и мы. Мачты все на одной линии. Теперь он меняет курс. Поворачивает через фордевинд. Наверно, они увидели нас. Теперь он идет в бейдевинд левым галсом, сэр, направляясь в наветренную от нас сторону.

– А, вот как, – мрачно сказал про себя Хорнблауэр.

Что-то новенькое для испанского корабля – самому напрашиваться на поединок. Впрочем, это уже не испанский корабль. Как бы там ни было, нельзя уступать ему выгодное положение на ветре.

– К брасам! – крикнул Хорнблауэр, потом рулевому: – Лево руля. И смотри, приятель, держи так круто к ветру, как только можешь. Мистер Буш, командуйте всем по местам, пожалуйста, и подготовьте корабль к бою.

Когда загредел барабан и матросы высыпали на палубу, Хорнблауэр вспомнил о женщине у гакаборта, и его фатализм сменился тревогой.

– Ваше место – внизу, леди Барбара, – сказал он. – Горничную возьмете с собой. До конца боя оставайтесь в кокпите... нет, не в кокпите. Ступайте в канатную кладовую.

– Капитан, – начала она, но Хорнблауэр не намеревался слушать возражений – если она и впрямь собиралась возразить.

– Мистер Клэй! – прогремел он. – Проводите ее милость вместе с горничной в канатную кладовую. Прежде чем оставить ее, убедитесь, что она в безопасности. Это мой приказ, мистер Клэй. Кхе-хм.

Трусливый способ избавиться от ответственности – переложить ее на Клэя, но Хорнблауэр злился на женщину за ту тошнотворную тревогу, причиной которой она была. Леди Барбара ушла, улыбнувшись и помахав рукой. Клэй потрусил следом.

Несколько минут на корабле кипела работа: матросы повторяли доведенные до автоматизма движения. Пушки выдвинули, палубы присыпали песком, к помпам присоединили шланги, огни потушили, переборки убрали. Теперь с палубы был виден «Нативидад» – он шел встречным галсом, явно стараясь держаться как можно круче к ветру, чтобы заполучить более выгодное наветренное положение. Хорнблауэр смотрел на паруса, не заполющут ли.

– Держи ровнее, черт тебя подери! – крикнул он рулевому.

«Лидия» накренилась под штормовым ветром, такелаж исполнял какую-то дикую симфонию. Прошлой ночью корабль мирно скользил по спокойному, залитому луной морю, теперь, двенадцать часов спустя, он сквозь шторм несется навстречу бою. Шторм, без сомнения, крепчал. Яростный порыв едва не развернул «Лидию» прямо против ветра. Она шаталась и кренилась с боку на бок, пока рулевой не позволил ей немного увалиться под ветер.

– «Нативидад» не сможет открыть нижние пушечные люки, – злорадно объявил Буш.

Хорнблауэр поверх серого моря взглянул на неприятеля. Он видел облако брызг под носом «Нативидада».

– Да, – сказал он. Капитан не стал обсуждать предстоящий бой, остерегаясь проявить излишнюю болтливость. – Мистер Буш, я побеспокою вас просьбой взять два рифа на марселях.

Идя встречными галсами, корабли сближались под тупым углом. Как Хорнблауэр ни ломал себе голову, он не мог решить, кто из них будет на ветре, когда они встретятся в вершине треугольника.

– Мистер Джерард, – крикнул он (Джерард командовал батареей левого борта главной палубы). – Следите, чтобы фитили в кадках горели.

– Есть, сэр.

Когда корабль осыпают брызги, нельзя полагаться на кремневые замки, покуда пушки не прогреются. Приходится поджигать по старинке – на этот случай в кадках на палубе лежали бухты огнепроводного шнура. Хорнблауэр посмотрел в сторону «Нативидада». Там тоже зарифили марсели, и корабль под штормовыми парусами шел, кренясь, в крутой бейдевинд. На мачте реял синий флаг с желтой звездой. Хорнблауэр поднял глаза вверх, туда, где трепетал на ветру флаг Белой эскадры.

– Они открывают огонь, сэр, – сказал Буш.

Хорнблауэр вновь поглядел на «Нативидад» – как раз вовремя, чтобы увидеть последний клуб дыма, уже разорванный в клочья ветром. Выстрела они не слышали, и куда упало ядро, было неизвестно: поднятый им фонтанчик затерялся среди бурных волн.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр.

Даже имея хорошо обученную команду, глупо открывать огонь с такого расстояния. Первый бортовой залп дается из пушек, заряженных старательно и не впопыхах, у канониров есть время подумать и прицелиться. Не следует тратить его попусту. Как ни томительно бездельное ожидание, первый залп надо побережь до того времени, когда он сможет нанести противнику наибольший ущерб.

– Мы пройдем сильно близко, сэр, – заметил Буш.

– Кхе-хм, – произнес Хорнблауэр.

По-прежнему нельзя было угадать, какой корабль окажется на ветре, когда они сблизятся. Казалось, если оба капитана будут держаться избранного курса, они столкнутся борт к борту. Хорнблауэр усилием воли замер, не шевелясь, и, вопреки растущему напряжению, изобразил полнейшее безразличие.

Еще клуб дыма с правого борта «Нативидада». На сей раз ядро пролетело между мачт у них над головами.

– Ближе! – сказал Буш.

Еще клуб дыма, и тут же треск на шкафуте, там, куда попало ядро.

– Двое убитых у пушки номер четыре, – доложил Буш, проходя вперед и заглядывая под переходный мостик, потом добавил, прикидывая на глаз расстояние между кораблями. – Дьявол! Бой-то будет ближний.

Эту ситуацию Хорнблауэр много раз воображал, одиноко расхаживая по шканцам. Он последний раз взглянул на колдунчик, на марсели, самую малость не начинавшие хлопать.

– Приготовьтесь, мистер Рейнер. Стреляйте, как только сможете навести пушки, – крикнул он (Рейнер командовал батареей правого борта главной палубы), потом, не поворачивая головы, человеку у штурвала: – Руль на ветер! Так держать!

«Лидия» повернулась и молнией пронеслась с наветренной стороны от «Нативидада». Пушки правого борта выстрелили почти разом, раскатистый грохот потряс корабль до самого киля. Окутавшее его облако дыма в мгновение развеялось ветром. Все ядра ударили в борт «Нативидада» – ветер донес до слуха крики раненых. Столь неожиданным был маневр, что с «Нативидада» дали лишь один выстрел, и тот не причинил никакого вреда – нижние пушечные порты «Нативидада» с этой, наветренной, стороны были закрыты из-за сильных волн.

– Отлично! Ну отлично! – воскликнул Буш. Он, словно благовонный фимиам, потянул носом горький пороховой дым.

– К повороту оверштаг! – хрипло бросил Хорнблауэр.

Команда, вымуштрованная в шторма под орлиным взором Буша, стояла наготове у шкотов и брасов. «Лидия» повернулась, как отлаженный механизм, и, прежде чем неприятель успел что-нибудь противопоставить этой неожиданной атаке, пушки Джерарда выпалили по незащитной корме «Нативидада». Юнги высокими мальчишескими голосами бессмысленно вопили «ура!», выбегая снизу с новыми картузами для пушек. Орудия правого борта были уже заряжены; у левого борта матросы пихали в дула мокрые банники, туша остатки тлеющих картузов, забивали заряды и ядра, вновь выдвигали пушки. Хорнблауэр поверх бурного моря смотрел на «Нативидад». Он видел на полуюте Креспо; тот имел наглость легкомысленно помахать ему рукой, не переставая выкрикивать поток приказаний своим плохо обученным матросам.

«Лидия» сполна использовала маневр: дала два бортовых залпа с близкого расстояния и получила лишь один ответный выстрел, но теперь предстояло расплачиваться. Имея преимущество наветренного положения, «Нативидад» при должном управлении мог навязать ей ближний бой. Хорнблауэр видел, как неприятельский корабль вздрогнул, развернулся и понесся на них. Джерард посреди своей батареи смотрел против ветра на приближающуюся громаду. Напряженность момента и яростный сосредоточенный прищур подчеркивали его смуглую красоту, хотя именно сейчас он на время позабыл о своей внешности.

– Ввести затворы! – приказал он. – Цельсь! Пли!

Взревели пушки «Лидии», загрохотали пушки «Нативидада». Корабли окутались дымом, сквозь который долетал треск щепок, стук падающих на палубу тросов и над всем – голос Джерарда: «Запальные отверстия закрыть!» Чем быстрее после выстрела закроют запальные отверстия заряжаемых с дула орудий, тем меньше они будут разрушаться вырывающимися изнутри едкими газами.

Орудийные расчеты налегли на тали, с трудом удерживаясь на круто накренившейся палубе. Они пробанили, забили картузы и ядра.

– Стреляйте, как будете готовы, ребята! – крикнул Джерард.

Он вскочил на коечную сетку и сквозь дымовую завесу вглядывался в прыгающий на волне «Нативидад». Следующий бортовой залп прогремел нестройно, затем – совсем вразнобой: более опытные орудийные расчеты стреляли быстрее. Теперь выстрелы гремели не умолкая, и «Лидия» содрогалась беспрестанно. Временами сквозь рев ее канонады прорывался оглушительный грохот неприятельского бортового залпа – Креспо явно не доверял матросам стрелять независимо, только по команде. Делал он это толково: временами, когда позволяли волны, нижние пушечные порты «Нативидада» разом открывались, и большие двадцатичетырехфунтовки изрыгали огонь и дым.

– Горячее дельце, сэр, – сказал Буш.

Железный град сметал все на палубе «Лидии». Груды мертвых тел лежали у мачт – их поспешно стаскивали туда, освобождая место орудийным расчетам. Раненых волокли по палубе и вниз в люки, к ожидающим их ужасам кокпита. На глазах у Хорнблауэра подносчик пороха пролетел по палубе, превращенный двадцатичетырехфунтовым ядром в красное нечеловеческое месиво.

– Кхе-хм, – произнес Хорнблауэр, но звук утонул в реве шканцевой каронады. Да, дельце было горячее, даже слишком. Пять минут ближнего боя убедили его: несмотря на ущерб, понесенный «Нативидадом» в первые минуты боя, в такого рода поединке «Лидия» обречена. Если англичане победят, то исключительно за счет мастерства.

– К брасам! – прокричал Хорнблауэр, перекрывая голосом грохот пушек.

Сощурясь, он посмотрел на «Нативидад», из бортов которого клубами валил дым, оценил силу ветра и расстояние между кораблями. Подстегиваемый волнением, мозг работал с лихорадочной быстротой. Новый маневр начался. Обстенив ненадолго грот-марсель, Хорнблауэр дал «Нативидаду» проскочить мимо, в то же время не позволив «Лидии» погасить скорость

настолько, чтобы сделаться неуправляемой. В следующее мгновение он повернул корабль оверштаг, и бездействующая доселе батарея правого борта выстрелила по корме «Нативидада». «Нативидад» привелся к ветру, намереваясь последовать за противником и продолжить обмен бортовыми залпами, но фрегат был куда поворотливее неуклюжего двухпалубного корабля. Хорнблауэр вновь повернул оверштаг и встречным галсом пронесся за кормой «Нативидада». Джерард, перебегая от пушки к пушке, послал каждое ядро в потрепанную корму врага.

– Превосходно! Лопни мои глаза! Превосходно! Лопни моя селезенка! – захлебывался Буш, молотя кулаком правой руки по ладони левой и приплясывая на шканцах.

Хорнблауэру было не до Буша с его похвалами, но впоследствии он вспомнил, что слышал эти слова и ощутил их теплую поддержку. Только корабли разошлись, он приказал вновь поворачивать оверштаг, но лишь потянули брасы и положили руль на борт, как «Нативидад» повернул через фордевинд, намереваясь пройти у них под ветром. Оно и к лучшему. После обмена бортовыми залпами «Лидия» вновь сможет поразить его уязвимую корму, а если «Нативидад» попытается кружить, у Хорнблауэра корабль маневреннее и на один выстрел противника будет делать два. «Нативидад» приближался, вспенивая воду: его фальшборт были изрешечены ядрами, из шпигатов сочилась кровь. На полуюте стоял Креспо – напрасно Хорнблауэр надеялся, что его убило одним из последних бортовых залпов. Нет, пушки выдвигались все так же быстро, и с этой, наветренной, стороны нижние орудийные порты были открыты.

– А на то, что мы сейчас получим... – Буш произнес избитое старинное ругательство, повторяемое на каждом корабле в ожидании бортового залпа.

Секунды казались минутами. Корабли сближались. Они прошли ярдах в десяти друг от друга. Нос миновал нос, фок-мачта – фок-мачту, потом фок-мачта прошла мимо грот-мачты. Рейнер смотрел на корму и, как только увидел, что самая дальняя пушка наведена, скомандовал: «Пли!» «Лидия» приподнялась от отдачи, уши разорвал грохот выстрелов, и тут же, раньше, чем рассеялся дым, оглушительно ответил «Нативидад».

Хорнблауэру показалось, что обрушилось небо. Поднятый летящим ядром ветер чуть не опрокинул его; у самых ног колыхалось кровавое месиво, только что бывшее половиной расчета правой шканцевой каронады, – и тут с громоподобным треском рухнула бизань-мачта. Наветренные бизань-ванты опутали его и бросили на окровавленную палубу. Он принялся судорожно выпутываться и тут почувствовал, что «Лидия» развернулась, уваливаясь под ветер, несмотря на усилия рулевых.

Он встал на ноги, оглушенный и потерянный. Вокруг было полное разрушение. Бизань-мачта переломилась в девяти футах от палубы и упала, прихватив с собой грот-стенгу, паруса и такелаж волочились вдоль борта и за кормой, удерживаемые уцелевшими вантами. Лишившись уравновешивающего действия крьюселя, «Лидия» не могла держаться круто к ветру и теперь беспомощно дрейфовала на фордевинд. В эту самую минуту «Нативидад» повернул оверштаг, чтобы пройти у «Лидии» за кормой и отплатить сокрушительными бортовыми залпами за прежний безответный обстрел. Весь мир, казалось, разлетелся на куски. Хорнблауэр судорожно сглотнул, чувствуя в желудке тошнотворный страх поражения.

XIV

Но он знал, знал с того самого мига, как встал на ноги, что должен без промедления вновь подготовить «Лидию» к бою.

– Ютовая команда! – прогремел он не своим голосом. – Мистер Клэй! Бенскин! Топоры сюда! Рубите тросы!

Клэй выбежал на палубу, за ним матросы с топорами и абордажными саблями. Как только они принялись кромсать бизань-ванты, Хорнблауэр заметил, что Буш сидит на палубе, закрыв лицо руками, – видимо, его задело падающей мачтой. Но сейчас Хорнблауэру было не до Буша. «Нативидад» неумолимо приближался, видно было, как матросы победно размахивают шапками. Хорнблауэру казалось, что донельзя обостренный слух сквозь шум на палубе «Лидии» различает скрип такелажа на вражеском корабле и гул, с которым там выкатывают пушки. «Нативидад» повернул, надвигаясь все ближе. Мимо Хорнблауэра прошел его бушприт, зарифленный фор-марсель навис почти над головой – и грянул бортовой залп. Пушка за пушкой палила по корме «Лидии». Ветер подхватил и понес на Хорнблауэра дым, ослепляя его. Он ощутил, как вздрогнула под ударами ядер палуба, услышал рядом вскрик, почувствовал, как возле щеки пролетела большая щепка; и вот, когда разрушение казалось уже всеобщим и окончательным, грохот стих, «Нативидад» прошел мимо, а он был еще жив и мог оглядеться по сторонам. Станина кормовой каронады была искорежена, на палубе дико орал один из людей Клэя – поперек его бедер лежала пушка, двое или трое товарищей безуспешно пытались ее стащить.

– Прекратите! – Из-за необходимости отдать такое распоряжение Хорнблауэр завопил чуть ли не пронзительнее раздавленного. – Рубите эти проклятые тросы! Мистер Клэй, велите им пошевеливаться!

В кабельтове, за серыми гребнями волн, «Нативидад» медленно разворачивался, чтобы нанести новый сокрушительный удар по беззащитному противнику. Хорошо еще, «Нативидад» неповоротлив, как почти все корабли четвертого ранга. Это означает больше времени между бортовыми залпами, больше времени, чтобы привести «Лидию» в состояние боевой готовности.

– Эй, фор-марсовые! Мистер Гэлбрейт! Уберите передние паруса!

– Есть, сэр.

Убрав фор-стенъ-стаксель и штормовой кливер, можно будет в какой-то мере уравновесить утрату крьюселя и контр-бизани. Тогда, работая рулем, удастся положить «Лидию» немного круче к ветру и ответить выстрелами на выстрелы. Но прежде надо убрать мачту с парусами, которая огромным плавучим якорем волочится за кормой. Пока это не сделают, «Лидия» будет дрейфовать по ветру, безропотно снося удары врага. Хорнблауэр бросил взгляд в сторону «Нативидада»: тот уже повернул и вновь направлялся к их корме.

– Живее! – заорал он на матросов с топорами. – Холройд, Тумс, спускайтесь на бизань-руслени!

Он вдруг осознал, до чего пронзительно и истерично орет. Любой ценой он должен сохранить перед Клэем и матросами свою хваленую невозмутимость. Судорожным усилием он принудил себя спокойно взглянуть на «Нативидад» – тот надвигался на них, исполненный угрозы. Хорнблауэр выдавил улыбку, пожал плечами и заговорил обычным голосом.

– Не обращайтесь внимания, ребята. Сперва обрубите тросы, а там мы угостим даго до отвала.

Матросы с новой силой врубались в тугое сплетение тросов. Что-то подалось, в этот миг большая волна приподняла корму «Лидии», она причудливо накренилась на нос, обломки отошли от нее чуть подальше. Теперь они держались на бизань-штаге, и тот, проехав по палубе,

сбил с ног трех матросов. Хорнблауэр схватил один из оброненных топоров и принялся отчаянно рубить ерзавший по палубе трос. Краем глаза он видел надвигающийся «Нативидад», но не обращал внимания. В это мгновение вражеский корабль был не угрозой его жизни, а всего лишь досадной помехой.

Вновь дым и грохот бортового залпа окутали его. Он ощутил поднятый ядром ветер, услышал визг летящих щепок. Крики людей мгновенно потонули в грохоте канонады, палуба под ногами дрожала – это ядра ударяли в недра «Лидии». Но Хорнблауэр знал и чувствовал только одно: надо закончить работу. Бизань-штаг лопнул под его топором, он увидел, как натянулся другой трос, разрубил и его – при этом заметил узор палубных досок – почувствовал, что еще один трос разошелся, и понял: «Лидия» – свободна. Почти у ног его лежал, растянувшись на палубе, юный Клэй, но у Клэя не было головы. Хорнблауэр отметил это как занятное явление, как узор палубных досок.

Внезапно набежавшая волна окатила его брызгами. Он смахнул с глаз воду. Почти все, кто только что был на шканцах, лежали убитыми: морские пехотинцы, матросы, офицеры. Симмондс выстроил уцелевших пехотинцев у гакаборта, готовясь ружейным огнем ответить двадцатичетырехфунтовкам «Нативидада». Буш был на грот-мачте, и Хорнблауэр вдруг сообразил, что это он обрубил крьюйс-стенъ-штаг, окончательно освободив корабль. У штурвала стояли двое рулевых; твердые, неколебимые, смотрели они вперед. Это не те люди, которые стояли у штурвала при начале боя, но железная дисциплина флота и его неумолимая рутина требовали, чтобы руль не оставался без присмотра во всех перипетиях сражения.

За правой раковиной «Нативидад» поворачивал вновь. Хорнблауэр с дрожью волнения осознал, что на сей раз сможет ответить. Требовалось усилие, чтобы сосредоточиться на предстоящем повороте. Он собрался с мыслями, сравнил относительную тягу фор- и грот-марсея, мысленно представил положение центра парусности относительно грот-мачты, – к счастью, он немного смещен к корме.

– К брасам! – крикнул он. – Мистер Буш, мы попробуем привести к ветру.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр обернулся – «Нативидад» шел к ним, раскачиваясь и кренясь.

– Руль круто направо! – крикнул он. – Приготовиться у пушек.

Команда «Нативидада», глядя поверх орудий, вдруг увидела, как потрепанная корма «Лидии» медленно отворачивается от них. Какие-то полминуты, пока фрегат еще сохранял инерцию, рулевые, налегая на штурвал, удерживали его в галфвинд, те самые полминуты, пока «Нативидад» проходил мимо.

– Пли! – завопил Джерард. Его голос тоже срывался от возбуждения.

«Лидия» вновь накренилась от отдачи, дым окутал палубу, и сквозь клубы на нее обрушился железный град неприятельского залпа.

– Всыпь им еще разок, ребята! – орал Джерард. – У них фок-мачта упала! Молодцы, ребята!

Орудийные расчеты, как безумные, орал «ура!», но две сотни голосов тонули в штормовом ветре. Противник наконец-то поражен серьезно. Сквозь дым Хорнблауэр видел, как фок-ванты «Нативидада» вдруг провисли, снова натянулись, опять провисли, и вся фок-мачта наклонилась вперед; грот-стенга дернулась и последовала за фок-мачтой. Все вместе исчезло за бортом. «Нативидад» повернулся, резко приведясь к ветру; в то же время «Лидия» увалилась, несмотря на усилия рулевых. Штормовой ветер свистел в ушах. Полоска серого моря, разделившая два корабля, ширилась. Последний раз выстрелила пушка на главной палубе. Два корабля качались на бурном море, неспособные причинить друг другу никакого вреда.

Хорнблауэр вновь медленно вытер глаза от брызг. Вся битва была как затянувшийся страшный сон, когда одна фантастически нереальная ситуация переходит в другую. Ему каза-

лось, что это и впрямь сон. Он мог думать ясно, только понуждая себя к тому, словно к несвойственному для себя занятию.

Расстояние между кораблями увеличилось до полумили и продолжало расти. В подзорную трубу Хорнблауэр видел полубак «Нативидада», черный от людей, сражавшихся с обломками фок-мачты. Корабль, который первым подготовится к бою, победит. Хорнблауэр резко сложил трубу и повернулся лицом к проблемам, которые, он знал, ждали немедленного его решения.

XV

Капитан «Лидии» стоял на шканцах. Его корабль дрейфовал под грот-стакселем и взятый в три рифа грот-марселем, кренясь с носа на корму и переваливаясь с боку на бок над фантастически-причудливым морем. Шел дождь, да такой сильный, что уже в ста ярдах ничего не было видно. По палубе потоком неслась вода, и Хорнблауэр промок до нитки, как если бы искупался, но не замечал этого. Все ждали его приказаний – первый лейтенант, артиллерист, боцман, баталер, врач. Корабль нужно привести в боевое состояние, хотя непонятно, выдержит ли он вообще этот шторм. В настоящую минуту к Хорнблауэру обращался исполняющий обязанности врача. Он был бледен.

– Но что мне делать, сэр? – жалобно вопрошал он, ломая руки.

Это был Лори, вестовой баталера, назначенный на место врача после смерти Хэнки. У него в мрачном кокпите лежат пятьдесят раненых, обезумевших от боли людей, у некоторых оторваны руки или ноги, и все молят о помощи, которую он не в состоянии оказать.

– Что делать? – передразнил Хорнблауэр, вне себя от такой беспомощности. – У вас было два месяца, чтобы изучить свои обязанности, а вы спрашиваете, что вам делать!

Лори еще больше побелел от страха. Надо немного ободрить этого трусливого недоучку.

– Слушайте, Лори, – сказал Хорнблауэр чуть помягче. – Никто не ждет от вас чудес. Делайте, что можете. Тем, кто обречен, постарайтесь облегчить страдания. Приказываю вам причислять к ним всех, кто потерял руку или ногу. Дайте им лауданум – двадцать пять капель на человека, а если не поможет – больше. Сделайте вид, будто перевязываете их. Скажите, что они непременно поправятся и еще пятьдесят лет будут получать пенсион. Что делать с остальными, вам подскажет ваша природная сообразительность. Перевяжите их, чтобы остановить кровотечение. У вас довольно тряпья, чтобы перевязать всю команду. Наложите шины на сломанные кости. Без необходимости никого не шевелите. Пусть лежат тихо. По чарке рому каждому раненому, и пообещайте еще по одной в восемь склянок, если будут лежать тихо. Любой из них за чарку рому пройдет сквозь адский огонь. Идите вниз, приятель, и займитесь этим.

– Есть, сэр.

Лори видел только свои обязанности: он скрылся вниз, не задумываясь о жутких разрушениях на главной палубе. Одна из двадцатифунтовок вырвалась на свободу – ее найтовы порвало последним бортовым залпом с «Нативидада». Корабль раскачивался, и пушка весом более тонны ездila взад и вперед по палубе, ежесекундно грозя пробить борт. Гэлбрейт с матросами (двадцать держали тросы, пятьдесят – маты и гамаки) осторожно сопровождали ее, надеясь связать. Пока Хорнблауэр смотрел, палуба вновь накренилась и пушка с грохотом поехала прямо на них. Они отскочили в разные стороны, она пронеслась мимо – катки визжали, как стадо свиней, – и с грохотом врезалась в грот-мачту.

– Ну, ребята, давай на нее! – крикнул Хорнблауэр.

Гэлбрейт выскочил вперед и, рискуя покалечиться насмерть, продел трос в огон тали. Не успел он это сделать, как палуба накренилась вновь, пушка развернулась, грозя свести все усилия на нет.

– Сюда койки! – крикнул Хорнблауэр. – Подстилайте быстрее! Мистер Гэлбрейт, обмотайте трос вокруг грот-мачты! Уипл, пропусти свой трос в рым на казне! Быстрее! Теперь наматывайте!

Хорнблауэр добился того, чего не сумел Гэлбрейт, – в мгновение ока согласовал усилия многих людей, так что пушка оказалась связана и обезврежена. Оставалась всего лишь муторная работа – оттранспортировать ее обратно к орудийному порту и принайтовить заново. Теперь внимания Хорнблауэра требовал плотник Хауэлл, ждавший, пока кончится дело с пушкой.

– В льяле больше четырех футов, сэр, – сказал Хауэлл, козыряя. – Почти пять, и быстро прибывает. Могу я взять еще матросов на помпы?

– Нет, подождите, пока пушку установят на место, – мрачно ответил Хорнблауэр. – Каков ущерб от обстрела?

– Семь пробоин от ядер, ниже ватерлинии. Их не заделать, пока такой шторм, сэр.

– Знаю, – буркнул Хорнблауэр. – Где они?

– Все ближе к носу. Одна аккурат в третьем шпангоуте правого борта. Две другие...

– Как только освободится достаточно людей, я прикажу подвести под днище пластырь. Пока те, кто на помпах, пусть качают. Сейчас вместе со своими помощниками отправляйтесь к первому лейтенанту.

Первый лейтенант вместе с боцманом возводили временную бизань-мачту. Боцман уже доложил капитану горестно, что половина запасного рангоута, закрепленная между переходными мостиками, повреждена ядрами. К счастью, остался пригодный к использованию грот-стенг-рей, но поставить пятидесятипятифутовый рей вертикально будет делом непростым – это и при спокойном море было бы сложно, сейчас же просто опасно. В гавани старое судно – плашкоут со стрелой – подогнали бы к «Лидии» и, используя в качестве подъемного крана два длинных бруса, собственно и составляющие его стрелу, поставили бы новую мачту. Здесь не было под рукой ничего подобного, и задача могла бы показаться неразрешимой, однако Гаррисон и Буш уже приступили к ней со рвением и сметкой, которыми недаром гордится английский флот.

Им повезло: сохранился торчащий на девять футов обломок мачты, который избавлял их от утомительной обязанности заклинивать мачту в пяртнерсе. Вместо этого они предложили фишами скрепить новую мачту с обломком. Кормовая часть корабля кишела матросами, каждый отряд был занят какой-то частью общей работы. С помощью талей и катков рей подтащили ближе к корме и уперли шпором в обломок мачты. Гаррисон теперь руководил креплением вант. После этого ему предстояло подготовить топ к установке эзельгофта и салинга – их уже сколачивали плотник и его помощники.

На бизань-русленях по обоим бортам помощники Гаррисона направляли усилия двух других отрядов, крепивших концы вант к путенс-вантам, где с помощью юферсов и тросовых талрепов их можно будет натянуть после установки мачты. Буш руководил подготовкой гарде-лей и талей на грот-мачте, которыми предстояло осуществить большую часть подъема. Парусный мастер и его помощники вытаскивали запасные паруса и подгоняли их под новую мачту, гафели и рей. Еще отряд под командованием артиллериста заново устанавливал шканцевую каронаду. Джерард с марсовыми наверху чинили бегучий и стоячий такелаж уцелевших мачт. Все это под дождем, под свист ветра; и все же дождь и ветер казались горячими на ощупь, такая стояла жара. Полуголые матросы вкалывали, как черные невольники; с них лил пот, смешанный с дождевой водой и солеными брызгами.

Вдруг дождь перестал, и ненадолго прояснилось. Упираясь ногами в кренящуюся палубу, Хорнблауэр поднес к глазам подзорную трубу. «Нативидад» был еще виден: одни только мачты над серым, испещренным барашками морем. Незаметно, чтобы мачты ставились заново. Весьма вероятно, что там вообще не осталось запасного рангоута. В таком случае, как только «Лидия» сможет нести достаточно задних парусов, чтобы лавировать против ветра, «Нативидад» будет в ее власти – если шторм не усилится настолько, что нельзя будет стрелять из пушек.

Хорнблауэр посмотрел на горизонт: ничто не предвещало затишья, а солнце давно перевалило за полдень. С наступлением темноты он может потерять «Нативидад» из виду, и враги получат передышку, чтобы устранить часть поломок.

– Долго еще, Гаррисон? – прохрипел он.

– Нет, сэр. Почти готово, сэр.

– У вас было вдоволь времени на такую несложную работу. Заставьте своих людей пошевеливаться.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр знал, что матросы вполголоса проклинали его, но не знал, что они в то же время восхищаются им, – как люди вопреки всему восхищаются строгим хозяином.

Подошел кок с помощниками – как самым никчемным на корабле им выпала самая незаглядная работа.

– Все готово, сэр, – сказал кок.

Хорнблауэр молча зашагал к переходному мостику правого борта, на ходу вынимая из кармана молитвенник. Здесь спеленатые в свои гамаки, по двое на решетчатом люке лежали четырнадцать убитых; в ногах каждого гамака было зашито по ядру. Хорнблауэр протяжно свистнул в свисток, и все работы прекратились на то недолгое время, пока он торопливо читал заупокойную молитву по погибшим на море.

– «И мы предаем их тела пучине»...

Хорнблауэр читал заключительные слова, кок и его помощники по очереди приподнимали решетчатые люки, и тела с глухим всплеском падали за борт. Закончив, он снова свистнул, и работа возобновилась. Ему безумно жаль было нескольких потраченных минут, но ничего не попишешь – бесцеремонно выбросив тела за борт, он вызвал бы негодование матросов; подобно другим необразованным людям, они чрезвычайно серьезно относятся к обряду.

А вот и новая досадная помеха. По главной палубе пробиралась леди Барбара, маленькая негритянка цепляется за ее юбку.

– Я приказал вам оставаться внизу, мэм, – крикнул Хорнблауэр с переходного мостика. – Палуба – не место для вас.

Леди Барбара оглядела бурлящую палубу и, подняв лицо, ответила:

– Я знаю это и без напоминаний, – сказала она, потом, смягчась, добавила: – Я не имела намерения путаться под ногами, капитан. Я собираюсь запереться в своей каюте.

– В вашей каюте?

Хорнблауэр засмеялся. Каюту изрешетили четыре бортовых залпа с «Нативидада». Мысль, что леди Барбара запрется там, показалась ему невероятно комичной. Он хохотнул еще раз, и еще, прежде чем остановился, увидев перед собой разверстую пропасть истерики. Он взял себя в руки.

– Вашей каюты больше нет, мэм. Сожалею, мэм, но вам больше некуда идти, кроме как туда, откуда вы пришли. На корабле нет другого места, где бы вы могли расположиться.

Леди Барбара, глядя на него снизу вверх, вспомнила только что оставленную канатную кладовую. Непроницаемая тьма и теснота – сидеть можно только скрючившись на склизком канате, – крысы пищат и мечутся под ногами, бешено мотает из стороны в сторону, Геба хнычет от страха, оглушительно гремят выстрелы, прямо над головой грохочут пушечные катки. Она вспомнила отдавшийся по всему судну душераздирающий треск, с которым рухнула бизань-мачта, полнейшее неведение о ходе битвы (она и сейчас не знала, выигран бой, проигран или на время прерван), вонь, голод и жажду.

Ей страшно было и помыслить о возвращении. Но она видела лицо капитана, серое от напряжения и усталости, заметила, как истерически он смеялся, как резко оборвал смех и с каким усилием заставил себя говорить спокойно. Капитанский сюртук был порван на груди, белые штаны испачканы – кровью, вдруг поняла леди Барбара. И тогда она его пожалела. Она поняла, что смешно говорить с ним о крысах, вони и бессмысленных страхах.

– Очень хорошо, капитан, – сказала она и пошла обратно.

Маленькая негритянка захныкала было, но леди Барбара дернула ее за руку, и она смолкла.

XVI

– Готово, сэр, – сказал Буш.

Команда «Лидии» потрудилась на славу. Пушки были закреплены, с главной палубы убрали почти все следы боя. Парус, протянутый под днищем, значительно уменьшил приток воды. Теперь на помпах работали всего двадцать человек, и уровень воды в льяле быстро падал. Парусный мастер приготовил новые паруса, боцман – такелаж, плотник – все, что требовалось от него. Гаррисон уже поставил людей к брашпилю, мачта была готова к подъему.

Хорнблауэр огляделся. Вся эта безумная горячка оказалась напрасной, ибо шторм не собирался стихать, а при таком ветре нечего и думать о преследовании. Он жестоко подгонял своих людей – загонял их, – а теперь очевидно, что торопиться некуда. Тем не менее работу можно закончить и сейчас. Он окинул взглядом замерших в ожидании матросов: каждый знает свои обязанности, в каждой узловой точке стоит офицер, готовый проследить за выполнением приказов.

– Очень хорошо, мистер Буш, – сказал он.

– Подымай! – крикнул Буш матросам у брашпиля.

Лебедка повернулась, тросы застонали в блоках, мачта, провожаемая взглядами, поползла вверх. Дикие прыжки корабля грозили погубить все. Была опасность, что верхушка мачты вырвется из удерживающих ее стропов; была опасность, что шпор мачты соскользнет с обломка бизань-мачты, в который упирается. Надо было уследить за всем, принять все предосторожности, чтобы ничего этого не произошло. Буш смотрел за гарделями, Джерард на грот-стенъ-салинге – за стропами. Гэлбрейт стоял на бизань-руслене с одной стороны, Рейнер – с другой. Боцман и плотник с тросами и толстыми палками приготовились у шпора мачты, но только капитан, облокотившийся на шканцевый поручень, следил, чтобы все детали этого сложного механизма работали согласованно, и именно ему команда поставила бы в вину возможный неуспех.

Хорнблауэр это знал. Он наблюдал за беспорядочными движениями судна, за дрожащей на стропях мачтой, слышал, как скрежещет по палубе шпор, ерзая между двумя брусьями, принайтовленными к обломку в качестве упоров. Требовалось усилие, чтобы мыслить ясно, и усилие это давалось лишь крайним напряжением воли. Ему было худо, он устал и нервничал.

Главное, чтобы матросы у вант и бакштагов выбирали ровно столько слабины, сколько высвобождают гардели, и не натягивали тросов, когда крен судна наклоняет мачту на них. Но именно это они упорно делали, сводя Хорнблауэра с ума, – так прониклись они необходимостью держать тросы натянутыми. Дважды таким образом возникала опасность для строп, державших верхушку мачты, и Хорнблауэр на несколько секунд напрягался до последнего предела, следя за бортовой качкой, чтобы выбрать в точности то мгновение, когда следующий крен судна устранил опасность. Он охрип от крика.

Топ мачты медленно полз вверх. Хорнблауэр, просчитывая натяжение тросов и силу противодействия, понял, что приближается критический миг, когда гардели не смогут больше поднять мачту, и ее придется вытягивать бакштагами. Следующие несколько минут были самыми сложными: мачту предстояло лишить поддержки строп. Гардели надо было отцепить от брашпиля и их работу довершить бакштагами. Наклонную временную мачту и вертикальный обломок обкрутили двумя канатами. Матросы готовы были по мере подъема мачты шпильевыми вымбовками закручивать их, как жгуты. Но пока бакштаги располагались под механически невыгодным углом и, попытайся команда поднять мачту непосредственно с помощью лебедки, конечно, не выдержали бы приложенного напряжения.

Надо было воспользоваться движениями корабля. Хорнблауэр тщательно наблюдал эти движения, призывая матросов ждать, пока «Лидия» прыгала и моталась из стороны в сторону.

И вот нос оторвался от пенного моря и начал уверенно подниматься к небесам. Теперь надо было заставить матросов у брашпиля, у жгутов и строп враз начать и враз остановиться, как только нос вновь пошел вниз и тросы опять напряглись. Дважды Хорнблауэру это удавалось, потом удалось и на третий – хотя тут неожиданная волна приподняла корму «Лидии» и чуть не погубила все дело.

Четвертый раз решил все. Мачта стояла теперь почти вертикально, так что натяжение вант и бакштагов было приложено под механически выгодным углом. Теперь можно было выбирать тросы, не обращая внимания на движения корабля. Оставалось как следует закрепить ванты и бакштаги, временную мачту надежно соединить фишами с обломком – самое трудное осталось позади. Хорнблауэр, изнемогая от усталости, оперся на поручни, дивясь, как его железные подчиненные находят силы кричать «ура!», доканчивая работу.

Он увидел рядом с собой Буша. У того голова была обмотана окровавленной тряпкой – мачта, падая, рассадила ему лоб.

– Позвольте сказать, сэр, это было сделано великолепно, – произнес Буш.

Хорнблауэр пристально посмотрел на него. Он знал свои слабости и поздравления всегда выслушивал с опаской, словно ожидая подвоха. Но Буш, как ни удивительно, был совершенно искренен.

– Спасибо, – нехотя ответил Хорнблауэр.

– Поднять мне стеньгу и реи, сэр?

Хорнблауэр снова взглянул на горизонт. Шторм все бушевал, и только серое пятнышко на горизонте указывало положение «Нативидада», тоже сражавшегося с ветром. Никакой надежды прибавить парусов, никакой надежды возобновить бой, пока противник не очухался. Эту горькую пилюлю надо проглотить. Легко вообразить, что скажут во флотских кругах, когда прочтут его рапорт. Фраза «корабль получил сильные повреждения и ввиду сильного шторма не мог возобновить преследование» вызовет снисходительные усмешки и понимающие кивки. Это – избитое оправдание, вроде неотмеченного на карте рифа, на который списывают навигационные огрехи. Трусость, вот как это назовут, – за десять тысяч миль отсюда никто не сможет оценить силу шторма. Хорнблауэр мог бы отчасти снять с себя ответственность, если бы попросил Буша высказать свое мнение и письменно его зафиксировать, но это значило бы обнаружить свою слабость перед подчиненным.

– Нет, – сказал он без всякого выражения. – Пока погода не улучшится, мы останемся в дрейфе.

В налитых кровью глазах Буша мелькнуло восхищение. Буш был прав, восхищаясь капитаном, который без долгих слов принял решение, так близко затрагивающее его доброе имя. Хорнблауэр заметил это, но, по своему проклятому складу характера, не смог правильно истолковать.

– Есть, сэр, – сказал Буш. Нахмуренный лоб капитана подсказал ему, что не следует продолжать разговор. Однако он не удержался и добавил: – Раз так, сэр, почему бы вам не отдохнуть? Вы выглядите смертельно усталым, сэр, честное слово. Позвольте мне послать матросов – пусть отгородят вам занавеской место в кают-компании.

У Буша дернулась рука – он чуть было не совершил чудовищный служебный проступок, похлопав капитана по плечу, и еле-еле сдержался.

– Чушь собачья! – буркнул Хорнблауэр.

Как будто капитан фрегата может прилюдно сознаться, что устал! А Хорнблауэр и вовсе не позволял себе обнаружить малейшую слабость – он отлично помнил, как в начале карьеры тогдашний первый лейтенант пользовался его промахами.

– Уж скорее вам нужно отдохнуть, – сказал он. – Отпустите правую вахту, идите вниз и поспите. Пусть сперва кто-нибудь перевяжет вам лоб. Пока неприятеля видно, я останусь на палубе.

Почти сразу Полвил явился досаждать ему – Хорнблауэр тщетно гадал, по собственному почину или его послал Буш.

– Мне пришлось помочь ейной милости, – сказал Полвил (Хорнблауэр только что пробовал подступиться к вопросу, что делать с леди Барбарой на поврежденном корабле, подготовленном к бою). – Я им занавесками отгородил чуток места в кубрике, сэр, там раненые почти уже затихли, сэр. Подвесил койку – забились туда, как птичка, сэр. Они и покушали, сэр, – что осталось от холодного цыпленка, и капельку вина выпили. Они и не хотели, сэр, но я их убедил, значит.

– Очень хорошо, Полвил, – сказал он.

Какое облегчение узнать, что хоть одна забота свалилась с его плеч!

– А теперь насчет вас, сэр, – продолжал Полвил. – Я вам сухую одежду принес, из сундука в вашей кладовой, сэр, – боюсь, последний бортовой залп все в вашей каюте перепортил. И еще я принес вам плащ, сэр, все сухое и теплое. Желаете переодеться здесь или внизу, сэр?

Полвил умел многое подать как непререкаемую истину и вкрадчиво добиваться остального. Еще минуту назад Хорнблауэр опасался, что всю ночь будет таскать по шканцам усталое тело в тяжелой и мокрой одежде, а поискать другой выход ему мешало нервное напряжение. Откуда-то возник парусиновый стульчик леди Барбары, Полвил принаготовил его к поручню, уговорил Хорнблауэра сесть и поужинать сухарями с ромом. Полвил укутал его плащом, полагая решенным, что Хорнблауэр будет сидеть здесь, коли уж твердо вознамерился не уходить вниз.

Он сидел, брызги ударяли ему в лицо, «Лидия» подпрыгивала и кренилась, и вот чудесным образом голова упала на грудь, и он уснул. Это был дерганный, судорожный сон, но на удивление укрепляющий. Хорнблауэр просыпался каждые несколько минут. Дважды его будил звук собственного храпа. Несколько раз он резко открывал глаза, смотрел, не улучшилась ли погода; иногда его вырывали из забытья бегущие сквозь сон мысли – это случалось, когда во сне он приходил к очередному пугающему заключению, как Англия и команда «Лидии» будут теперь его воспринимать.

Вскоре после полуночи моряцкое чутье окончательно разбудило Хорнблауэра. Что-то происходило с погодой. Он тяжело встал. Корабль все так же мотало, но, понюхав воздух, Хорнблауэр понял – погода улучшается. Он подошел к нактоузу. Из темноты возник Буш.

– Ветер отошел к югу и слабеет, – сказал Буш.

Переменившийся ветер вздыбил атлантические валы – «Лидия» дико подпрыгивала и моталась из стороны в сторону.

– Все равно черно, как в ботфортах у князя тьмы, сэр, – проворчал Буш, вглядываясь во мрак.

Где-то – может, в двадцати милях от них; может, в двухстах ярдах – «Нативидад» сражается с тем же штормовым ветром. Если луна проглянет сквозь бешено несущиеся облака, схватка возможна в любую минуту, но сейчас Хорнблауэр с Бушем едва различали со шканцев неясные очертания грот-марселя.

– Когда мы его последний раз видели, его сносило ветром куда сильнее, чем нас, – задумчиво проговорил Буш.

– Мне случилось заметить это самому, – буркнул Хорнблауэр.

В такой темноте, как бы ни слабел ветер, они ничего поделать не смогут. Хорнблауэр предвидел впереди столь частый в жизни флотского офицера период вынужденного безделья, когда все готово к бою и остается только ждать. Он знал, что будет беситься, если только даст себе волю, и понял – ему вновь представилась возможность показать себя человеком с железными нервами.

– Я, пожалуй, посплю, – произнес он безучастно. – Следите, пожалуйста, чтобы впередсмотрящие не дремали, мистер Буш. И прикажите меня разбудить, как только станет светлее.

– Есть, сэр, – сказал Буш, и Хорнблауэр вернулся к своим стульчику и плащу.

Он просидел всю ночь, старательно не шевелясь, чтобы офицеры на шканцах считали его спящим и восхищались крепостью его нервов. Он напряженно думал, что же предпримет Креспо.

«Нативидад» поврежден серьезно – вряд ли Креспо сумеет починить его в море. Значит, ему выгоднее всего взять курс на залив Фонсека – а там уже поставить новые фок-мачту и грот-стенгу. Если «Лидия» попытается схватиться с ним там, в замкнутых водах, все преимущества будут на стороне более мощного «Нативидада»; он сможет рассчитывать на поддержку береговых лодок и даже, возможно, береговых батарей. К тому же он свезет на берег раненых и восполнит потери – даже новички сгодятся, чтобы довершить бой. Креспо – человек гибкого ума и не постыдится отступить, если это сулит ему преимущества. Единственное сомнение – решится ли он предстать перед Эль-Супремо после неудачной операции.

Хорнблауэр сидел, взвешивая то, что знал о характере Креспо и характере Эль-Супремо. Он помнил бойкую речь Креспо – такой даже Эль-Супремо сможет убедить, что вернулся, не добив «Лидию», лишь во исполнение хитроумного плана, призванного наверняка уничтожить неприятеля. Конечно, ему лучше всего вернуться. Это он, скорее всего, и попытается сделать, а значит – попробует увернуться от «Лидии». В таком случае он... Хорнблауэр начал лихорадочно просчитывать теперешнее положение «Нативидада» и его вероятный курс. У него большой корпус и две палубы – за ночь его должно было снести гораздо сильнее, чем «Лидию», – кстати, при наступлении темноты он и был гораздо дальше под ветром. Поскольку ветер меняет направление и стихает, Креспо скоро поднимет паруса – насколько это возможно на изувеченном корабле. Для залива Фонсека ветер почти встречный. Приближаться к берегу будет, по мнению Креспо, опасно, ибо тогда «Лидия» сможет отрезать его от моря и навязать бой. Скорее всего, он выйдет дальше в море, по возможности лавируя к югу, и длинным обходным путем направится к заливу Фонсека, держась подальше от берега. В таком случае Хорнблауэр может вычислить, каково будет его положение на заре. Он погрузился в расчеты.

Пробило восемь склянок. Позвали вахту. Хорнблауэр слышал, как Джерард принял палубу у Буша. Ветер быстро стихал, хотя волнение на море пока не ослабевало. Он посмотрел вверх – небо заметно посветлело. Кое-где меж облаков проглядывали звездочки. Сейчас Креспо поставит паруса. Пришло время решаться. Хорнблауэр встал со стульчика и подошел к нактоузу.

– Пожалуйста, поставьте паруса, мистер Буш.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр задал курс, точно зная, что может попасть пальцем в небо. Что, если он начисто просчитался? Тогда «Лидия» с каждым ярдом удаляется от «Нативидада». Возможно, в эту самую минуту Креспо позади них правит к безопасности. Если «Нативидад» укроется в заливе Фонсека, Хорнблауэру, вполне вероятно, вообще не удастся его уничтожить. Кое-кто объяснит его провал недостатком профессионализма, а другие (и их будет большинство) – трусостью.

XVII

С мачты «Лидии» ясным днем в Тихом океане корабль можно различить на расстоянии миль двадцати. Таким образом, под наблюдением оказывался круг радиусом в двадцать миль. Оставшиеся до рассвета часы Хорнблауэр напряженно считал – прикидывал параметры круга, внутри которого вероятно обнаружить неприятеля. «Нативидад» может быть совсем рядом, а может – в пятидесяти или даже в ста милях. Это означает, что взаимное расположение кораблей на заре определяется чистой случайностью. Почти пятьдесят против одного, что они «Нативидад» не увидят; пятьдесят шансов против одного, что профессиональная репутация Хорнблауэра безвозвратно погибнет, и лишь его профессиональные способности могут изменить это соотношение. Оставалось надеяться, что он угадал верно. Офицеры знали это не хуже него. Хорнблауэр в темноте чувствовал на себе любопытные взгляды Джерарда и потому стоял неподвижно, а не ходил взад и вперед по палубе, хотя с приближением рассвета сердце у него забилося сильнее.

Чернота сменилась серостью. Теперь уже можно было угадать очертания корабля, ясно видны были грот- и фор-марсели. За кормой на сером небе проступал слабый розоватый отсвет. Вот уже за бортом бегут не только белые гребни, но и сами волны. Впереди погасли звезды. Привычный глаз уже видел на милю вокруг корабля. И вот, когда «Лидия» приподнялась на волне, за кормой на востоке блеснуло над горизонтом золотистое зернышко, исчезло, вновь появилось и стало расти. Вскоре оно превратилось в большой ломоть солнца и принялось впитывать слабую мгlistую дымку над морем. Потом поднялся весь диск, и чудо восхода завершилось.

– Вижу парус! – оглушительно заорал впередсмотрящий. Хорнблауэр угадал правильно.

Прямо впереди, милях в десяти от них, покачивался «Нативидад», до странности непохожий на тот, что они видели вчера утром. Каким-то образом там установили временный рангоут. Там, где раньше стояла фок-мачта, теперь торчал обломок фор-стенги, неуклюже наклоненный к корме. Грот-стенгу заменили легким рангоутным деревом, – вероятно, бом-брам-стенгой. На временных мачтах красовалось странное собрание плохо прилаженных парусов – кливеров, блиндов и стакселей, призванных уравновесить действие грота, крьюселя, контрбизани и удерживать корабль круто к ветру. «Мамаша Браун развесила свою постирушку», – заметил Буш.

Завидев «Лидию», неприятель положил руль на борт – мачты слились – и двинулся прочь от фрегата.

– Будет кильватерная погоня, – сказал Джерард, не отрывая от глаз подзорную трубу. – Полагаю, им хватило вчерашнего.

Хорнблауэр слышал это замечание. Сам он лучше понимал Креспо. Если тому выгодно оттянуть бой (а это несомненно так), он вполне разумно будет тянуть до последнего. В море ничто нельзя предсказать наверняка. Что-то может помешать «Лидии» вступить в бой – неожиданно-негаданно налетит шквал и сломает ей мачту, внезапно упадет туман, – да мало ли что случается в море! Пока остается шанс уйти от «Лидии», Креспо постарается его не упустить. Все это было логично, хотя и не очень доблестно, вполне в духе Креспо.

Долг Хорнблауэра – этого не допустить. Он внимательно посмотрел вслед «Нативидаду», окинул взглядом паруса «Лидии», убедился, что все дают тягу, и напомнил себе о людях.

– Пошлите матросов завтракать, – сказал он. Каждый капитан королевского судна старается по возможности вести матросов в бой сытыми.

Сам он остался на палубе и, не в силах больше стоять, заходил взад и вперед по шканцам. Сейчас «Нативидад» ищет спасения в бегстве, но Хорнблауэр знал, что, настигнутый, он будет сражаться отчаянно. На хрупкую древесину фрегата вновь посыплются двадцатичетырехфун-

товые ядра. Они вчера нанесли достаточный урон – Хорнблауэр слышал скорбный перестук помп, которые откачивали непрерывно поступающую в пробоины воду. Этот перестук так и не смолкал со вчерашнего дня. С временной мачтой, текущая, как сито, несмотря на парус под днищем, потерявшая убитыми и ранеными шестьдесят четыре человека из своей и так немногочисленной команды, «Лидия» будет не в состоянии выдержать серьезный бой. Быть может, за этой полосой синего моря ее ждет поражение, а его – гибель.

Вдруг рядом появился Полвил. В руке он держал поднос.

– Завтрак, сэр. А то ваше время обедать придет, когда мы будем сражаться.

Увидев поднос, Хорнблауэр вдруг осознал, как страстно желает эту дымящуюся чашку кофе. Он жадно схватил ее, торопливо глотнул и тогда только вспомнил, что не должен показывать себя перед слугой простым смертным, способным испытывать голод или жажду.

– Спасибо, Полвил, – сказал он, отпивая помаленьку.

– А ейная милость шлют вам свои приветствия, сэр, и просят, чтобы им разрешили остаться в кубрике, когда начнется бой.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр, уставясь на Полвила.

Неожиданная просьба застигла его врасплох. Всю ночь он старался забыть о леди Барбаре, как иной старается забыть про зубную боль. В кубрике леди Барбара будет отделена от раненых одной лишь тоненькой занавеской. Это не место для женщины. Но то же можно сказать о канатной кладовой. Говоря по чести, на идущем в бой фрегате женщине вообще не место.

– Отправьте ее куда хотите, лишь бы подальше от ядер, – бросил он раздраженно.

– Есть, сэр. Еще ейная милость просили сказать, что желают вам сегодня всяческой удачи, сэр, и... и... не сомневаются, что вы добьетесь успеха, которого... которого заслуживаете.

Полвил произнес эту длинную речь с запинкой – он явно выучил ее не так хорошо, как желал бы.

– Спасибо, Полвил, – мрачно произнес Хорнблауэр.

Он вспомнил, как леди Барбара смотрела на него вчера с главной палубы. Лицо ее было четко очерченное и пронзительное, как шпага, – такое уж нелепое сравнение пришло ему в голову.

– Кхе-хм, – сказал он сердито. Он знал, что лицо его смягчилось, – не хватало, чтобы Полвил заметил и, сопоставив с темой разговора, угадал причину. – Идите вниз и позаботьтесь, чтобы ее милости было удобно.

Матросы, закончив завтракать, вывалили на палубу, помпы застучали повеселее – уставшие работники сменились новыми. Орудийные расчеты встали у пушек, немногие свободные от дел собрались на полубаке и рьяно обсуждали продвижение корабля.

Буш явился на шканцы вестником беды.

– Как вы думаете, сэр, ветер подержится? – спросил он. – Что-то мне кажется, солнце его глотает.

Сомнений быть не могло: по мере того как солнце поднималось, ветер стихал. Волны по-прежнему были короткие и крутые, но «Лидия» двигалась по ним без былой легкости. Она неизящно дергалась и кренилась с носа на корму, лишенная устойчивой тяги, какую давал бы хороший ветер. Небо над головой быстро приобретало голубоватый металлический оттенок.

– Мы их быстро нагоняем, – сказал Хорнблауэр, не отрываясь взглядом от «Нативидада», чтобы не обращать внимания на предостережение стихий.

– Три часа, и мы их догоним, – сказал Буш. – Лишь бы ветер подержался.

Становилось жарко. Горячие солнечные лучи казались еще горячее после относительной прохлады ушедшей ночи. Матросы перебрались в тень под переходными мостиками и устало лежали там. Мерный перестук помп теперь, когда ветер ослаб, казалось, стал громче. Хорнблауэр вдруг понял, что, если хоть на минуту подумает об усталости, она его одолеет. Он упрямо стоял на шканцах, солнце пекло ему спину. Он ежеминутно поднимал подзорную трубу

и смотрел на «Нативидад». Буш суетился, разворачивал паруса – ветер часто менял направление.

– Держи ровнее, черт тебя подери, – рявкнул он рулевому, заметив, что нос корабля отклонился в подошву волны.

– Не могу, сэр, прошу прощения, – был ответ. – Ветер слишком слабый.

Это было верно. При таком слабом ветре «Лидия» не могла делать два узла, необходимых для управления рулем.

– Нам придется намочить паруса. Мистер Буш, займитесь этим, пожалуйста, – сказал Хорнблауэр.

На это пришлось отрядить целый дивизион. Мокрые паруса удержат ветер, который не удержали бы сухие. Гордени основали в блоки на ноках реев, ими поднимали в ведрах морскую воду и лили ее на полотно. Солнце пекло так сильно, вода испарялась так быстро, что ведра спускали и поднимали непрерывно. К стуку помп теперь добавился скрип шкивов в блоках. «Лидия» ползла, бешено подпрыгивая между мятущимися волнами и сияющим небом.

– А он уже румбы считает, – сказал Буш, указывая большим пальцем на далекий «Нативидад». – Где ему тягаться с этакой красотищей? Новый горе-рангоут его не спасет.

«Нативидад» бестолково вертелся на волнах, поворачиваясь то бортом, то кормой, не в силах удержать курс на слабом ветру. Буш торжествующе посмотрел на свою новую бизань-мачту, на пирамиду парусов, потом на вертящийся «Нативидад» – до него было уже меньше пяти миль. Минуты тянулись, и лишь корабельные шумы отмечали продвижение корабля. Хорнблауэр стоял на изнуряющей жаре, вертя в руках подзорную трубу.

– Вот и ветер, клянусь Богом! – вдруг сказал Буш. Корабль немного накренился, такелаж тихонько запел. – Стой тянуть ведра.

«Лидия» упорно ползла вперед, кренясь и опускаясь в шумящие под ее носом волны. «Нативидад» заметно приближался.

– Он скоро и до них доберется. Ага? Что я говорил?

Паруса «Нативидада» наполнились. Он выпрямился на курсе.

– Им ветер не поможет так, как нам. Господи, лишь бы он подержался! – сказал Буш.

Ветер на секунду стих и возобновился с новой силой. Теперь, когда «Нативидад» поднялся на волне, он был виден уже целиком. Еще час – даже меньше часа, – и они будут на расстоянии выстрела.

– Скоро мы сможем стрелять по нему с дальней дистанции.

– Мистер Буш, – проговорил Хорнблауэр язвительно. – Я могу оценить ситуацию без ваших глубокомысленных замечаний.

– Прошу прощения, сэр.

Буш был задет. Секунду он сердито наливался краской, потом заметил озабоченность в усталых глазах Хорнблауэра и затопал к противоположному поручню, чтобы в одиночестве унять обиду.

Тут, словно желая вставить свое слово, оглушительно хлопнул большой грот. Ветер стих так же беспричинно, как и поднялся. Там, где был «Нативидад», он еще дул, и «Нативидад», подгоняемый порывистым ветром, твердо шел вперед, вновь отрываясь от «Лидии». В Тихом океане, в тропиках, один корабль может лежать, застигнутый штилем, другой – идти с попутным ветром, подобно тому как крутые волны, на которых они качались, означали, что вчерашний шторм еще продолжается за горизонтом, в Тегуантепекском заливе. Хорнблауэр неспокойно переминался под палящим солнцем. Он боялся, что «Нативидад» уйдет прямо у него из-под носа. Ветер совсем стих, мочить паруса было бессмысленно. «Лидия» кренилась с боку на бок и поворачивалась по воле волн. Прошло десять секунд, прежде чем Хорнблауэр успокоился, увидев подобное же поведение «Нативидада».

Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. «Лидия» яростно качалась с боку на бок под судорожный скрип древесины, хлопанье парусов, перестук блоков. Лишь помпы не прекращали работу, их упорный лязг плыл в горячем воздухе. До «Нативидада» оставалось четыре мили – на полторы мили больше, чем покрывала любая из пушек «Лидии».

– Мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Мы будем буксировать корабль шлюпками. Спустите тендер и баркас.

В первую секунду Буш посмотрел с сомнением. Он опасался, что противник сделает то же. Однако он понял – как Хорнблауэр понял прежде него, – что субтильную «Лидию» буксировать будет гораздо легче, чем неуклюжий «Нативидад». И есть надежда, что после вчерашнего боя у противника вовсе не осталось шлюпок, способных держаться на воде. Сблизиться с неприятелем любой ценой – в этом был долг Хорнблауэра.

– Спустить шлюпки! – заорал Гаррисон. – Команду в тендер, команду в баркас!

Засвистели дудки. Матросы выстроились в цепочки у талей, шлюпки по очереди закачались в воздухе и опустились на воду. Их команда подставляла кранцы, отталкиваясь от нависающего борта «Лидии».

Для матросов начался долгий, выматывающий труд. Они гребли, шлюпки прыгали по крутым волнам, и вот тросы натянулись, принимая напряжение. Теперь матросы налегали, что есть мочи, но, казалось, не двигались с места, только без толку пенили веслами синюю воду. Потом «Лидия» соизволила немного проползти, и все повторилось снова. Мешали волны – иногда все матросы по одному борту разом «ловили леща», так что шлюпка разворачивалась, чуть не врезаясь в другую. «Лидия», такая покладистая и грациозная под парусами, на буксире вела себя сущей стервой.

Она уклонялась от курса, она проваливалась в подошву волны и под плеск весел тащила шлюпки назад, к своему дрожащему носу, потом, передумав, так быстро устремлялась за двумя натянутыми тросами, что гребцы, не рассчитав силы, падали навзничь, рискуя в этот миг опасности оказаться под кораблем.

Они работали голыми. По лицам и туловищам ручьями катился пот. В отличие от своих товарищей у помп они не могли забыться в одуряющей монотонности – от них постоянно требовалось внимание. Унтер-офицер на корме время от времени раздавал дополнительные порции воды, но их не хватало, чтобы утолить мучительную жажду. Матросы гребли и гребли, их намозоленные годами морской службы ладони трескались и шли пузырями, так что нестерпимо было уже держать весла.

Хорнблауэр отлично знал, каким мучениям они подвергаются, – сам он не выдержал бы и получаса такой работы. Он приказал, чтобы гребцов сменяли каждые полчаса, и всячески старался их ободрить. Он глядел на них со смущенной жалостью. Три четверти его матросов чуть больше полугода назад не были и не намеревались быть моряками – их загребли во время повальной вербовки. Хорнблауэр против воли испытывал то, чего, наверно, никогда не испытывали его офицеры, – он видел в команде не марсовых или шкафутных, а тех, кем они были до вербовки: грузчиков, паромщиков, носильщиков.

Среди них были даже возчики и гончары – даже два приказчика и один наборщик. Этих людей оторвали от семьи, от привычной работы и принудили к тяжелому труду, негодной пище, ужасным условиям жизни, страху перед кошками и ротанговой тростью Гаррисона, а вдобавок – опасности утонуть или погибнуть в бою. Хорнблауэр, впечатлительный от природы, остро сочувствовал им, даже сознавая всю недопустимость подобной жалости. Мало того, он (как и некоторые другие либералы) с годами впадал во все больший либерализм. Но все слабости отступали перед жгучим беспокойством, толкавшим его довершить начатое. Он видит «Нативидад», значит не может отдыхать, пока с ним не сразится, а раз капитан не отдыхает, тем более не могут отдыхать матросы – разламывающиеся спины и кровоточащие ладони не в счет.

Тщательно измерив углы секстаном, он мог уверенно сказать, что к концу часа матросы своими усилиями подтащили «Лидию» чуть ближе к «Нативидаду». Буш, проделавший те же наблюдения, согласен. Солнце поднималось выше, «Лидия» дюйм за дюймом ползла к неприятелю.

– «Нативидад» спустил шлюпку, сэр! – крикнул Ниветт с фор-салинга.

– Сколько весел?

– Думаю, двенадцать, сэр. Они берут корабль на буксир.

– На здоровьице, – презрительно хмыкнул Буш. – На двенадцати веслах они эту лохань далеко не утянут.

Хорнблауэр сверкнул на него глазами, и Буш вновь ретировался на свою сторону шканцев: он забыл, что капитан не в настроении беседовать. Нервы были напряжены до предела. Он стоял под палящим солнцем, жар поднимался от палубы, потная рубашка натирала тело. Он чувствовал себя запертым, словно пойманный зверь, в клетке мелких практических деталей. Бесконечный перестук помп, качка, шуршание такелажа, скрип весел в уключинах – все это сводило его с ума. Казалось, он заорет (или разрыдается) от любого пустяка.

В полдень Хорнблауэр поменял матросов на веслах и у помп, затем отправил команду обедать и с горечью вспомнил, что они завтракали в ожидании скорого боя. В два часа он начал подумывать, не подошли ли они к «Нативидаду» на расстояние очень дальнего выстрела, но сам факт этих раздумий подсказал ему, что это не так. Он слишком хорошо знал свой нетерпеливый характер и потому поборол искушение, не стал зря тратить порох и ядра. И вот, в тысячный раз подняв подзорную трубу, он увидел над кормой «Нативидада» белый диск. Диск распухал и превратился в тонкое облачко. Через шесть секунд глухой рокот выстрела достиг их ушей. Креспо явно решил попытать счастья.

– У них на шканцах две длинные восемнадцатифунтовки, – сказал Джерард Бушу недалеко от Хорнблауэра. – Тяжеловато для ретирадных орудий.

Хорнблауэр это знал. Почти час он должен будет сносить обстрел, прежде чем сможет пустить в ход бронзовые девятифунтовки на полубаке «Лидии». Еще клуб дыма появился над кормой «Нативидада». В этот раз Хорнблауэр увидел всплеск на гребне волны в полумиле впереди. Но, учитывая дистанцию и сильное волнение на море, это не значит, что пушки «Нативидада» не могут достать «Лидию». Хорнблауэр услышал свист следующего ядра и увидел фонтанчик брызг ядрах в пятидесяти от правой раковины.

– Мистер Джерард, – сказал он, – попросите мистера Марша посмотреть, что можно сделать с длинными девятифунтовками на полубаке.

Матросов подбодрит, если «Лидия» будет время от времени палить из пушек, а не просто безропотно сносить обстрел. Марш вразвалку вышел из темноты порохового погреба, моргая от ослепительного солнечного света. Он с сомнением потряс головой, прикидывая расстояние между кораблями, но пушку велел выдвинуть и своими руками любовно зарядил. Он заложил максимальный заряд и потратил несколько секунд, выбирая из ящика самое круглое ядро, потом тщательно направил пушку и отошел, держа в руке спусковой шнур. Некоторое время он наблюдал, как кренится «Лидия» и как движется ее нос. Десяток подзорных труб устремился на «Нативидад»: все ждали, куда упадет ядро. Марш дернул шнур. Пушка явственно громыхнула в неподвижном горячем воздухе.

– Два кабельтовых за кормой! – крикнул Ниветт с фор-салинга.

Хорнблауэр не заметил всплеска, в чем усмотрел лишнее доказательство своей профессиональной непригодности. Чтобы скрыть это, он вновь напустил на себя непроницаемый вид.

– Попробуйте еще, мистер Марш, – сказал он.

«Нативидад» теперь стрелял из обоих ретирадных орудий. Пока Хорнблауэр говорил, впереди раздался треск. Одно из восемнадцатифунтовых ядер ударило «Лидию» чуть ниже ватерлинии. Хорнблауэр слышал, как юный Сэвидж в баркасе разразился звонкими ругатель-

ствами, понукая гребцов, – видимо, ядро пролетело прямо у них над головой. Марш погладил бороду и принялся перезаряжать длинную девятифунтовку. Хорнблауэр тем временем просчитывал шансы на благоприятный исход боя.

Девятифунтовка, хоть и малокалиберная, была дальше, чем короткие пушки главной палубы; каронады же, составляющие половину вооружения «Лидии», годились только для стрельбы на близкое расстояние. «Лидии» придется еще долго ползти к «Нативидаду», прежде чем она сможет успешно ему ответить. Предстоит пережить долгий и опасный промежуток времени, когда «Нативидад» уже сможет пустить в ход пушки, а «Лидия» – еще нет. Будут убитые и раненые, возможно – поврежденные пушки, серьезные поломки. Пока мистер Марш, сощурился, смотрел в прицел девятифунтовки, Хорнблауэр пытался взвесить все за и против сближения с врагом. Вдруг он ухмыльнулся и перестал тянуть себя за подбородок – он определился окончательно. Он начал бой и любой ценой доведет его до конца. Его гибкий ум застыл в упорной решимости.

Как бы подкрепляя эту решимость, громыхнула девятифунтовка.

– Совсем рядом! – победно завопил Ниветт с фор-салинга.

– Прекрасно, мистер Марш, – сказал Хорнблауэр.

Марш довольно потянул себя за бороду.

«Нативидад» теперь стрелял чаще. Трижды громкий треск возвещал о попадании. Вдруг словно какая-то невидимая рука зашатала Хорнблауэра, уши наполнил душераздирающий грохот. У гакаборта сидел морской пехотинец, тупо созерцая левую ногу – на ней не было ступни. Другой пехотинец со стуком выронил ружье и прижал руку к разорванному щепкой лицу. Между пальцев у него текла кровь.

– Вы ранены, сэр? – воскликнул Буш, одним прыжком оказываясь возле Хорнблауэра.

– Нет.

Хорнблауэр отвернулся и, пока раненых уносили, глядел в подзорную трубу на «Нативидад». Рядом с кораблем появилось длинное пятно, удлинилось и отошло в сторону. Это шлюпка, которой прежде пытались буксировать «Нативидад», – вероятно, Креспо осознал бессмысленность своей затеи. Но шлюпку все не поднимали. Секунду Хорнблауэр был озадачен, но тут все объяснилось. Видны стали короткие временные фок- и грот-мачты: шлюпка усердно разворачивала корабль боком к англичанам. Скоро не две, а двадцать пять пушек откроют огонь по «Лидии».

Дыхание участилось, к горлу подкатил комок. Пульс тоже участился. Не отрывая от глаза подзорную трубу, Хорнблауэр удостоверился, что правильно понял маневр неприятеля, потом лениво прошел на переходный мостик. Он принуждал себя изображать веселость и бесшабашность: дураки-матросы, которыми он командует, охотнее будут сражаться за такого капитана.

– Скоро у нас над головой пролетит несколько камушков, – объявил он. – Покажите, что англичане видали и не такое.

Хорнблауэр не ошибся: матросы отвечали бодрыми выкриками. Он вновь поднял к глазам подзорную трубу. «Нативидад» еще поворачивал. Долгое дело – в полный штиль развернуть неуклюжий двухпалубный корабль. Но все три мачты уже разошлись, и Хорнблауэр угадывал белые полосы на бортах «Нативидада».

– Кхе-хм, – сказал он.

Он слышал, как скрипят весла, – гребцы всё тащили и тащили «Лидию» к неприятелю. На палубе несколько офицеров – в том числе Буш и Кристел – отвлеченно обсуждали возможный процент попаданий при бортовом залпе с испанского судна на расстоянии мили. Они говорили с хладнокровием, какое Хорнблауэр и не мечтал воспроизвести достоверно. Он меньше – гораздо меньше – боялся смерти, чем поражения и презрительной жалости собратьев. Сильнее всего страшило увечье. Когда бывший флотский офицер ковыляет на двух деревяшках, его жалеют и называют героическим защитником Англии, но за глаза высмеивают. Думать, что он

сделается посмешищем, было невыносимо. Он может лишиться носа или щеки, получить такое увечье, что на него противно будет смотреть. Его передернуло. За этими жуткими мыслями он не вспомнил о сопутствующих деталях, о мучениях, которым подвергнется в полутемном лазарете под неумелыми руками Лори.

«Нативидад» вдруг окутался дымом. Через несколько минут воздух и вода вокруг «Лидии», да и сам корабль, задрожали от ядер.

– Не больше двух попаданий, – торжествующе объявил Буш.

– Как я и говорил, – сказал Кристел. – Их капитану надо бы ходить от пушки к пушке и каждую направлять самому.

– Почему вы знаете, – может, он так и делает? – возразил Буш.

В их беседу вступил еще один голос – вызывающе громыхнула девятифунтовка. Хорнблауэру почудилось, что он увидел полетевшие над палубой щепки, хотя при таком расстоянии это было маловероятно.

– Отлично, мистер Марш! – крикнул он. – Прямое попадание!

«Нативидад» дал еще бортовой залп, и еще один, и еще. Раз за разом через всю палубу «Лидии» проносились ядра. На палубе лежали убитые, стонали раненые. Раненых уносили вниз.

– Любому, у кого есть математический склад ума, ясно, – заметил Кристел, – что эти пушки наводили разные руки. В противном случае не было бы такого разброса ядер.

– Чепуха, – стоял на своем Буш. – Посмотрите, сколько времени проходит между двумя бортовыми залпами. Достаточно, чтобы один человек навел все пушки. Иначе что бы они делали все это время?

– Даго... – начал Кристел, но неожиданный хлопок над головой заставил его на время замолчать.

– Мистер Гэлбрейт! – крикнул Буш. – Прикажете сплеснить грот-брам-штаг. – Потом торжествующе обернулся к Кристелу. – Заметили вы, – спросил он, – что все ядра пролетели высоко? Как это объясняет ваш математический ум?

– Они стреляют, когда борт поднялся на волне, мистер Буш. Странно, мистер Буш, как после Трафальгара вы...

Хорнблауэр страстно желал оборвать выматывающий его нервы спор, но был неспособен на такое тиранство.

В недвижимом воздухе пороховой дым окутал «Нативидад» так, что тот призрачно маячил в облаке, над которым возвышалась только одинокая бизань-мачта.

– Мистер Буш, – спросил Хорнблауэр, – как по-вашему, сколько сейчас до него?

– Я бы сказал, три четверти мили, сэр.

– Скорее две трети, сэр, – сказал Кристел.

– Вашего мнения не спрашивают, мистер Кристел, – огрызнулся Хорнблауэр.

Три четверти мили, даже две трети – слишком много для каронад «Лидии». Она должна идти вперед под обстрелом. Буш, судя по его следующему приказу, был того же мнения.

– Пора сменить гребцов, – сказал он и пошел на бак.

Хорнблауэр услышал, как он загоняет в шлюпки новых матросов – надо было поторапливаться, пока «Лидия» не потеряла свою и так небольшую скорость.

Было нестерпимо жарко, хотя солнце давно перевалило за полдень. Запах крови мешался с запахом нагретых палубных пазов и запахом дыма от девятифунтовок, из которых Марш исправно бомбардировал врага. Хорнблауэру было худо – он всерьез опасался, что опозорит себя навеки, начав блевать на виду у всей команды. Он настолько ослабел от усталости и тревоги, что мучительно ощущал качку.

Матросы у пушек замолчали – прежде они смеялись и шутили, но теперь сникли под обстрелом. Это дурной знак.

– Позовите Салливана, пусть придет со скрипкой, – приказал Хорнблауэр.

Полоумный ирландец вышел на корму и козырнул, держа скрипку и смычок под мышкой.

– Сыграй нам, Салливан, – приказал Хорнблауэр. – Эй, ребята, кто из вас лучше всех танцует хорнпайп?

По этому вопросу, очевидно, существовало разногласие.

– Бенскин, сэр, – выкрикнули несколько голосов.

– Холл, сэр, – вмешались другие.

– Нет, Макэвой, сэр.

– Тогда устроим состязание, – сказал Хорнблауэр. – Бенскин, Холл, Макэвой. Гинея тому, кто спляшет лучше.

В последующие годы рассказывали и пересказывали, как «Лидию» буксировали в бой, а на главной палубе отплясывали хорнпайп. Это приводили как пример смелости и выдержки капитана, и только сам Хорнблауэр знал, как мало правды в этой похвале. Надо было подбодрить матросов – вот почему он это сделал. Никто не знал, что его чуть не стошнило, когда в носовой орудийный порт влетело ядро, забрызгав Холла матросскими мозгами, но не заставив пропустить коленце.

Позже спереди послышался треск, крики и стоны.

– Баркас затонул, сэр! – крикнул Гэлбрейт с полубака; но Хорнблауэр был уже там.

Ядро разбило баркас чуть ли не на отдельные доски. Уцелевшие матросы барахтались в воде, хватались за ватерштаг или карабкались в тендер – все боялись акул.

– Даго избавили нас от лишних хлопот – не придется поднимать баркас, – объявил Хорнблауэр громко. – Мы уже близко и можем показать зубы.

Слышавшие его матросы закричали «ура!».

– Мистер Хукер! – крикнул он мичману в тендере. – Когда всех подберете, будьте любезны, поверните руль вправо. Мы откроем огонь.

Он вернулся на шканцы.

– Руль круто направо. Мистер Джерард, открывайте огонь, как только сможете навести пушки.

«Лидия» очень медленно развернулась. Еще один бортовой залп с «Нативидада» обрушился на нее, но Хорнблауэр попросту не заметил. Окончилось вынужденное бездействие. Он подвел свой корабль на четыреста ярдов к неприятелю, и теперь его единственная обязанность – ходить по палубе, показывая матросам пример. Решений больше принимать не надо.

– Ввести затворы! – кричал Джерард на шкафуте.

– Суши весла, мистер Хукер. Шабаш! – кричал Хорнблауэр.

«Лидия» поворачивалась дюйм за дюймом, Джерард, прищурясь, смотрел вдоль одной из пушек правого борта, выжидая время.

– Цельсь! – крикнул он и отступил, оценивая бортовую качку. – Пли!

Прогремели выстрелы, за клубился дым, «Лидия» накренилась от отдачи.

– Давай еще, ребята! – прокричал сквозь грохот Хорнблауэр.

С началом боя его охватило радостное возбуждение. Страх перед увечьем прошел. В тридцать секунд пушки перезарядили, выдвинули и выстрелили. Снова, и снова, и снова. Джерард наблюдал за качкой и подавал команду стрелять. Позже Хорнблауэр припоминал пять бортовых залпов с «Лидии» и только два с «Нативидада». Такая скорость стрельбы с лихвой перекрывала превосходящую огневую мощь неприятеля. На шестой раз одна пушка выстрелила секундой раньше, чем Джерард отдал команду. Хорнблауэр бросился вперед, отыскать провинившийся орудийный расчет. Это было нетрудно – они прятали глаза и подозрительно сустились. Он погрозил им пальцем.

– Без спешки! – приказал он. – Следующего, кто выстрелит не вовремя, выпорю.

При такой дальности стрельбы важно все время держать матросов в руках – в пылу боя занятые перезарядкой и наводкой канониры могут и не уследить за качкой.

– Да здравствует старик Хорни! – выкрикнул неизвестный голос впереди.

Раздался смех и одобрительные выкрики. Их оборвал Джерард, вновь скомандовав: «Пли!»

Все судно окуталось густым, как лондонский туман, дымом. Хотя над головой светило яркое солнце, со шканцев невозможно было различить людей на полубаке и в неестественной темноте видны были только оранжевые вспышки. «Нативидад» виднелся огромным облаком дыма, из которого торчала одинокая стена. Густой смог, плывший над палубой серыми клубами, щипал глаза и раздражал легкие. Кожа начала чесаться.

Хорнблауэр увидел рядом с собой Буша.

– «Нативидад» почувствовал наш обстрел, сэр, – прокричал тот сквозь грохот. – Они стреляют как попало. Только посмотрите, сэр.

Из последнего бортового залпа в цель попали только два ядра. Полдюжины зарылись в воду за кормой «Лидии», окатив шканцы водопадом брызг. Хорнблауэр радостно кивнул. Значит, он был прав, рискнув подойти на такое расстояние. Чтобы стрелять часто и целить метко в грохоте, дыму и смятении морского боя, требовались дисциплина и умение, какими, он знал, команда «Нативидада» не обладает.

Он посмотрел сквозь дым на главную палубу «Лидии». Человек посторонний, наблюдая суетливую беготню юнг с кокорами, яростные усилия орудийных расчетов, слыша грохот, видя темноту, убитых и раненых, счел бы все это полной неразберихой. Хорнблауэр знал лучше. Все, что здесь происходило, каждый шаг каждого человека был частью схемы, разработанной им семь месяцев назад – еще до выхода в море – и вбитой в головы команды посредством долгой и утомительной муштры. Хорнблауэр видел Джерарда у грот-мачты. У того было одухотворенное, как у святого, лицо – пушки, подобно женщинам, были страстью Джерарда. Хорнблауэр видел мичманов и других уорент-офицеров. Каждый стоял у своего субдивизиона, каждый ловил крики Джерарда и следил, чтобы его пушки стреляли ритмично. Хорнблауэр видел прибойничьих с прибойниками, банителей с банниками, видел, как канониры, подняв правую руку, склоняются над казенными частями орудий.

С батареи левого борта сняли уже почти всех матросов. У каждой пушки оставались всего двое на случай, если внезапный поворот событий потребует открыть огонь с этого борта. Остальных распределили по кораблю: они заменяли убитых и раненых на правом борту, качали помпы, чей скорбный перестук неотступно звучал в ужасающем грохоте, отдыхали на веслах в тендере, устраняли поломки наверху. Хорнблауэр с благодарностью подумал о семи месяцах, давших ему возможность так вышколить команду.

Что-то – отдача пушек, слабое дуновение ветра, действие волн – разворачивало «Лидию». Хорнблауэр заметил, что пушки приходится все сильнее поворачивать вбок и это замедляет стрельбу.

Он бросился на полубак, пробежал по бушприту и оказался над тендером, откуда Хукер с матросами наблюдали за боем.

– Мистер Хукер, разверните нос корабля на два румба вправо.

– Есть, сэр.

Матросы согнулись над веслами, распрямились, согнулись и вновь распрямились. Шлюпка двинулась в сторону «Нативидада». Буксирный трос натянулся. В эту минуту еще одно плохо нацеленное ядро вспенило воду у самой шлюпки. Через несколько минут матросам удалось, налегая на весла, развернуть «Лидию». Хорнблауэр оставил их и побежал обратно на шканцы. Здесь его ждал бледный от страха юнга.

– Меня послал мистер Хауэлл, сэр. Кеттенс-помпа правого борта разбита в щепки.

– Да? – Хорнблауэр знал, что корабельный плотник не послал бы гонца, единственно чтобы передать этот крик отчаяния.

– Он вооружает новую, сэр, но она заработает не раньше, чем через час, сэр. Он велел передать вам, что вода понемногу прибывает, сэр.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр.

Ребенок, преодолев первое потрясение от разговора с капитаном, теперь смотрел на него круглыми доверчивыми глазами.

– У помпы разорвало в ключья четырнадцать человек, сэр. Просто ужас, сэр.

– Очень хорошо. Беги к мистеру Хауэллу и скажи: капитан уверен, что он сумеет быстро вооружить помпу.

– Есть, сэр.

Мальчик юркнул на главную палубу. Хорнблауэр видел, как он бежит вперед, увертываясь от спешащих туда и сюда людей. Ему пришлось объясниться с морским пехотинцем у люка – никто не имел права спускаться под палубу иначе как по делу. Хорнблауэр чувствовал, что сообщение Хауэлла не значит ровно ничего. Оно не требует решений. Ему оставалось только продолжать бой, пусть даже корабль тонет у него под ногами. Было утешительно не чувствовать никакой ответственности по этому поводу.

– Уже полтора часа, – сказал, появившись рядом, Буш. Он потирал руки. – Грандиозно, сэр. Грандиозно.

Хорнблауэр сказал бы, что прошло не больше десяти минут. Но Бушу виднее – в его обязанности входило следить за песочными часами у нактоуза.

– Ни разу не видел, чтобы даго так стреляли из пушек, – заметил Буш. – Они целят плохо, но залпы дают все с той же частотой. А мне кажется, мы здорово их помяли.

Буш попытался взглянуть на неприятеля, но мешал дым, и он комично замахал руками, словно мог разогнать дымовую завесу. Жест этот показал, что он совсем не так спокоен, как представляется со стороны, и доставил Хорнблауэру абсурдное удовольствие. Тут появился Кристел.

– Дым немного редет, сэр. Мне кажется, задул слабый ветер.

Он послунывил палец.

– Точно, сэр. Легкий бриз с левой раковины. Ага!

Пока он говорил, налетел более сильный порыв. Дым сплошным облаком проплыл над правой скулой. Сцена распахнулась, словно подняли театральный занавес. «Нативидад» выглядел голым остовом. Временная фок-мачта разделила судьбу своей предшественницы, за ней отправилась и грот-мачта. Бизань-мачта дико раскачивалась, волоча за собой огромный клубок тросов. Ниже фок-мачты три орудийных порта слились в одну большую дыру, как от выбитого зуба.

– Он сильно осел, – сказал Буш, но тут продырявленный борт изрыгнул новый залп.

На сей раз волею случая все ядра попали в «Лидию», что подтвердил громкий треск снизу. Дым клубился вокруг «Нативидада». Когда он рассеялся, наблюдатели увидели, как беспомощный корабль развернулся носом к ветру. В то же время ощущения подсказывали Хорнблауэру, что «Лидия» уже набрала достаточную для управления скорость. Рулевой вертел рукоятки штурвала, удерживая ее прямо. Хорнблауэр сразу увидел открывающиеся возможности.

– Один румб вправо! – приказал он. – Эй, на полубаке! Отцепите буксирный конец.

«Лидия» прошла мимо носа неприятеля, в грохоте и пламени поливая его продольным огнем.

– Обстенить грот-марсель, – приказал Хорнблауэр.

Сквозь грохот пушек слышались ликующие крики матросов. За кормой в золотисто-алой славе погружалось в воду багровое солнце. Скоро ночь.

– Пора им сдаваться. Дьявол, почему они не сдаются? – говорил Буш, пока бортовые залпы обрушивались на беспомощного врага, прочесывая его палубу с носа до кормы.

Хорнблауэр знал ответ. Корабль под командованием Креспо и флагом Эль-Супremo не сдастся. Он видел, как плещет в дыму золотая звезда на синем поле.

– Задай им жару, ребята, задай им жару! – кричал Джерард.

Дистанция сократилась, и теперь он предоставил канонирам стрелять независимо. Каждый орудийный расчет заряжал и палил так быстро, как только мог. Пушки разогрелись и при каждом выстреле подпрыгивали на лафетах, мокрые банники шипели в раскаленных жерлах, из них валил пар. Темнело. Вновь стали видны вспышки пушек, из жерл высывались длинные оранжевые языки. Высоко над быстро бледнеющей полосой заката проступила и ярко засияла первая звезда.

Бушприт «Нативидада», сломанный, повис над нижней частью форштевня. Потом в полумраке упала и бизань-мачта, сбита пролетевшим сквозь все судно ядром.

– Теперь-то они должны сдаться, клянусь Богом! – сказал Буш.

После Трафальгара Бушу пришлось командовать трофейным испанцем, и сейчас он вспоминал, как выглядит изувеченный в бою корабль – сбитые с лафетов пушки, груды убитых и раненых перекатываются по кренящейся палубе, повсюду горечь, боль и обреченность. Словно отвечая ему, с носа «Нативидада» блеснула вспышка и раздался грохот. Какие-то беззаветные храбрецы таями и правилами развернули пушку так, что она была прямо по курсу, и теперь стреляли по угадывающейся в темноте «Лидии».

– Всыпь им, ребята, сыпь! – орал Джерард, осатаневший от усталости и напряжения.

Ветер нес «Лидию» на качающийся остов. С каждой секундой дистанция сокращалась. Когда их не ослепляли вспышки, Хорнблауэр и Буш различали в темноте фигурки людей на палубе «Нативидада». Теперь те стреляли из ружей. Вспышки разрывали темноту, и Хорнблауэр слышал, как пуля ударилась в поручень рядом с ним. Ему было все равно. Он ощущал непомерную усталость.

Ветер налетал резкими порывами и все время менял направление. Трудно было, особенно впотьмах, определить, насколько сблизилась корабли.

– Чем ближе мы подойдем, тем скорее их прикончим, – заметил Буш.

– Да, но так мы скоро на них налетим, – сказал Хорнблауэр.

Он принудил себя к новому усилию.

– Велите матросам приготовиться отражать abordаж, – сказал он и пошел туда, где гремели две шканцевые каронады правого борта.

Орудийные расчеты так увлеклись, так загипнотизированы были монотонностью своей работы, что Хорнблауэру не сразу удалось привлечь их внимание. Он отдавал приказы, они стояли, обливаясь потом. Каронаду зарядили картечью, извлеченной из запасного ящика под гакабортом. Теперь канонирам оставалось ждать, склонившись у пушек, пока корабли сойдутся еще ближе. Пушки на главной палубе «Лидии» по-прежнему извергали огонь. С «Нативидада» неслись угрозы и оскорбления. Ружейные вспышки освещали толпу людей на баке – те ждали, пока корабли сойдутся. И все же борта столкнулись неожиданно, когда внезапное сочтание ветра и волн резко бросило один корабль на другой. Нос «Нативидада» с душераздирающим треском ударил «Лидию» в середину борта, впереди бизань-мачты. С адскими воплями команда «Нативидада» бросилась к фальшборту. Канониры у каронад схватились за спусковые шнуры.

– Ждите! – крикнул Хорнблауэр.

Его мозг работал, как счетная машина, учитывая ветер, волны, время и расстояние. «Лидия» медленно поворачивалась. Хорнблауэр заставил орудийные расчеты правилами вручную развернуть каронады. Толпа у фальшборта «Нативидада» ждала. Две каронады оказались прямо против нее.

– Пли!

Каронады выплюнули тысячу ружейных пуль прямо в плотно сгрудившихся людей. Минуту стояла тишина, потом по «Лидии» прокатилось оглушительное «ура!». Когда ликование стихло, слышны стали стоны раненых – ружейные пули прочесали полубак «Нативидада» от борта до борта.

Какое-то время два корабля оставались вплотную друг к другу. На «Лидии» еще больше десятка пушек могли стрелять по «Нативидаду». Они палили, почти касаясь жерлами его носа. Ветер и волны вновь развели корабли. Теперь «Лидия» была под ветром и дрейфовала от качающегося остова. На английском корабле стреляли все пушки, с «Нативидада» не отвечала ни одна. Смолкла даже ружейная стрельба.

Хорнблауэр вновь поборол усталость.

– Прекратите огонь, – крикнул он Джерарду.

Пушки умолкли.

Хорнблауэр посмотрел в темноту, туда, где переваливался на волнах громоздкий корпус «Нативидада».

– Сдавайтесь! – крикнул он.

– Никогда! – донесся ответ.

Хорнблауэр мог бы поклясться, что это голос Креспо – высокий и пронзительный. Креспо добавил пару нецензурных оскорблений.

На это Хорнблауэр мог с полным правом улыбнуться. Он провел свой бой и выиграл его.

– Вы сделали все, что требуется от храброго человека! – прокричал Хорнблауэр.

– Еще не все, капитан, – слабо донеслось из темноты.

Тут Хорнблауэр кое-что заметил – дрожащий отсвет над громоздким носом «Нативидада».

– Креспо, дурак! – закричал он. – Ваш корабль горит! Сдавайтесь, пока не поздно!

– Никогда!

Пушки «Лидии», почти прижатые к борту «Нативидада», забросили горящие пыжи в разбитую в щепки древесину. Сухой, как трут, деревянный корпус воспламенился, и огонь быстро разгорался. Он уже ярче, чем несколько минут назад: скоро весь корабль охватят языки пламени. Хорнблауэр первым делом обязан позаботиться о своем корабле, отвести его в безопасность – когда огонь доберется до картузов на палубе или до порохового погреба, «Нативидад» взорвется вулканом горящих обломков.

– Мы должны отойти от него, мистер Буш. – Хорнблауэр говорил сухо, чтобы скрыть дрожь в голосе. – Эй, к брасам!

«Лидия» развернулась и в бейдевинд пошла прочь от пылающего остова. Буш и Хорнблауэр неотрывно смотрели на него. Они уже видели языки пламени, вырывающиеся из разбитого носа – алый отблеск отражался в волнах. Внезапно огонь погас, словно задули свечу. Ничего не было видно в темноте, лишь бледные гребни волн. Море поглотило «Нативидад» прежде, чем его уничтожил огонь.

– Затонул, клянусь богом! – воскликнул Буш, перегибаясь через борт.

Несколько секунд длилось молчание. В ушах Хорнблауэра все еще звучало последнее «никогда». И все же очнулся он, вероятно, первым. Он развернул судно и вернулся к тому месту, где затонул «Нативидад». Послал Хукера на тендере поискать уцелевших – только тендер и остался из всех шлюпок. Гичка и ялик были разбиты в щепки, доски от баркаса плавали в пяти милях отсюда. Подобрали несколько человек: двух вытащили матросы на русленях «Лидии», шестерых подобрал тендер – и все. Команда «Лидии» встретила их приветливо. Они стояли в свете фонаря, вода ручьями текла с лохмотьев и тусклых черных волос. Они испуганно молчали; один даже попытался было сопротивляться, словно продолжая последний яростный бой «Нативидада».

– Ничего, мы еще из них сделаем марсовых, – с натужной веселостью произнес Хорнблауэр.

Усталость его достигла такой степени, что он говорил как во сне. Все окружающее – корабль, пушки, мачты, паруса, крепкая фигура Буша – было призрачным, реальной была лишь усталость да боль в затылке. Он слышал свой голос как бы со стороны.

– Так точно, сэр, – ответил боцман.

Все перемелется, что попадет на жернова королевского флота. Гаррисон готов был делать матросов из любого человеческого материала, – собственно, этим он и занимался всю свою жизнь.

– Какой курс мне задать, сэр? – спросил Буш, когда Хорнблауэр вернулся на шканцы.

– Курс? – отрешенно повторил Хорнблауэр. – Курс?

Не верилось, что бой окончен, «Нативидад» потоплен и на тысячи миль вокруг нет ни одного неприятельского судна. Трудно было осознать и то, что «Лидия» в серьезной опасности, что монотонно лязгающие помпы не успевают откачивать проникающую в пробоины воду, что под днищем все еще протянут парус и корабль крайне нуждается в починке.

Мало-помалу Хорнблауэр понял, что должен открыть новую страницу в истории «Лидии», составить новые планы. Выстроилась уже целая очередь, ожидающая его приказов, – Буш, боцман и плотник, артиллерист и болван Лори. Хорнблауэру пришлось вновь напрягать усталый мозг. Он оценил силу и направление ветра так, словно решал отвлеченную научную проблему, а не занимался делом, за двадцать лет в море ставшим второй натурой. Он устало спустился в каюту, посреди неимоверного разрушения нашел разбитый ящик с картами и усталый в изорванный планшет.

Надо как можно скорее сообщить об одержанной победе в Панаму – это очевидно. Может быть, там можно будет и починиться. Впрочем, Хорнблауэр не ждал многого от этого неприятного рейда, особенно памятуя, что в городе желтая лихорадка. Итак, надо вести потрепанный корабль в Панаму. Он проложил курс на мыс Мала, до предела напрягая мозг, сообразил, что ветер попутный, и поднялся наверх с готовыми приказами. Тут он обнаружил, что ожидавшая его толпа рассеялась, словно по волшебству. Буш разогнал всех – как, неизвестно. Хорнблауэр сказал Бушу курс. Тут рядом материализовался Полвил с плащом и стульчиком. Сил возражать не было. Хорнблауэр покорно дал закутать себя в плащ и почти без чувств рухнул на стульчик. Последний раз он сидел двадцать один час назад. Полвил принес и еду, но Хорнблауэр не стал даже глядеть на нее. Он не хотел есть – только спать.

На какую-то секунду Хорнблауэр проснулся – он вспомнил о леди Барбаре, задраенной вместе с ранеными в темной и душной утробе судна. Но тут же расслабился. Проклятая бабенка пусть сама о себе позаботится – она вполне в состоянии это сделать. Теперь ничто не имело никакого значения. Он снова уронил голову на грудь. В следующий раз его разбудил собственный храп, но ненадолго. Он спал и храпел, не слыша грохота, который поднимала команда, сивившаяся вновь сделать «Лидию» похожей на боевой корабль.

XVIII

Разбудило Хорнблауэра солнце – оно встало над горизонтом и засияло прямо в глаза. Он заерзал, заморгал и сперва попытался, как ребенок, закрыть глаза рукой, чтобы снова уснуть. Он не знал, где он, и не хотел знать. Потом начал припоминать события вчерашнего дня, бросил старания уснуть и вместо этого попробовал проснуться. Как ни странно, сперва он вспомнил подробности сражения, но не мог вспомнить, что «Нативидад» затонул. Когда эта картина вспыхнула в его памяти, он проснулся окончательно.

Он встал и мучительно потянулся – все тело ныло от вчерашней усталости. Буш стоял подле штурвала. Его серое, заострившееся лицо казалось в ярком свете неестественно старым. Хорнблауэр кивнул ему, Буш козырнул в ответ.

Голова лейтенанта под треуголкой была обмотана грязной белой тряпицей. Хорнблауэр заговорил было с ним, но все его внимание захватил корабль. Дул хороший бриз – ночью он, наверно, поменял направление, поскольку «Лидия» шла теперь в самый крутой бейдевинд.

Были подняты все обычные паруса. Бывалый глаз Хорнблауэра заметил многочисленные сплески как на бегучем, так и на стоячем такелаже. Временная бизань-мачта стояла вроде надежно, но в каждом из ее парусов было по меньшей мере по дыре – на иных и все десять. От этого корабль походил на оборванного бродягу. Сегодня первым делом надо будет заменить паруса – такелаж пока обождет.

Лишь потом, разобравшись с погодой, курсом и состоянием парусов, Хорнблауэр опытным взглядом окинул палубу. Со стороны бака доносился монотонный перестук помп. Вода из них текла чистая, белая – явный признак, что она поступает так же быстро, как ее откачивают. На подветренном переходном мостике длинным-предлинным рядом лежали убитые, каждый завернут в свою койку. Хорнблауэр вздрогнул, когда увидел, как длинен этот ряд. Собравшись с силами, он пересчитал трупы. Их было двадцать четыре – и четырнадцать похоронили вчера. Кто-то из этих мертвецов вчера мог быть – да и наверняка был – тяжелораненым, но если мертвецов тридцать восемь, значит раненых внизу не меньше семидесяти. Всего получалось больше трети команды. Он думал, кто они, чьи изуродованные лица скрываются под парусиной.

Мертвых на палубе было больше, чем живых. Буш, похоже, отослал вниз почти всю команду, десяток матросов управлялся с парусами и штурвалом. Очень разумно; за вчерашние сутки все наверняка вымотались до предела, а ведь пока не найдут и не заделают пробоины, каждому седьмому придется стоять у помп. Матросы спали вповалку на главной палубе под переходными мостиками. Немногие нашли в себе силы натянуть койки (им еще повезло, что их койки уцелели); остальные лежали, где упали, головой друг на друга или на менее удобных предметах, вроде рымболтов или задних пушечных осей.

По-прежнему виднелись многочисленные свидетельства вчерашнего боя, кроме зашитых в койки трупов и плохо смытых темных пятен на белых досках. По палубе в разных направлениях шли борозды и выбоины, там и сям торчали острые щепки. В бортах зияли дыры, кое-как затянутые парусиной, косяки портов были черны от пороха; из одного торчало восемнадцатифунтовое ядро, наполовину застрявшее в дубовом бруссе. Но с другой стороны, проделана титаническая работа – от уборки мертвых до крепления пушек. Не будь команда такой усталой, «Лидия» через две минуты могла бы снова принять бой.

Хорнблауэру стало стыдно, что все это сделали, пока он дрых на стульчике. Он подавил раздражение. Похвалить Буша – значит признать собственные упущения, но надо быть справедливым.

– Очень хорошо, мистер Буш, очень, – сказал он, подходя к первому лейтенанту. Природная робость вместе со стыдом заставили его говорить высокопарно: – Изумляюсь и радуюсь, какую огромную работу вы проделали.

– Сегодня воскресенье, сэр, – просто ответил Буш.

И впрямь, воскресенье – день капитанского смотра. По воскресеньям капитан обходит корабль, заглядывает повсюду, проверяет, в надлежащем ли порядке содержит его первый лейтенант. По воскресеньям корабль метут и украшают, ходовые концы тросов складывают в бухты, матросы в лучшей одежде выстраиваются подивизионно, проходит богослужение, читают «Свод законов военного времени». По воскресеньям проверяется служебное соответствие каждого первого лейтенанта на флоте его британского величества.

Чистосердечное признание заставило Хорнблауэра улыбнуться.

– Воскресенье или нет, – сказал он, – вы потрудились на славу, мистер Буш.

– Спасибо, сэр.

– Я не премину отметить это в своем рапорте.

– Я не сомневался в этом, сэр.

Усталое лицо Буша осветилось. В награду за успешный одиночный бой первого лейтенанта обычно производили в капитан-лейтенанты; для такого человека, как Буш, не имеющего ни связей, ни влиятельных родственников, это единственная надежда получить вождеденный чин. Однако слишком озабоченный собственной славой капитан мог представить в рапорте, будто одержал победу не столько благодаря, сколько вопреки первому лейтенанту, прецеденты такие были.

– Когда об этом услышат в Англии, будет много шума, – сказал Хорнблауэр.

– Еще бы, сэр. Не каждый день фрегату удастся потопить линейный корабль.

Некоторое преувеличение – назвать «Нативидад» линейным кораблем. Лет шестьдесят назад, когда он строился, его еще могли счесть годным для боя в кильватерном строю, но времена меняются. И все равно заслуга «Лидии» очень велика. Только сейчас Хорнблауэр начал осознавать, насколько велика эта заслуга, и, соответственно, воспрянул духом. Есть, однако, еще один критерий, по которому британская публика склонна оценивать морские сражения, и даже Адмиралтейская коллегия нередко руководствуется им же.

– Сколько убитых и раненых? – жестко спросил Хорнблауэр, высказывая то, о чем оба сейчас подумали. Он говорил жестко, чтобы в словах его не прозвучала человеческая жалость.

– Тридцать восемь убитых, сэр. – Буш вынул из кармана грязный клочок бумаги. – Семьдесят пять раненых. Четверо пропавших. Пропали Харпер, Дausон, Норт и негр Грэм, сэр, – все они были в баркасе, когда тот затонул. Клэй был убит в первый день...

Хорнблауэр кивнул: он помнил безголовое тело на шканцах.

– ...Джон Саммерс, подштурман, Генри Винсент и Джеймс Клифтон, боцманматы, убиты вчера. Дональд Скотт Гэлбрейт, третий лейтенант, лейтенант морской пехоты Сэмюэль Симмондс, мичман Говард Сэвидж и еще четыре уорент-офицера ранены вчера.

– Гэлбрейт? – переспросил Хорнблауэр. Эта новость помешала ему задуматься, какая же будет награда за список потерь в сто семнадцать имен, если до него капитанов возводили в рыцарское достоинство не более чем за восемьдесят убитых и раненых.

– Очень плохо, сэр. Обе ноги раздроблены до колен.

Гэлбрейту выпала участь, которой Хорнблауэр страшился для себя. Потрясение вернуло Хорнблауэра к его обязанностям.

– Я немедленно спущусь к раненым, – сказал он, но тут же одернул себя и внимательно посмотрел на первого лейтенанта. – Как вы сами, Буш? Вы выглядите неважно.

– Со мной все отлично, сэр, – запротестовал Буш. – Я часок отдохну, когда Джерард придет меня сменить.

– Ладно, как хотите.

Под палубой, в кубрике, было как в Дантовом аду. В темноте поблескивали четыре масляные лампы, красновато-желтый, пробегающий по палубным бимсам свет, казалось, лишь ступал тени. Было нестерпимо душно. К обычным запахам застоявшейся воды и корабельных

припасов добавилась вонь от тесно лежащих раненых, от коптящих ламп, едкий пороховой дым, так и не выветрившийся со вчерашнего дня.

Жар и вонь ударили Хорнблауэру в лицо. Через пять минут он взмок, словно его окунули в воду, – такой горячий и влажный был воздух.

Таким же плотным, как воздух, был шум. Слышны были обычные корабельные шумы – скрип и стон древесины, шептание такелажа, передаваемое через руслени, гул моря за бортом, плеск переливающейся в трюме воды, монотонное лязганье помп, отдающееся в обшивке. Но все это звучало лишь аккомпанементом к звукам кокпита, где семьдесят пять раненых стонали, рыдали, вскрикивали, ругались и блевали. Вряд ли грешники в аду находятся в условиях более ужасающих или терпят большие муки.

Хорнблауэр нашел Лори. Тот стоял в темноте и ничего не делал.

– Славу богу, вы пришли, сэр. – По голосу было ясно, что с этого момента Лори всю ответственность целиком и полностью перекладывает на плечи капитана.

– Сделайте обход вместе со мной и доложите, – коротко приказал Хорнблауэр.

Все это было глубоко ему неприятно, однако обратиться в бегство, как подсказывал инстинкт, он не мог, хоть и был на корабле практически всемогущ. Дело надо было делать, и Хорнблауэр знал: раз Лори доказал свою никчемность, никто лучше него самого не справится. Он подошел к ближайшему раненому и в изумлении отпрянул. Дрожащий свет фонаря освещал классические черты леди Барбары. Она стояла на коленях рядом с раненым и губкой вытирала ему лицо.

Хорнблауэр был изумлен, шокирован. Лишь много лет спустя Флоренс Найтингейл доказала, что женщины могут и должны ухаживать за ранеными¹⁵. Для человека со вкусом невыносимо было даже помыслить, что женщина может работать в больнице. «Сестры милосердия» трудились там ради спасения души. Вечно пьяные старухи помогали роженицам и иногда ухаживали за больными. Но с ранеными дело имели исключительно мужчины – мало того, мужчины, ни на что иное не годные, которых принуждали к этому, как принуждали чистить гальюны, – ввиду полной никчемности или в наказание. Хорнблауэра едва не стошнило, когда он увидел, что леди Барбара касается грязных тел, крови, гноя и блевотины.

– Не делайте этого! – хрипло выговорил он. – Уходите отсюда. Идите на палубу.

– Я уже начала, – отвечала леди Барбара безразлично. – И не уйду, пока не закончу.

Ее тон исключал всякие возражения. Точно так же она могла бы сказать, что у нее насморк, который придется терпеть, пока не пройдет.

– Тот джентльмен, который здесь за главного, – продолжала она, – не знает своих обязанностей.

Леди Барбара не считала, что ухаживать за ранеными благородно. Для нее это было занятие еще более низменное, чем штопка или готовка (и тем и другим изредка, по необходимости, утруждала она в путешествиях свои длинные пальцы). Однако она нашла дело, которое исполняется недолжным образом, дело, которое никто лучше нее сделать не может, притом что для блага королевской службы надлежит его делать хорошо, и приступила к нему с той же самоотверженностью, с тем же небрежением к своим удобствам и вниманием к мелочам, с какими один ее брат управлял Индией, а другой – сражался с маратхами.

– У этого человека, – продолжала леди Барбара, – щепка под кожей. Ее надо немедленно извлечь.

Она указала на волосатую и татуированную матросскую грудь. Под татуировкой был огромный черный синяк от грудины до правой подмышки. Подмышечные мускулы явственно выпирали под кожей. Леди Барбара положила на них пальцы, матрос застонал и задержался.

¹⁵ Флоренс Найтингейл (1820–1910) – британская общественная деятельница, сестра милосердия, которая во время Крымской войны вместе с другими сестрами милосердия и монахинями отправилась работать в полевые госпитали.

В морском бою раны от щепок составляют значительную часть ранений. Зазубренные куски древесины нельзя извлечь через то же отверстие, через которое они вошли. В данном случае щепка прошла вдоль ребер, разрывая и увеча мышцы, и в конце концов оказалась под мышкой.

– Вы готовы? – спросила леди Барбара несчастного Лори.

– Ну, мадам...

– Если вы этого не сделаете, сделаю я. Не глупите же.

– Я прослежу за этим, леди Барбара, – вмешался Хорнблауэр. Он готов был пообещать что угодно, лишь бы она ушла.

– Очень хорошо, капитан.

Леди Барбара встала с колен, но явно не собиралась удалиться, как пристало даме. Хорнблауэр и Лори переглянулись.

– Ну, Лори, – хрипло сказал Хорнблауэр. – Где ваши инструменты? Эй, Уилкоккс, Хадсон. Принесите ему чарку. Ну, Уильямс, мы сейчас вынем из тебя эту щепку. Тебе будет больно.

Хорнблауэр с трудом сдерживал гримасу отвращения и страха. Он говорил отрывисто, чтобы скрыть дрожь в голосе. Все это было ему отвратительно. Уильямс хоть и крепился, но корчился, пока ему делали надрез. Уилкоккс и Хадсон ухватили его за руки и придавили к палубе. Он протяжно заорал, когда из тела начали вытаскивать длинный черный кусок дерева, потом обмяк, потерял сознание и уже не стонал, когда Лори неумело сшивал иглой края надреза.

Губы леди Барбары были плотно сжаты. Она следила, как Лори безуспешно пытается перевязать рану, потом без единого слова шагнула вперед и взяла тряпье из его рук. Мужчины зачарованно следили, как она, одной рукой крепко держа Уильямса под спину, другой обернула бинт вокруг его тела и прочно привязала к ране быстро краснеющую ветошь.

– С ним пока все, – сказала леди Барбара, вставая.

Хорнблауэр провел в духоте кокпита два часа, обходя раненых вместе с Лори и леди Барбарой, однако часы эти были вовсе не так мучительны, как могли бы быть. Едва ли не сильнее всего тяготился он собственной беспомощностью – и вот неосознанно переложил часть ответственности на леди Барбару. Она продемонстрировала такие несомненные способности и такое бесстрашие, что явно именно ей, и никому другому, следовало поручить раненых. Когда Хорнблауэр обошел всех и пять только что умерших вынесли наружу, он посмотрел на нее в дрожащем свете крайней в ряду лампы.

– Не знаю, как и благодарить вас, мэм. Я обязан вам не меньше, чем любой из этих раненых.

– Не стоит благодарностей, – отвечала леди Барбара, пожимая тонкими плечами. – Дело должно быть сделано.

Много-много лет спустя ее брат-герцог скажет: «Правительство должно продолжать работу», в точности тем же тоном. Ближайший к ним матрос махнул перевязанной рукой.

– Да здравствует ейная милость! – прохрипел он. – Гип-гип-ура!

Кое-кто из страдальцев присоединился к нему – печальный хор, слившийся со стонами и хрипами остальных. Леди Барбара неодобрительно помахала рукой и повернулась к капитану.

– Им нужен воздух, – сказала она. – Можно это устроить? Помню, брат говорил мне, что смертность в бомбейских госпиталях снизилась, когда там стали проветривать. Быть может, тех, кого можно двигать, перенести на палубу?

– Я это устрою, мэм, – сказал Хорнблауэр.

Просьба леди Барбары подкреплялась тем контрастом, который он ощутил, выйдя на палубу. Несмотря на палящее солнце, после спертой духоты кубрика тихоокеанский ветер освежал, как шампанское. Хорнблауэр велел немедленно спустить под палубу парусиновые вентиляционные шланги, убранные на время боя.

– Кое-кого из раненых, мистер Рейнер, – сказал он затем, – лучше вынести наверх. Найдите леди Барбару Уэлсли и спросите, кого именно.

– Леди Барбару Уэлсли, сэр? – удивленно и бестактно переспросил Рейнер. Он был еще не в курсе последних событий.

– Вы меня слышали, – буркнул Хорнблауэр.

– Есть, сэр, – поспешно отвечал Рейнер и нырнул вниз, боясь еще чем-нибудь разозлить капитана.

Так что, когда команда «Лидии» выстроилась по дивизионам и с некоторым запозданием после погребения мертвых прошло воскресное богослужение, по обе стороны главной палубы раскачивались койки с ранеными, а из вентиляционных шлангов приглушенно доносились жуткие стоны.

XIX

И вновь «Лидия» шла вдоль тихоокеанского побережья Центральной Америки. Розовато-серые вулканические пики проплывали на востоке, изредка у их подножия проглядывала сочная зеленая полоска. Море было синее, и небо было синее, летучие рыбки шныряли над поверхностью воды, оставляя на ней мимолетные борозды. Но днем и ночью, не переставая, двадцать человек работали на помпах, удерживая «Лидию» на плаву, а остальные, кто мог работать, все свободное от сна время занимались починкой.

За две недели, прошедшие до того, как они обогнули мыс Мала, список раненых значительно поредел. Некоторые уже выздоравливали. Многомесячный тяжелый труд на море закалил их тела, и раны, смертельные для людей физически более слабых, исцелялись быстро. Шок и потеря крови избавили корабль от других; теперь дело довершала гангрена, грозная Немезида, столь часто настигавшая людей с открытыми ранами в те, не знавшие антисептиков, времена. Каждое утро у борта корабля повторялась одна и та же церемония: два, три, а то и шесть парусиновых кулей сбрасывали в синие воды Тихого океана.

Туда же отправился и Гэлбрейт. Он пережил шок, пережил истязания, которым подверг его Лори, когда, по настоянию леди Барбары, решил обработать пилой и ножом клочья мяса и раздробленные кости, прежде бывшие ногами. Он лежал бледный, ослабевший, но, казалось, быстро шел на поправку. Лори уже похвалялся успехами в хирургии и ловкостью, с какой перетянул артерии и обработал культы. Потом внезапно проявились роковые симптомы, и пять дней спустя, после счастливого забытья, Гэлбрейт умер.

В эти дни Хорнблауэр и леди Барбара очень сблизились. Леди Барбара до конца безнадежно боролась за жизнь Гэлбрейта, боролась яростно, не щадя себя, однако не проявляя внешне никаких чувств. Казалось, она просто делает неприятное, но нужное дело. Хорнблауэр тоже бы так думал, если бы как-то случайно не увидел ее лицо. Она сидела подле Гэлбрейта, а он держал ее руки и говорил с ней, принимая за свою мать. Умиравший юноша лихорадочно бормотал по-шотландски (он перешел на родной язык, как только начал бредить), сжимал ее руки, не отпускал, а она говорила с ним ласково, успокаивала. Так ровен был ее голос, так естественна манера, что Хорнблауэр обманулся бы, если бы не видел муки на ее лице.

Хорнблауэр неожиданно тяжело перенес смерть Гэлбрейта. Он всегда считал, что лишь использует людей и счастливо избавлен от человеческих привязанностей. Его удивили горечь и жалость, вызванные смертью Гэлбрейта, удивило, что голос его дрожал и глаза наполнились слезами, когда он читал заупокойную службу, и что его передернуло при мысли о том, что творят акулы с телом под синей поверхностью Тихого океана. Он ругал себя за непростительную слабость, убеждал, что всего лишь жалеет об утрате толкового подчиненного, но так и не убедил. В гневе на себя он еще жестче подгонял матросов, занятых починкой, однако теперь, на палубе или за обеденным столом, встречался глазами с леди Барбарой без былого предубеждения. Между ними возник намек на взаимопонимание.

Хорнблауэр видел леди Барбару редко. Иногда они обедали вместе, всегда в присутствии одного-двух офицеров, но он по большей части был занят своими обязанностями, она – уходом за ранеными. У обоих не было времени, а у него – так и сил, чтобы любезничать, как ни склоняли к этому теплые тропические вечера. А после того, как они вошли в Панамский залив, у Хорнблауэра еще прибавилось хлопот, начисто исключивших возможность каких-либо ухаживаний.

Только слева по курсу появились Жемчужные острова и «Лидия» в крутой бейдевинд двинулась к Панаме, до которой оставался всего день пути, как над горизонтом с наветренной стороны возник уже знакомый люгер. Завидев «Лидию», он изменил курс и направился к ней. Хорнблауэр курса не менял. Его окрыляла перспектива вскорости оказаться в порту,

пусть далеко не лучшим и охваченном желтой лихорадкой. На нем уже начинало сказываться постоянное напряжение, требовавшееся, чтобы удержать «Лидию» на плаву.

Люгер лег в дрейф в двух кабельтовых от фрегата, и через несколько минут подтянутый офицер в сверкающем мундире вновь поднялся на палубу «Лидии».

– Доброе утро, капитан, – сказал он с глубоким поклоном. – Надеюсь, ваше превосходительство в добром здравии?

– Спасибо, – сказал Хорнблауэр.

Испанский офицер с любопытством огляделся. «Лидия» являла многочисленные следы недавнего боя – койки с ранеными дополняли картину. Хорнблауэр заметил, что испанец явно настороже, будто не желает говорить о чем-то, прежде чем не выяснит неких важных обстоятельств.

– Я вижу, – сказал испанец, – что ваш великолепный корабль недавно принимал участие в сражении. Надеюсь, вашему превосходительству сопутствовала удача?

– Мы потопили «Нативидад», если вы об этом, – рубанул Хорнблауэр.

– Потопили, капитан?

– Да.

– Он уничтожен?

– Да.

Лицо испанца ожесточилось. Хорнблауэр сперва подумал, что сразил его вестью о вторичном поражении, нанесенном английским кораблем испанскому, вдвое более мощному.

– В таком случае, – сказал испанец, – я должен передать вам письмо.

Он сунул руку в нагрудный карман, но как-то неуверенно – позже Хорнблауэр сообразил, что у него было два письма: одно в одном кармане, другое – в другом, разного содержания. Одно надлежало вручить, если «Нативидад» уничтожен, другое – если он еще опасен. Письмо, которое испанец наконец извлек на свет, было не то чтобы коротким, но очень сжатым, что по контрасту с многословной вычурностью испанского официального стиля означало неприкрытую грубость. Хорнблауэр понял это, как только сломал печать и прочел первые фразы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.